

Ю.Е. Прохоров

В ПОИСКАХ КОНЦЕПТА

Учебное пособие

4-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «Флинта»
2016

УДК 81
ББК 81
П84

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 07-04-16-099д

Прохоров Ю.Е.

П84 В поисках концепта : [электронный ресурс] учеб. пособие / Ю.Е.
Прохоров. — 4-е изд., стереотип. — М. : Флинта, 2016. — 176 с.

ISBN 978-5-9765-0047-1

В книге рассмотрено современное состояние исследования «концепта» в когнитивной лингвистике, философии и литературоведении. Предложена модель возникновения «концепта» в процессе осмысления мира человеком, выявлены его содержательные составляющие, определены взаимосвязи семантического, семиотического и концептуального пространств в обеспечении коммуникации представителей определенного лингвокультурологического сообщества, выделена роль «концепта» как важнейшего элемента хаосокосмологии общения.

Для студентов-филологов, аспирантов и преподавателей вузов.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-9765-0047-1

© Издательство «Флинта», 2016

Памяти моих родителей —
Марии Михайловны
и Евгения Ивановича Прохоровых

И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе порываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается и то и другое.

Евангелие от Матфея IX; 16—17

1. Предвведение. Концептуальное

Поговорим о странностях любви... Ведь филология — это «любовь к слову». Причем эта любовь — не вздохи на скамейке и не прогулки при луне, это гораздо серьезнее. Это любовь с ненавистью почти пополам. Ибо если филолог что полюбит — нет у него большего врага, чем другой филолог, смеявший не разделить его чувство. А что может любить филолог, у которого это не гендерное, а профессиональное? См. выше: он может любить только слово. Таких эпидемий любви и на жизненно-научном отрезке существования самого автора было несколько. В годы его незрелых чувств он, как и все, полюбил слово «лингвострановедение». И твердо знал: кто не лингвострановед, кто не с нами — тот против нас, даже, точнее, — просто не из нас. Потом была безоглядная любовь к компетенциям и коммуникативности. Этот бой — святой и правый в международном масштабе — был вообще, в силу эпохи этой страсти, борьбой «правых» и «левых», т.е. выражался в родном великом и могучем четким тезисом: «Есть две точки зрения — наша и неправильная»...

Потом наши пошли вглубь (или вверх, или вширь?), потянуло когнитивностью. А от всех несогласных с ней — гнилью и тленом. На дискурсе сошлись вода и пламень. Огонь и, как всегда, единственно правильная точка зрения.

И вот, наконец, апофеоз (на 01.01.2004 — потому что апофеозам будущего несть числа, ибо филология есть любовь, см. выше). Был Богом дан КОНЦЕПТ. Это уже серьезно: во-первых — от Бога, во-вторых, запахло философией, которая, как известно, тоже есть любовь. А две любви — многовато для одного исследователя (мы имеем в виду именно науку, а не презренный быт). Концепт — это уже нумиозное, «не передаваемый словами, но реальный опыт человека, когда тот в определенные моменты отчетливо переживает присутствие чего-то радикально иного, чем он сам и окружающий его мир, потусторонне-духовного, непонятного и заведомо сущностно-непостижимого, хотя

и бытийно-реального... Кто имел или имеет опыт нумиозного, тот... поймет, о чем идет речь, а кто этим опытом не располагает, тому и не объяснишь» [Верещагин, Костомаров, 2000; 6—7]. Но ни это, ни помещение концепта в «ментальное» исследователя не остановит: ведь только сначала Федот-стрелец не знал, как добыть то, «чего вообще не может быть», — но потом-то добыл!..

Вот и автору не дает покоя родная ментальность. Не в силах отказать себе в проявлении основополагающего чувства советских людей — коллективизма (до 1991 г.) и аналогичного чувства русских людей — соборности (после 1991 г.), автор уже предпринял одну попытку объяснения в любви дискурсу и тексту [Прохоров, 2004]. Но чувству не прикажешь, и потому речь теперь пойдет о концепте.

2. Введение

В любой науке, очевидно, существуют такие понятия, которые, с одной стороны, явно не имеют точной и общепринятой дефиниции, а с другой — «примерно» одинаково «примерно» понятны всем специалистам в данной области исследований. Причем часто эти понятия могут относиться даже к базовым для данных наук: на наш взгляд, это объективно связано, во-первых, с естественным желанием каждого исследователя сначала выразить свое отношение именно к этим и утвердить свое понимание именно этих «опорных» элементов, на базе которых теория только и может далее развиваться. Во-вторых, основные понятия — столь же, на наш взгляд, объективно — чаще всего соотносятся уже не с языком данной науки, а с ее метаязыком, «языком второго порядка»¹.

В связи с этим исследователь при выборе той или иной дефиниции некоторого понятия «определяет» себя в русле того или иного (или совершенно иного!) направления развития данной дисциплины.

Но есть, очевидно, еще и в-третьих. Это «в-третьих» столь же объективно, сколь и лукаво. Дело в том, что целый ряд терминов, введенных в научное обращение отдельными специалистами (которые при этом могут понимать их далеко не одинаково), на какое-то время становятся чрезвычайно популярными, модными: их использование свидетельствует о том, что автор не просто в курсе современной научной парадигмы, а

¹ Термин «метаязык» первоначально возник в математике и логике в значении: формализованный язык, средствами которого исследуются свойства соответствующих предметных (или объектных) теорий, разграничиваются уровни самих описываемых объектов и n-й уровень их описания... В языкознании системы понятий, закрепленные в соответствующем метаязыке, обнаруживают определенную методологическую ориентацию, т.е. оказываются методологически обусловленными... (см. ЛЭС, 1990; 279).

находится прямо-таки в лидерах научного прогресса. И частотность употребления этих понятий приводит к «переходу количественных изменений в качественные»: это только про халву можно сказать, что «сколько не повторяй — слаще не станет», в случае с терминами частотность их использования создает определенную «видимость» ясности, прозрачности их значения. А это, в свою очередь, избавляет большинство авторов от необходимости четко определять, что же они понимают под тем или иным словом: «все же понимают, и я, как все, понимаю...».

Есть такие термины и в сфере когнитивной лингвистики (вот уже и сам этот термин — явление «третьего порядка»). Волею случая и по желанию оргкомитета автору пришлось вести одно из заседаний секции X Международного конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, который прошел в начале лета 2003 г. в Санкт-Петербурге. Секция называлась «Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений» и состояла из четырех заседаний: 1) когнитивное описание языковой действительности и русская концептосфера; 2) концептосфера русского языка: универсальное, национальное, индивидуальное; критерии и методы описания концептов; 3) система концептов в русской языковой картине мира; 4) языковая картина мира и русская ментальность; единицы языка и речи в концептуальной интерпретации. Как видно по названиям секции и заседаний, вся научная дискуссия была посвящена, в принципе, одному понятию — понятию «концепт». В связи с этим приведем только те названия выступлений, в которых само это слово присутствует:

Арват Н.Н. Концептосфера лексемы «душа» в русском языке.

Белякова С.М. Глаголы «играть» и «гулять» в концептосфере русского языка.

Блохина Н.Г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений (на примере анализа концепта, репрезентируемого словом «Бог»).

- Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики.
- Милевская Т.Е. Концептосфера мемуариста.
- Миرونюк Л., Каминьски В. Нечто об эмоциональных концептах в русском языке.
- Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Лексикографическое исследование концептосферы русского фольклора.
- Селиванова Е.А. Мотивационные процессы в концептосфере русского языка.
- Чулкина Н.Л. Концептосфера русской повседневности: лингвокультурологическое описание.
- Адамсон И. В. Некоторые наблюдения над семантическими составляющими концепта «воля» в русском языке в сопоставлении с эстонским языком (на материале наблюдений за функционированием фразеологизмов с волитивным компонентом значения).
- Балуш Т.В. Концепт «воля» в художественной картине мира В.М. Шукшина.
- Белякова Л.Ф. Концепт «престиж» в языковом сознании студенческой молодежи конца XX в. (по материалам лингвистического эксперимента).
- Буянова Л.И., Ерошенко А.Р. Константы «Жизнь», «Душа», «Любовь» как основа русской ментальности и культуры: специфика вербализации.
- Десюкевич О.И. Концепт «профессор» в русской литературе XX века.
- Иватович В.Т. Белорусская шляхта: концепт и понятие.
- Крюкова Г.А. Социолингвистический аспект русского слова на материале концепта «государство».
- Синелева А.В. Использование методов частотного анализа при описании концептов русского фольклора (на материале русских народных сказок под редакцией А.Н. Афанасьева).
- Синячкин В.П. Лингвокультуремы концепта ХЛЕБ в русском языке и русской культуре.
- Федюнина И.А. Концепт «событийность» в языковой картине мира (языковые проблемы русской рекламы).

Яценко Т.А. Концепт причины в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Даже из этого (явно краткого) списка отчетливо видно, что практически каждый автор под словом «концепт» понимает нечто свое: концептосфера может быть и у языка, и у отдельной лексемы; она может быть связана с отдельным жанром, с отдельным аспектом человеческого бытия и с отдельным наименованием некоторого социального статуса; концепт может быть представлен в языковом сознании и в языковой картине мира, в художественной картине мира и в отдельном литературном жанре; концептом может быть и понятие, и некоторая каузальность, и некоторая эмоция, и т.д. Среди концептов есть еще и константы, а сам он может состоять из лингвокультурем... И все это вместе может помещаться куда-то «в район» ментальности... (Очевидно, там ему и место, так как понятие ментальности — еще более расплывчатое, вплотную приближающееся к истории мидян, которая, как известно из классики, «была темна и непонятна»...)

Но тем не менее нельзя не признать, что оба эти термина уже прижились в научной литературе и «работают» в ней: при всей их приблизительности и расплывчатости специалисты понимают их более-менее схоже — есть что-то (и в сознании, и в языке), что определяет (называет, представляет в виде образа) некоторые явления (понятия, действия, состояния), принципиально важные для бытия людей и их общения (в том числе и речевого), причем это что-то имеет как всеобщую, так и национально-детерминированную значимость и временную устойчивость. И это что-то — не единично, их некоторое (конечное или бесконечное) количество, и они объединены в некоторую систему (совокупность), которая из них и состоит, и существует сама как таковая. Это что-то и есть концепт, а их совокупность и есть концептосфера.

При таком глобальном подходе на предложенном выше понимании можно было бы и остановиться. Однако это тоже не решение проблемы: во-первых, слишком много неопределен-

ностей в таком понимании делает его абсолютно аморфным, «без берегов». Во-вторых, не ясно, к какому аспекту познания оно (такое понимание) может быть отнесено. А в-третьих, оно столь «концептуально», что совершенно не проясняет вопрос...

Следовательно, проблема остается, а решение проблемы — и есть цель любого научного исследования.

3. Постведение. Научное

«Вопрос о природе общих понятий или концептов — по средневековой терминологии универсалий — старый вопрос, давно стоящий на очереди, но почти не тронутый в своем центральном пункте. Общее понятие, как содержание акта сознания, остается до сих пор весьма загадочной величиной... концептуализм обыкновенно дальше утверждения существования концептов в человеческом уме не идет, и природа их до сих пор остается в достаточной мере загадочной» [Аскольдов, 1928].

«Изучению природы концепта в современной лингвистике уделяется первостепенное значение. Однако любая попытка постичь природу концепта связана с осознанием факта существования целого ряда самых разнообразных точек зрения на нее. На наш взгляд, чрезвычайный разницей в подходе к анализу интенсивного, содержательного (в противоположность внешнему, формальному) плана языка обусловлен в первую очередь нерешенностью вопроса о разграничении схожих явлений и часто возникающей вследствие этого терминологической путаницей» [Худяков, 1996; 97].

«Интенсивные исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большой разницей в понимании самого термина концепт. Употребление этого термина стало модным, что приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и теоретическим недоразумениям» [Попова и др., 1999; 3].

«В настоящее время термин “концепт” находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами» [Карасик и др., 2001; 75].

«В последние годы использование термина “концепт” выполняет роль своеобразного сигнала, который при поверхностном

наблюдении воспринимается как свидетельство “современности” того или иного научного исследования» [Залевская, 2002; 5].

«Термин концепт определить трудно, т.к. у него есть содержание (существенные признаки), но пока не ясен объем» [Зиновьева, 2003; 16].

«Термин “концепт”, как и ряд других терминов (“дискурс” или “языковая личность”, например) относятся к числу модных. Им пользуются многие авторы, но, к сожалению, далеко не все берут на себя труд объяснить, что же они имеют в виду и что, на их взгляд, стоит за самим термином, а из того, что пишут авторы, это далеко не всегда бывает понятно» [Красных, 2003; 266].

«Ключевым, наиболее частотным термином в когнитивной лингвистике является концепт. Разнобой в понимании этого термина чрезвычайно широк...» [Юрков, 2003; 15].

«Концепт — один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики» [Грузберг, 2003; 184].

После заключительной цитаты уже трудно что-то добавить. Можно только попытаться — в меру своего понимания — разобраться в проблеме.

Если меня об этом не спрашивают, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю.

А. Августин. Исповедь

Глава I. ЧТО ЕСТЬ ПРЕДМЕТ РАССМОТРЕНИЯ?

...наука имеет больное слово, и эта болезнь слова есть главный источник, и, вместе с тем, и симптом ее бессилия, потому что оно обрекает всякое научное знание на относительность, т.е. на заведомую полуистинность.

С.Н. Булгаков

Как мы уже отмечали во Введении (1—2—3), частотность использования слова «концепт» может соперничать только, пожалуй, с количеством разных его интерпретаций. Если к этому добавить, что «концепт» — принадлежность не только языка лингвистики (прежде всего когнитивной лингвистики), но и литературоведения, и логики, и философии, и культурологии, то легко себе представить всю эту терминологическую «вольницу». При этом данного слова практически нет в языке: оно (в отличие от слова ‘концептуальный’ или слова ‘концептуализм’, относимых к философско-литературоведческой терминологической сфере) не представлено в последних словарях русского языка: ни в «Новом словаре русского языка»¹, ни в «Толковом словаре русского языка конца XX века»², ни в «Русском семантическом словаре»³,

¹ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А—О.

² Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб: Фолио-Пресс, 1998.

³ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 2002.

Более того, в «Русском ассоциативном тезаурусе», где, по мнению его создателей и исследователей, есть «почти все», связанное с реальным русским речевым общением (его ассоциативно-вербальной сетью), ‘концепт’ представлен «хуже некуда» — его там просто нет⁴.

Поэтому придется в данном случае идти другим путем. К счастью, начало этого «другого пути» уже положено блестящим исследованием В.З. Демьянкова «Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке» [Демьянков, 2001]. Автор на основе большого корпуса текстов разных жанров проанализировал, как употреблялся этот «термин» (пусть пока будет в кавычках) в латинском, французском, итальянском и испанском (на родной территории), а также в немецком, английском и русском (на чужой территории) языках. Вот вывод автора:

1. Языки варьируются по времени укоренения термина *концепт* в гуманитарных науках, в художественной литературе и в бытовой речи. Это варьирование наблюдается даже в рамках романоязычного ареала — источника данного термина. В научной латыни слово *conceptus* употребляется редко, и чаще всего в значении типа «зачатый», а не «понятие». В итальянском и испанском языках *концепт* (*concetto* и *concepto* соответственно) издавна встречается в текстах художественной литературы и входит в сравнительно большое количество идиоматических сочетаний, а во французском — нет.

2. В немецком языке *концепт* (*Konzept*, *Konzept* и т.п.) фигурирует (не в идиомах) в значении «набросок», т.е. близко к русскому *конспект*. В английском языке *concept* как философский термин со значением «понятие а priori» широко употребляется начиная со второй половины XIX в. В русском же языке, если отвлечься от «цитирующего» упоминания как термина средневековой философии, *концепт* начинает часто использоваться с 1920-х гг., причем вплоть до середины 1970-х гг. чаще всего как полный синоним термина *понятие*...

⁴ Конечно, надо отметить, что словарь создавался в конце 80-х годов прошлого века, когда это слово не было так популярно и в научной литературе.

3. Пика употребительности в русском языке *концепт* достигает, когда этот термин начинают употреблять в значении ином, чем просто «понятие», особенно в гуманитарных науках. Разграничение проходит по следующей линии: *понятия* — то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью уверенности. Иногда референты у терминов *концепт* и *понятие* совпадают. Так, в данной работе я попытался **реконструировать** значение термина *концепт*, т.е. реконструировать «концепт концепта» на основе наблюдений над его употреблением в разных интеллектуальных культурах. На основе этой реконструкции и предлагается говорить о **понятии** *концепт*, т.е. о дальнейшем употреблении этого термина в заранее оговоренном значении, лежащем в рамках интернационального (а не только русского) узуса.

4. В таких — реконструируемом и предлагаемом здесь — истолкованиях значение термина *концепт* содержит идею «зачаточной истины», заложенной в латинском *conceptus* «зачатый». Концепт — то, что, видимо, «зачато», но в действительности чего мы можем убедиться только в результате реконструирующей «майевтической» процедуры.

5. Своеобразная мода на термин *концепт* в научной и художественной литературе конца XX — начала XXI в. указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» (априорным) смыслом. Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и на основе сложившихся представлений — старых **концептов**, не разрушая их, попытаться сконструировать новые **понятия**. Новое, особенно в этике, является реконструкцией старого. Со справедливостью этого положения мы сталкиваемся и в общественной, и в научной жизни» ([Демьянков, 2001; 45;] все выд. автора. — Ю.П.).

Наиболее принципиальным в этом выводе, на наш взгляд, является констатация сохранения (в большей или меньшей степени) семы «зачаточность», идеи некоего «исходного начала», на основе которого развиваются или которое конкретизируют все дополнительные, «приобретенные» в рамках того или иного научного направления смыслы. С другой стороны, при всей специфике использования этого слова, сохраняется его внутренняя связь с «понятием» — вместе это представляет собой нечто вроде «зародыша понятия / понятий». Эту идею соотношения концепта как «прото-знания» с другими элементами «сознания» очень точно, на наш взгляд, отметил С.Х. Ляпин: «Когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире “понятий”, “образов”, “поведенческих стереотипов”, “ценностей”, “идей” и других тому подобных привычных феноменологических координат своего существования (сравнительно легко фиксируемых уже на уровне обыденной рефлексии), одновременно на более глубоком уровне бытия он живет, общается, мыслит, действует в мире *концептов*, по отношению к которым традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.д. выступают их частными, проективными, редуцированными формами.

Последние, тем самым, могут быть истолкованы как вторичные и производные (и в этом смысле “менее действительные”) формообразования человеческого бытия-в-мире; как разнообразные понижения его исходной глубинной симметрии; как знаки, символы, репрезентанты соответствующих концептов» [Ляпин, 1997; 11].

При этом взаимосвязь этих элементов в полной мере отвечает известному парадоксу: «Что первично — яйцо или курица?» — так как, очевидно, существует и обратная взаимосвязь: совокупность обретаемых в процессе познания мира действительности понятий, образов, стереотипов и т.п., связанных с практическим осуществлением бытия в этой действительности, приобретения транслируемого опыта предыдущих поколений и т.п. способствуют становлению того «концепта» данной сферы человеческого существования, который это существование и регламентирует.

Но продолжим рассмотрение уже накопленного, того, что В.З. Демьянков, как он сам отмечает, не рискнул все же назвать в своей статье «концептом концепта», но что, по сути, и анализировал. Обилие точек зрения на ‘концепт’⁵ не могло не вызвать у специалистов желания обобщить их, построить некоторую систему этих точек зрения. История данного термина была представлена выше. В современных публикациях такие обобщающие анализы ведутся прежде всего по двум направлениям: во-первых, по гносеологии концепта, во-вторых, по типологии концептов. В первом случае объединение может проводиться на основе единого понимания происхождения концепта и его «местоположения», его соотношения с действительностью и форм его проявления. Во втором — с точки зрения определенной науки (дисциплины) с учетом ее понятийного аппарата и ее потребностей в данном термине. Начнем с первого направления.

...на наш взгляд, все высказываемые в научной литературе точки зрения по поводу определения термина концепт в основном могут быть сведены к двум: 1) концепт — содержание понятия, которое, постепенно развиваясь, актуализируя в речи отдельные семантические признаки, обрастает объемом (узкое понимание) и, 2) концепт «выражает» со-значения «национального колорита» функции языка как средства мышления и общения» [Колесов, 1999] — (широкое понимание) [Зиновьева, 2003; 17]⁶. Типология концептов как ментальных образований может проводиться по признаку их стандартизованности (индивидуальные, групповые и общенациональные). По

⁵ Автору удалось несколько страниц выдерживать некоторую логическую строгость, не используя сочетания «понятие концепта», «термин “концепт”», однако это уже становится неудобным чисто стилистически. Поэтому далее мы будем употреблять сочетание «термин “концепт”», понимая, что само слово «термин» употребляется не в строгом «терминологическом значении».

⁶ Как и в других работах, мы заранее оговариваем, что в больших сносках обзорного характера, во-первых, делаем некоторые купюры, а во-вторых, снимаем указания на цитируемые страницы тех авторов, которые входят в эту сноску: мы считаем, что это — указание на «вторичное цитирование», а не наше обращение к первоисточнику.

содержанию они могут делиться на представления, схемы, понятия, фреймы и т.п. По языковому выражению концепты могут репрезентироваться лексемами, фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями и даже текстами и совокупностями текстов (см., напр.: [Попова и др. 1999; 17—21; ср.: Сазонова, 2000]). «Концепт рассматривается как связующее звено между мышлением и языком; как единица сознания и отражающая человеческий опыт информационная структура» (Е.С. Кубрякова); как «интенциональная функция от возможного мира к его объектам» (Р.И. Павиленис); как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» (А.А. Залевская); «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя... свои разные признаки и слои» (И.А. Стернин); «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (С.А. Аскольдов); «единица языка мысли» (Т.А. Фесенко); «любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата» (А.П. Бабушкин); «знание об объекте из мира “Действительность”, переведенное в знание объекта в мире “Идеальное” (А. Вежбицкая); как сложные, организованные семантические сущности — констелляции значений, динамичные по своей природе (К. Харди), и др.

Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Человеческое сознание — посредник между реальным миром и языком. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется: «Концепты образуют “своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром”» [Арутюнова, 1993]; концепт — это «как бы сгусток культуры в

сознании человека; ...то, посредством чего человек... сам входит в культуру...»; концепты существуют в сознании (ментальном мире) человека в виде «пучков» понятий, знаний, ассоциаций, переживаний; концепты «не только мыслятся, но и переживаются» [Степанов 1997]; концепт — это орудие научного исследования, «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке», при этом «сам концепт не относится непосредственно ни к языковой, ни к культурной сферам» [Слышкин, 2000]; концепт — это «все то, что мы знаем об объекте, во всей экстенсии этого значения» [Телия, 1996]; концепт — это “алгебраическое” выражение значения, которым носители языка оперируют в устной и письменной речи [Лихачев, 1997]» [Борисова, 2003; 49—50].

Нельзя не признать, однако, что все подобные классификации строятся по разным принципам, так как сопоставляемые точки зрения находятся в «разных плоскостях»: например, в первом случае речь идет об отношении и к понятию, и к функции; во втором — классифицируются не характерологические признаки собственно термина, а некоторые его стороны, причем на разных основаниях; в третьем перечисляются разные точки зрения вообще на отсутствующем «основании». Любая классификация, как нам представляется, может проводиться по нескольким параметрам, однако все эти параметры должны быть отнесены одинаково ко всем классифицируемым элементам. Например, в нашем случае необходимо установить как минимум несколько параметров описываемого явления — следовательно, необходимо классифицировать взгляды исследователей на эти параметры. После такой классификации можно, во-первых, выявить магистральные и периферийные точки зрения; во-вторых, выявить наиболее характерные черты объекта, и, в-третьих, на этой базе попытаться сформулировать понимание самого объекта.

К таким параметрам будем относить следующие признаки:

1. Что это есть? Концепт:

- лингвокогнитивное явление [Кубрякова, 1996;⁷
- психолингвистическое явление [Залевская, 2001;
- абстрактное научное понятие [Соломоник, 1995;
- базовая единица культуры [Степанов, 1997;
- лингвокультурное явление [Слышкин, 2000; Карасик и др., 2001...;

2. Единицей чего является? Концепт:

- единица ментальности [Колесов, 2000;2004; Воркачев, 2001; Карасик и др., 2001; Лебедько, 2002; Зиновьева, 2003; Борисова, 2003;
- единица сознания / ментальная структура [Кубрякова, 1996; Бабушкин, 1996; Стернин и др., 1998; Кравченко, 1999; Фесенко, 1999; Попова и др., 1999; Слышкин, 2000; Сафарян, 2002;
- единица языка мысли [Аскольдов, 1997; Стернин, 1998; Фесенко, 1999;
- единица языкового видения мира (языковой [наивной] картины мира) и продукт национально-культурной ментальности [Арутюнова, 1993; Апресян, 1995; Черемисина, 1995; Чернейко и др., 1996; Нерознак, 1998; Ли, 2000; Красных, 2003;
- единица ментально-лингвального комплекса [Морковкин и др., 1994, 1997;
- единица информации о мире [Борисова, 2003; Матвеева, 2003...

⁷ Не будем закрывать скобки, так как это — открытый ряд авторов; если мы кого-то и не включили, будет не так обидно...

3. Чем это выражается? Концепт выражается или формируется:

- гештальтом, фрейм-структурами [Чернейко, 1997; Прокураков, 1998; Попова и др., 1999; Красных, 2003; Желтухина, 2003;
- комплексом значений соответствующего слова и его ассоциаций и коннотаций [Лихачев, 1993; Рябцева, 1991;
- всем, что мы знаем об объекте [Телия, 1996;
- категориями и формами родного языка [Колесов, 2000;
- готовыми лексемами и фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями, текстами и совокупностями текстов [Булатова, 1999; Панченко, 1999; Попова и др., 1999; Фесенко, 1999; Сафарян, 2002; Матвеева, 2003;
- словом [Аскольдов, 1997; Черемисина, 1995;
- корнем слова [Зиновьева, 2003;
- всей совокупностью языковых и неязыковых средств [Карасик, 2002...

4. Какова его структура? Концепт имеет:

- этимологический слой и актуальный слой [Степанов, 1997;
- ядро и периферию [Попова и др., 2000;
- моделировать структуру концепта в принципе невозможно [Попова и др., 2000...

5. Каковы его организационно-структурные типы? Концепт/ы:

- мыслительная картинка, концепт-схема, концепт-фрейм, концепт-инсайт, концепт-сценарий, калейдоскопический [Бабушкин, 1996; Попова и др., 1999;
- концепт-минимум и концепт-максимум [Вежбицкая, 2001;
- узловый и атомарный [Булатова, 1999;

- микро- и макроконцепт [Токарев, 2000];
- суперконцепт [Гафарова и др., 1998];
- индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие [Слышкин, 2000; Карасик, 2002];
- групповые (профессиональные, возрастные, гендерные) и индивидуальные [Попова и др., 2001; Слышкин, 2002];
- этно-культурные и социокультурные [Слышкин, 2002];
- имена, уникалии и универсалии; архетипные и инвариантные [Воркачев, 2003; 2001];

6. Каковы его содержательные типы?

- культурный концепт [Воркачев, 2001, Карасик, 2002; Матвеева, 2003];
- лингвокультурный концепт [Карасик и др., 2001; Раппопорт, 1999];
- когнитивный концепт [Кубрякова, 1996; Попова и др., 1999]; Воркачев, 2001];
- эмоциональный концепт [Вежбицкая, 2001];
- научный концепт [Матвеева, 2003...]

Из представленной классификации содержательно-структурных элементов легко сделать вывод о том, что понимание 'концепта' различными авторами только последнего десятилетия практически не сводимо к какому-либо единству⁸.

⁸ Более того, и предложенное выше распределение взглядов исследователей на концепт даже самим автором этого распределения во многом считается спорным, так как далеко не всегда из определений или описаний этого феномена можно точно установить, к чему его относят авторы, какова его структура, чем выражается и т.п. Поэтому ряд авторов фигурирует в нескольких позициях. Так что мы а priori можем предположить, что те или иные исследователи нам укажут на неточность их «отнесения». Заранее готовы эти замечания принять.

Вторая классификация, которая реально присутствует в современных работах, — классификация термина «концепт» с точки зрения его отнесенности к той или иной науке (дисциплине). Такая классификация представлена в целом ряде исследований — наиболее полно, на наш взгляд, это сделано в работе В.И. Карасика.

Если не принимать во внимание те работы, в которых «концепт» и понятие отождествляются, то существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений [Воркачев, 2002]. Концепт как лингвокогнитивное явление — это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996]. Часть концептов имеет языковую «привязку», другие концепты представлены в психике особыми ментальными репрезентациями — образами, картинками, схемами и т.п. (там же).

Для психолингвиста концепт — это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская, 2001]. При этом подчеркивается принципиально невербальная природа концепта, с одной стороны, и сложное строение концептов, с другой стороны: каждый концепт, как отмечает К. Харди, является «конstellацией элементов и процессов всех возможных видов (поэтому любое самое абстрактное понятие увязано со своими чувственными корнями)» (цит. по: Залевская, 2001]). А.А. Залевская проводит четкое различие между концептами как

достоянием индивида и конструктами как редуцированными на логико-рациональной основе продуктами научного описания концептов, таких как значения и понятия... С позиций когнитивной лингвистики концепт понимается как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» [Лихачев, 1997], т.е. концепт трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения. Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира.

Лингвокультурный подход к пониманию концепта (= культурного концепта) состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом. Ю.С. Степанов (1997) пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.». Концепты в этом понимании часто соотносятся с наивной картиной мира, противопоставляемой научной картине мира, исследователи говорят о «понятиях практической философии», таких как «истина», «судьба», «добро» и т.д. Обыденная философия есть результат взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция и фольклор, религия и идеология...

Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Это различие сопоставимо с генеративной и интерпретативной моделями общения, при

этом мы понимаем, что разделение движения вовне и движения вовнутрь является исследовательским приемом, в реальности движение является целостным многомерным процессом» [Карасик, 2002; 137—141].

Можно отметить, что в такой интерпретации термина «концепт», безусловно, больше четкости и последовательности. Однако это не снимает главного вопроса: существует ли собственно «концепт» как некоторая структура, включающая в себя такие элементы, которые, с одной стороны, позволяют опираться на них как на знание и в принципе придерживаться каких-то общих, единых позиций и взглядов на ту или иную ситуацию общения, а во-вторых, позволяют при пользовании естественным языком (в любом — вербальном или невербальном понимании здесь языка) достигать результата общения в силу достаточно четкой соотнесенности языковых единиц с единицами виртуальными, связанными с человеческим сознанием как таковым, и менталитетом как национально-специфическим проявлением этого сознания?

Обратимся теперь к конкретным определениям концепта, представленным в ряде работ последнего времени, в которых, на наш взгляд, наиболее глубоко и всестороннее рассматривается этот феномен.

1. Концепт как лингвокогнитивное явление: «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга** (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. *Понятие К. отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания*» [Кубрякова и др., 1996; 90] — выд. автором. — Ю.П.). «Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты — это идеальные

сущности, которые формируются в сознании человека: 1. из его *непосредственного чувственного опыта* — восприятия действительности органами чувств; 2. из *непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности*; 3. из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами — такие операции могут привести к возникновению новых концептов; 4. *из языкового общения* (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе); 5. *из самостоятельного познания значений языковых единиц* (ребенок спрашивает, что такое демократия, взрослый человек смотрит значение неизвестного слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом» [Попова и др., 1999; 4]. «Национальный концепт — самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея “предмета” в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 2003; 268].

2. **Концепт как психолингвистическое явление:** «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида *перцептивно-аффективное образование* динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» ([Залевская, 2001; 39]; см. также: [Залевская, 2002; 16]). «Концепт — блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых, тактильных, обонятельных), понятийных (в том числе ценностных), прототипических, гештальтных, фреймовых, сценарных и пр. элементов в психике человека» [Мыркин, 2002; 47].

3. **Концепт как лингвокультурное явление:** «Концепт — единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и *опредмечивается в языке*»; его формирование — «*процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти* и соотнесе-

ния их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами...» [Слышкин, 2000; 9—10]. Лингвокультурные концепты являются «некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса». «Лингвокультурный концепт как “сгусток” этнокультурно отмеченного смысла обязательно имеет свое имя, которое, как правило, совпадает с доминантой определенного синонимического ряда либо с ядром определенного лексико-семантического поля...» [Воркачев, 2003; 10].

4. Концепт как культурное явление: *«Концепты — самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум, трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный (или псевдо-, или пред-понятийный) базис, закрепленный в значении какого-либо знака: научного термина, или слова (словосочетания) обыденного языка, или более сложной лексико-грамматико-семантической структуры, или невербального предметного (квазипредметного) образа, или предметного (квазипредметного) действия и т.д.»* ([Ляпин, 1997; 18]; курсив ‘псевдо-’ и ‘пред-’ автора. — Ю.П.). «Концепт — это как бы *сгусток культуры в сознании человека*; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру. А в некоторых случаях и влияет на нее». «Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997; 40,41]. «Мы же предлагаем считать концепты первичными культурными образованиями, *выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира*» [Карасик, 2002; 137].

5. Концепт как лингвистическое явление: «Концепт — это *конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени*, но не равный ему. Концепт — это парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую. Эти структуры выводятся соответственно и из свободной

сочетаемости имени, и из несвободной, то есть из синтагматических отношений имени, зафиксированных в тексте». «Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости» [Чернейко, 1997; 314, 287—288]. «*Концепт — факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженной в языковой форме.* Концепт рождается на базе слова в полном объеме его содержания, включая коннотацию и конкретно-чувственные ассоциации... Концепт содержит в себе не только понятие о классе явлений, но и объемное ассоциативное социокультурное представление об этих явлениях в обобщенном виде... *Концепт выражается языком и закреплен за отдельными словами или словосочетаниями, но не равен языковой единице.* Содержание концепта складывается из содержания множества слов, контекстов и текстов, в которых откладывается общее понимание некоторого факта сознания...» [Матвеева, 2003; 116] (курсив, кроме оговоренного, наш. — Ю.П.). «Концепт — это единица этического уровня (сопоставимая с фонемой, лексемой, морфемой и др.), которая на этическом уровне репрезентируется при помощи сигнификата (содержания и объема понятия), лексического значения и внутренней формы слова (способа представления внеязыкового содержания) [Пименова, 2004; 137—138].

Дальнейшее приведение определений не имеет, на наш взгляд, смысла, так как это будут перепевы (причем это слово употребляется вовсе не в негативном смысле) уже цитированных. В них отражены все те основные составляющие, которые в своей некой совокупности, очевидно, и будут определять понимание термина «концепт». К этим составляющим относятся:

1. Концепт есть нечто, неразделимо соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака.

2. Концепт есть нечто, объединяющее на разных уровнях людей с точки зрения их отношения к действительности и способов общения в ней.

3. Концепт есть нечто виртуальное и реальное одновременно, при этом обе его составляющие и всеобщие, и национально-культурно детерминированы.

Такова, в самых общих чертах, ситуация «сегодняшнего дня» в рассмотрении феномена «концепт» в основных отечественных лингвокогнитивных исследованиях. Причем — можно практически смело говорить об этом — не только в отечественных: основные работы в той или иной мере отражают и позиции большинства зарубежных исследователей. Что же касается основных вопросов: «что это?», «где это?» и «из чего это состоит?», то выше перечислены все основные точки зрения специалистов. Осталось малое — попытаться в этом разобраться.

Подобно тому как люди обязаны всем своим истинным познанием правильному пониманию словесных выражений, так и основание всех их заблуждений кроется в неправильном понимании последних... язык, что паутина: слабые умы цепляются за слова и запутываются в них, более сильные же легко сквозь них прорываются.

Т. Гоббс

Глава II. МИФ. СИМВОЛ. КОНЦЕПТ

И вообще, всякое человеческое слово в основе своей обладает таким смысловым зарядом, от которого часто даже неизвестно чего и ожидать.

А.Ф. Лосев

В современном этно-лингво-культурном (сотни работ — и сотни разных написаний этой конструкции!) процессе, кроме когнитивной лингвистики, есть еще две гуманитарных сферы деятельности — еще два коммуникативных пространства, в которых термины «текст, дискурс и концепт» употребляются едва ли не чаще, чем в когнитивистике. Во-первых, это философия, во-вторых, — постмодернистская литература, и прежде всего такое ее направление, как концептуализм. Начнем с первой.

КОНЦЕПТ (от лат. *conceptus* — собрание, восприятие, зачатие) — акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания. Термин «концепт» введен в философию *Абеляром* в связи с анализом проблемы *универсалий*, потребовавшим расщепления языка и речи... Высказывание становится единицей речевого общения. Речь была охарактеризована как сущность, обладающая субъектностью, смыслоразделительной функцией и смысловым единством. Она стояла в тесной связи с идеями творения, воплощения Слова и интенции, присущей субъекту как его активное начало и полагавшей акт обозначения и его результат — значение внутри обозначаемого. Это — не диахронический процесс звуковой последовательности, а синхронический про-

цесс выявления смыслов, требующий по меньшей мере двух участников речевого акта — говорящего и слушающего, вопрошающего и отвечающего, чтобы быть вместе и понятным и услышанным. Обращенность к «другому» (имманентный план бытия) предполагала одновременную обращенность к трансцендентному источнику слова — Богу, потому речь, произносимая при «Боге свидетеле», всегда предполагалась как жертвенная речь. Высказанная речь, по Абельяру, воспринимается как «концепт в душе слушателя»... Концепт, в отличие от формы «схватывания» в понятии (*intellectus*), которое связано с формами рассудка, есть производное возвышенного духа (ума), который способен творчески воспроизводить, или собирать (*conspicere*) смыслы и помыслы как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок как свою часть...

Понятие есть объективное единство различных моментов предмета понятия, которое создано на основании правил рассудка или систематичности знаний. Оно неперсонально, непосредственно связано со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления определенной мысли, независимо от общения. Это итог, ступени или моменты познания.

Концепт формируется речью (введением этого термина прежде единое Слово жестко разделилось на язык и речь). Речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикуляцией, интонацией, бесконечными уточнениями, составляющими смысл комментаторства. Концепт предельно субъектен. Изменяя душу индивида, обдумывающего вещь, он при своем формировании предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на его вопросы, что и рождает диспут. Обращенность к слушателю всегда предполагала одновременную обращенность к трансцендентному источнику речи — Богу. Память и воображение — неотторжимые свойства концепта, направленного, с одной стороны, на понимание здесь и теперь; с другой стороны — концепт синтезирует в себе три спо-

способности души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения — в будущее, как акт суждения — в настоящее. *Гильберт Норрстанский* на основании идеи концепта образует понятие конкретного целого и вводит идею сингулярности (см. *Средневековая западноевропейская философия*). У *Фома Аквинского* концепт есть внутреннее постижение вещи в уме, выраженное через знак, через единство идеального и материально-феноменального... На разнообразные формы «схватывания» обратил внимание Кант, затем Шеллинг, определяя их через фигуры творчества.

В XX в. идеи концепта прослеживаются в персоналистских философиях, во главу угла ставящих идею произведения (М.М. Бахтин, В.С. Библер). В качестве термина концепт присутствует в постмодернистской философии... Речь рассматривается как игра ассоциаций и интерпретаций, уничтожающая любой текст (дело касается прежде всего священных текстов) и превращающая его в объект властных претензий. Концепт в постмодернистском понимании есть поле распространенных в пространстве суггестивных знаков. Поскольку в речи к тому же просматриваются объективно-языковые формы выражения, то терминологически концепт от понятия трудно отличим, становясь двусмысленным термином» [НФЭ, 2001; 2; 306—307].

Таким образом, уже с самого начала философского трактования концепта в нем выделяются те элементы, которые — в большей или меньшей степени — присутствуют потом во всех терминологических системах, включающих его в качестве некоторого, но всегда базового элемента. Сохранился он и во всех философских парадигмах, исторически неоднократно сменявшихся. Следовательно, с одной стороны, мы можем принять его роль и значимость как данность, а с другой — посмотреть «сегодняшним глазом» на то, как наука оценивает концепт в свете изменения и научной, и наивной картин мира, включая определенный ее возврат к мифологически-символическим аспектам знания и познания, а также объективный факт сближения этих двух картин мира. Нам представляется, что возможной — или,

по крайней мере, подходящей для логики данного исследования, достаточно образной, но и вполне научно обоснованной — базой для понимания роли и места концептов может служить философская теория В.В. Налимова о вероятностно-смысловой концепции сознания. Модель содержит шесть уровней: уровень мышления, уровень предмышления, подвалы сознания, телесность человека, уровень метасознания и подвалы космического сознания (подробнее см.: [Налимов, 1989; 102—120]). Соотнося с этими уровнями триаду «текст—смысл—язык», которые автор и ассоциирует с сознанием, он пишет:

«1. Будем считать, что весь воспринимаемый нами эволюционирующий мир можно рассматривать как множество текстов...

2. Тексты характеризуются *дискретной* (семиотической) и *континуальной* (семантической) составляющими.

3. Семантика определяется вероятностно задаваемой структурой *смыслов*. Смыслы — это то, что делает знаковую систему текстом.

4. *Изначально* все возможные смыслы мира как-то соотносены с линейным континуумом Кантора¹ — числовой осью m ,

¹ «Континуум Кантора» — «Непрерывность и прерывность — категории, характеризующие бытие и мышление; прерывность (дискретность) описывает определенную структурность объекта, его “зернистость”, его внутреннюю “сложность”; непрерывность выражает целостный характер объекта, взаимосвязь его частей (элементов) и состояний... В современных терминах можно сказать, что Кантором была предложена теоретико-множественная модель самой математики. Его подход обеспечивал единообразие в структуре математических теорий, и сложившаяся ситуация воспринималась многими современными ему специалистами как “рай, созданный Кантором для математиков”... В дальнейшем она сыграла в развитии математики, — несмотря на все впоследствии обнаружившиеся связанные с ней драматические трудности, — выдающуюся роль, которую продолжает играть (пусть, может быть, в несколько меньшем масштабе) и в наши дни, представляя собой важное методическое и эвристическое средство, удобное в педагогическом отношении, а также (как ориентир) и для построения теоретико-множественных моделей в других отраслях знания, лежащих за пределами математики (в кибернетике, лингвистике, биологии и т.п.)» (НФЭ, 2001; т. 2, 212—213; т. 3, 74—76).

на которой в порядке возрастания их величин расположены все вещественные числа. Иными словами, смыслы мира спрессованы так, как спрессованы числа на действительной оси.

5. Спрессованность смыслов — это нераспакованный (непроявленный) Мир: *семантический вакуум*.

6. *Распаковывание* (появление текстов) осуществляется вероятностной взвешиваемостью оси m : разным ее участкам приписывается разная мера. Метрика шкалы m предполагается изначально заданной и остающейся неизменной» (там же, с. 106—107).

И далее В.В. Налимов поясняет сказанное: «При таком построении мира семантической множественности каждый семантический квант-слово будет содержать весь семантический потенциал, различным образом взвешенный. Слова обретают смысловую размытость... Язык становится не логичным (в традиционном понимании того, что есть логика), а мифологичным. Мифологичность этого языка прежде всего в том, что он всегда остается открытым для спонтанной перестройки смысловых квантов» (там же, с. 111).

Продолжая смысловую характеристику языка, В.В. Налимов пишет: «Язык устроен так, что в его текстах исключена возможность появления атомарных смыслов...»; «Язык не исключает противоречия, поскольку его тексты потенциально содержат все богатство смыслов...»; «Язык свободен от закона исключенного третьего, соответственно, свободен от жесткого разграничения истинности и ложности...» (там же, с. 111—112).

«...Природа смысла может быть раскрыта только через одновременный анализ семантической триады: смысл, текст, язык. Мы можем сказать, что смыслы, порожденные человеком, оказались раскрывшимися во всем том многообразии культур — больших текстов, которые существовали когда-либо или существуют теперь. Текстовое раскрытие смыслов происходит через те знаковые системы, которые мы готовы воспринимать как языки. Таким образом, каждый элемент указанной выше триады раскрывается через два других... Три-

ада становится синонимом сознания...»²; «Процесс порождения или понимания текста — это всегда творческая акция. С нее начинается создание новых текстов, и ею завершается их понимание. Все это осуществляется в подвалах сознания, где мы непосредственно взаимодействуем с образами. Для нас, людей современной культуры, это чаще всего неосознаваемый процесс, скрытый под покровом логически структурированного восприятия Мира» (там же, с. 117—118).

Что в этой философской теории представляется нам наиболее значимым с точки зрения ее объяснительной силы по отношению к рассматриваемому вопросу? Во-первых, это взаимосвязь (нерасторжимая и неслиянная) такой триады, как смысл—текст—язык³. Во-вторых, признание включения и отражения в каждом семантическом кванте—слове всего возможного семантического потенциала; повторим еще раз: «Язык становится не логичным (в традиционном понимании того, что есть логика), а мифологичным. Мифологичность этого языка прежде всего в том, что он всегда остается открытым для спонтанной перестройки смысловых квантов». Именно эту особенность концепта — одну из наиболее существенных его характеристик, на наш

² Ср.: «Интересующее нас единое есть ментально-лингвальный комплекс, представленный тремя ипостасями: мышлением, сознанием и языком. Будучи ипостасями единого, названные объекты единосущны, неслиянны и в то же время нераздельны... Единосущность мышления, сознания и языка исчерпывающим образом объясняет, на основе чего и как они соединяются в одно. Неслиянность свидетельствует о наличии у каждого из них своих особенных свойств. Нераздельность предполагает абсолютную невозможность представить каждое из них как нечто самостоятельное, разве что в ситуациях научной абстракции или договоренности *ad hoc*. Таким образом, ментально-лингвальный комплекс — это функционирующее на основе человеческого мозга информационное по природе триипостасное целое, которое обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу (трансляцию) информации» [Морковкин и др., 1997; 19—20].

³ Может быть, несколько точнее было бы сказать не «язык» как форма запечатления, организации и хранения «текста», а речь как форма овеществления, трансляции и (диахронически) трансмутации текста — мы уже писали об этом (см.: [Прохоров, 1997; Прохоров, 2003]).

взгляд, — и стремятся выразить все исследователи (вне зависимости от того, с какой точки зрения они его рассматривают — лингвокогнитивной, лингвокультурной, психолингвистической и т.п. Во всех приведенных нами в главе I определениях мы курсивом попытались выделить именно то, что связывает их (определения) и со смыслами (скрытыми и явленными), и с некоторой фиксированной совокупностью некоторых знаний, легко и достаточно однозначно определяемых *per aliud* (через посредство другого), но совершенно не определяемых *per se* (сами по себе; в чистом виде)⁴.

Приведем еще одно пространное рассуждение современного философа, которое, на наш взгляд, точно отражает существо рассматриваемого вопроса:

«Антропоморфизм всегда был и остается могучим и, вне всякого сомнения, самым универсальным эвристическим

⁴ Приведем очень строгое и красивое, на наш взгляд, рассуждение П.А. Флоренского: «Числа вообще оказываются невыводимыми ни из чего другого... Число выводимо лишь из числа же, — не иначе. А т.к. глубочайшая характеристика сущностей связана именно с числами, то сам собою напрашивается пифагоровско-платоновский вывод, что числа — основные, за-эмпирические корни вещей, — своего рода вещи в себе. В этом смысле опять-таки напрашивается вывод, что вещи, в известном смысле, суть явления абсолютных, трансцендентных чисел. Но, не вдаваясь в эти сложные и тонкие вопросы, мы скажем только, что число три свойственно всему тому, что обладает относительной самозаключенностью, — присуще заключенным в себе видам бытия. Положительно, число три являет себя всюду, как какая-то основная категория жизни и мышления»; «Попытаемся показать, насколько ценна может быть идея троичности, точнее — Триипостасной сущности христианского Бога, в качестве эвристической модели для понимания природы космического вакуума — одного из центральных понятий современной космологии и физики. По библейской легенде, Бог создал человека по образу и подобию своему. Бог существует в трех лицах: Бог-Отец. Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Причем, каждое Божеское лицо заключает в себе два других: Бог-Отец является одновременно и Сыном и Духом Святым, а Бог-Сын — одновременно и Отцом и Духом Святым, точно так же, как Дух Святой — одновременно и Отцом и Сыном, Каждое лицо есть иное проявление каждого другого и обоих вместе. Следовательно, Бог есть единая сущность о трех ипостасях. Не три сущности, но одна; не одна ипостась, но три. Однако при всем том, ипостась и сущность— одно и то же» [Флоренский, 1990; 595; 49].

принципом. И это вполне естественно: человек может смотреть на мир только по-человечески, и никак иначе. Точно так же, как волк не может видеть мир не по-волчьи, а медведь не по-медвежьи. Наука может абстрагироваться от индивидуального антропоморфизма (эгоцентризма), но не от родового: только в этом смысле и можно, по-видимому, говорить об объективности науки. Не по-человечески, с абсолютной объективностью, на мир взглянуть не позволяет даже наука. Конечно, наука (и отдельный индивид) может попытаться поставить себя на место какого-либо иного, живого и даже мыслящего существа и посмотреть на мир его глазами. Для познания мира такая «подстановка» имела бы огромное значение. Но это все равно не преодолело бы антропоморфизма: для того чтобы по-настоящему увидеть мир глазами иного существа, надо этим существом стать, даже если таким существом является другой человеческий индивид: чужая душа, говорят, — потемки.

Итак, мифологическое мышление моделировало мир по образу и подобию человека. Древний человек извлекал знания из себя самого, из своего подсознания, обобщая опыт своей телесной, душевной и духовной жизни. А поскольку все указанные сферы его жизнедеятельности являются изоморфными друг другу и поскольку человек ощущает это тем в большей степени, чем меньше его подсознание стеснено сознанием, постольку знания, полученные им в какой-либо одной сфере опыта, автоматически распространялись и на другие сферы. Точнее, не распространялись даже, а естественным образом вписывались в единую, целостную картину мира, ибо сам человек един и целостен.

Формирование мифологическим мышлением именно картины мира, а не просто картины человека было обусловлено тем, что древний человек отчетливо ощущал изоморфизм того и другого. Точнее, он ощущал себя живущим сразу в трех разных реальностях. И даже не в трех разных, а в одной триединой реальности, которая была для него и миром внутренним, и миром внешним, и им самим, и целой Вселенной.

Человек воспринимал (и продолжает воспринимать, квалифицируя себя в качестве микрокосма) внутри себя всю Вселенную потому, что он в себе ее заключает. Но заключает не в буквальном, а, выражаясь в категориях гегелевской диалектики, в «снятом» виде — в виде тех архетипических образов, которые постоянно всплывают на поверхность сознания из подсознания. В свою очередь, архетипические образы заключают в себе в снятом виде те универсальные смыслы, которыми переполнена трансцендентная реальность, именуемая в различных учениях и концепциях то как Бог, то как Космическое сознание, то как мир вечных идей (Платон), то как Абсолютный дух (Гегель), то как вселенское семантическое поле (Налимов). Просвечивающиеся сквозь архетипические образы смыслы называют смыслообразами или символами. Именно поэтому, надо полагать, П.А. Флоренский характеризует символы как «отверстия, пробитые в нашей субъективности» — отверстия, через которые в минуты просветления удается иногда заглянуть в небесную «лазурь вечности», то есть в трансцендентную реальность. Наиболее полное свое выражение символ получает в мифе... «В плане онтологии обе реальности, коль они существуют, одинаково реальны, и говорить о том, какая из них первична, а какая вторична, какая более, а какая менее значима, бессмысленно. Обе реальности одинаково значимы друг для друга. Материя без сознания лишена смысла и, следовательно, формы (в мифологии это — первобытный Хаос), а сознание без материи лишено активности, ибо никак себя не может проявить (во многих мифологиях божество до сотворения им мира находится в глубокой спячке). Да и в диалектике обе эти реальности (противоположности) не существуют друг без друга: одна всегда определяется через другую и иначе определена быть не может» (Косарев, 2000; 210—211].

Эти сложные — по крайней мере, для автора — рассуждения требуют некоторого лирического отступления, связанного, безусловно, с рассматриваемой проблемой. В связи с этим нам показалось возможным привести в качестве примера рассказ

А. Аверченко «Телеграфист Надькин», который, на наш взгляд, является изящным художественным отражением одной из сторон проблемы понимания сущности концепта.

— Хо-ррро-шо! Верно?

— Да.

— А я, брат, так вот лежу и думаю: что будет, если я помру?

— Что будет? — хладнокровно усмехнулся Неизвестный человек. — Землетрясение будет!.. Потоп! Скандал!.. Ничего не будет!!

— Я тоже думаю, что ничего, — подтвердил Надькин. — Все тоже сейчас же должно исчезнуть: солнце, земной шар, пароходы разные — ничего не останется!

Неизвестный человек поднялся на одном локте и тревожно спросил:

— То есть... Как же это?

— Да так. Пока я жив, все это для меня и нужно, а раз помру, на кой оно тогда черт!

— Постой, брат, постой... Что это ты за такая важная птица, что раз помрешь, так ничего и не нужно?

Со всем простодушием настоящего эгоиста Надькин повернул голову к другу и спросил:

— А на что же оно тогда?

— Да ведь другие-то останутся?!

— Кто другие?

— Ну, люди разные... Там, скажем, чиновники, женщины, министры, лошади... Ведь им жить надо?

— А на что?

— «На что, на что»! Плевать им на тебя, что ты умер. Будут себе жить, да и все.

— Чудак! — усмехнулся телеграфист Надькин, нисколько не обидясь. — Да на что же им жить, раз меня уже нет?

— Да что ж они, для тебя только и живут, что ли? — с горечью и обидой в голосе вскричал продавец ленкоранских лесов.

— А то как же? Вот чудак — больше им жить для чего же?

— Ты это... серьезно?

Злоба, досада на наглость и развязность Надькина закипели в душе Неизвестного. Он даже не мог подобрать слов, чтобы выразить свое возмущение, кроме короткой мрачной фразы:

— Вот сволочь!

Надькин молчал.

Сознание своей правоты ясно виднелось на лице его.

— Вот нахал! Да что ж ты, значит, скажешь; что вот сейчас там, в Петербурге или в Москве, генералы разные, сенаторы, писатели, театры — все это для тебя?

— Для меня. Только их там сейчас никого нет. Ни генералов, ни театров. Не требуется.

— А где же они? Где?!

— Где? Нигде.

— ?!! ?!!

— А вот если я, скажем, собрался, в Петербург приехал, — все бы они сразу и появились на своих местах. Приехал, значит, Надькин, и все сразу оживилось: дома выскочили из земли, извозчики забежали, дамочки, генералы, театры заиграли... А как уеду — опять ничего не будет. Все исчезнет.

— Ах, подлец!!! Ну, и подлец же!.. Бить тебя за такие слова — и мало. Станут ради тебя генералов, министров затруднять! Что ты за цаца такая?

Тень задумчивости легла на лицо Надькина.

— Я уже с детства об этом думаю: что ни до меня ничего не было, ни после меня ничего не будет... Зачем? Жил Надькин — все было для Надькина. Нет Надькина — ничего не надо...

Тысяча мыслей терзала немного охмелевшую голову Неизвестного человека.

— Что ж, по-твоему, — сказал он срывающимся от гнева голосом, — сейчас и города нашего нет, если ты из него вышел?

— Конечно, нет.

— А посмотри, вон колокольня... Откуда она взялась?

— Ну, раз я на нее смотрю, она, конечно, и появляется. А раз отвернусь — зачем ей быть? Для чего?

— Вот свинья! А вот ты отвернись, а я буду смотреть — посмотрим, исчезнет она или нет?

— Незачем это, — холодно отвечал Надькин. — Разве мне не все равно, будет тебе казаться эта колокольня или нет?

Оба замолчали.

— Постой, постой! — вдруг горячо замахал руками Неизвестный человек. — А я, что ж, по-твоему, если умру... Если раньше тебя, тоже все тогда исчезнет?

— Зачем же ему исчезать, — удивился Надькин, — раз я останусь жить? Если ты помрешь, — значит, помер просто, чтобы я это чувствовал и чтоб я поплакал над тобой.

И, встав с земли и стоя на коленях, спросил ленкоранский лесоторговец сурово:

— Значит, выходит, что и я только для тебя существую, значит, и меня нет, ежели ты на меня не смотришь?

— Ты? — нерешительно проямлил Надькин.

В душе его боролись два чувства: нежелание обидеть друга и стремление продолжить до конца, сохранить всю стройность своей философской системы.

Философская сторона победила.

— Да! — твердо сказал Надькин. — Ты тоже. Может, ты и появился на свет для того, чтобы для меня достать кулич, курицу и водку и составить мне компанию.

Вскочил на ноги ленкоранский продавец... Глаза его метали молнии. Хрипло вскричал:

— Подлец ты, подлец, Надькин! Знать я тебя больше не хочу!! Извольте видеть, мать меня на что рожала, мучилась, грудью кормила, а потом беспокоилась и страдала за меня?! Зачем? Для чего? С какой радости?.. Да для того, видите ли, чтобы я компанию составил безработному телеграфистишке Надькину? А?!.. Для тебя? Провались ты: не товарищ я тебе больше, чтоб тебе лопнуть!

Нахлобучив шапку на самые брови и цепляясь полуоторванной подметкой о кочки, стал спускаться Неизвестный человек с пригорка, направляясь к городу.

А Надькин печально глядел ему вслед и, сдвинув упрямо брови, думал по-прежнему, как всегда он думал: «Спустится с пригорка, зайдет за перелесок и исчезнет... Потому, раз он от меня ушел, зачем ему существовать? Какая цель? Хо!»

И сатанинская гордость расширила болезненное, хилое сердце Надькина и освещала лицо его адским светом.

С одной стороны, в этом рассказе представлена и философская позиция эгоцентризма, и безусловный агностицизм героя, и его метафизический взгляд на действительность. А с другой — идя от собственно представленного дискурса — можно отметить, что в рассказе как раз и показан разрыв неразрывной триады «смысл—текст—язык» как подтверждение уже цитированного нами тезиса В.В. Налимова: «Язык свободен от закона исключенного третьего, соответственно, свободен от жесткого разграничения истинности и ложности...» (там же, с. 111—112). В случае, когда язык (дискурс) принципиально (и утрировано, как в рассказе) отрывается от текста и смысла — а он это может! — то истинность и ложность, с одной стороны, становятся одинаково недоказуемыми. А с другой, выясняется, что при отсутствии критерия истинности и ложности сам смысл, соотносимый с реальным миром, также обращается в свою противоположность — в бессмысленность, так как язык (дискурс) ведет не к упорядочению «хаос-космос», а продолжает эту линию: пред-хаос / еще не порядок — космос / порядок — пост-хаос / уже не порядок.

Но что есть изначальное? На сегодняшний день науки о логике развития восприятия и понимания мира — это миф. О мифе писали все. Есть классики понимания мифа (от античности до К. Леви-Стросса, потом — от К. Леви-Стросса до наших дней). Всех цитировать невозможно, да и не надо. В конце концов, автор не пишет историю учений и взглядов: он только опирается на других в надежде, во-первых, их понять, во-вторых, вывести из понятого что-то свое. Поэтому ограничимся лишь мнением А.Ф. Лосева:

«...это не выдумка, а наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [Лосев, 1991; 24]; «Миф всегда чрезвычайно практичен, насущен, всегда эмоционален, аффективен жизнен» (там же, с. 28); «Но

что такое та наука, которая воистину не мифологична? Это — *совершенно отвлеченная наука как система логических и числовых закономерностей*. Это — наука-в-себе, наука сама по себе, чистая наука. Как таковая, она *никогда не существует*. Существующая реальная наука всегда так или иначе мифологична» (там же, с. 32). «Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ. Что получает теперь это утверждение от нашего анализа понятия чуда? Символ есть такая вещь, которая означает то самое, что она есть по существу. Теперь мы должны сказать, что подлинный мифический символ есть, по крайней мере, четвертый символ, символ четвертой степени. Во-первых, он есть символ в меру того, что он есть просто *вещь* или *существо*. Ведь всякий реальный предмет, поскольку он мыслится и воспринимается нами как непосредственно и самостоятельно сущий, есть, сказали мы, символ... Мифический символ есть символ в меру того, что он есть *история*, так как мы имеем тут дело не просто с личностью, но с ее эмпирическим становлением; и надо, чтобы это становление личности было *проявлением* ее, чтобы везде она узнавалась как таковая, чтобы везде происходило отождествление этой становящейся личности с ее нестановящимся ядром» (там же, с. 162; курсив везде автора. — Ю.П.).

Это уже, что называется, «час от часу не легче». Теперь придется говорить о символе, история взглядов на который ничуть не короче взглядов истории на миф. Опять придется идти по уже проторенному пути цитирования тех, кто об этом (по мнению автора и в свете его рассуждений) сказал наиболее интересное и важное для данного изложения.

«В свете формулированного нами символа вещи как принципа ее конструирования или как ее порождающей модели необходимо понимать и те моменты в определении символа, о которых мы говорили выше, в отдельности стремясь дать описательную картину символа.

1. Символ вещи действительно есть ее смысл. Однако это такой смысл, который ее конструирует и модельно порождает.

2. Символ вещи есть ее обобщение. Однако это обобщение не мертвое, не пустое, не абстрактное и не бесплодное, но такое, которое позволяет, а вернее, даже повелевает вернуться к обобщаемым вещам, внося в них смысловую закономерность. Другими словами, та общность, которая имеется в символе, *implicite* уже содержит в себе все символизируемое, хотя бы оно и было бесконечно.

3. Символ вещи есть ее закон, но такой закон, который смысловым образом порождает вещи, оставляя нетронутой всю их эмпирическую конкретность.

4. Символ вещи есть закономерная упорядоченность вещи, однако данная в виде общего принципа ее смыслового конструирования, в виде порождающей ее модели.

5. Символ вещи есть ее внутренне-внешнее выражение, но оформленное согласно общему принципу ее конструирования.

6. Символ вещи есть ее структура, но не уединенная или изолированная, а заряженная конечным или бесконечным рядом соответствующих единичных проявлений этой структуры.

7. Символ вещи есть ее знак, однако не мертвый и неподвижный, а рождающий собою многочисленные, а может быть, и бесчисленные закономерные и единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно данная идейная образность.

8. Символ вещи есть ее знак, не имеющий ничего общего с непосредственным содержанием тех единичностей, которые тут обозначаются, но эти различные и противостоящие друг другу обозначенные единичности определены здесь тем общим конструктивным принципом, который превращает их в единойраздельную цельность, определенным образом направленную.

9. Символ вещи есть тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности, но это символическое тождество есть единойраздельная цельность, определенная тем или другим единым принципом, его

порождающим и превращающим его в конечный или бесконечный ряд различных закономерно получаемых единичностей, которые и сливаются в общее тождество породившего их принципа или модели как в некий общий для них *предел*» ([Лосев, 1991; 272—273]; курсив автора. — Ю.П.)⁵.

Итак, есть некоторая совокупность мифов — «предзнаний» как реального, так и виртуального характера: некоторые мифы суть передаваемые из поколения в поколения определенные элементы реального существования человека в реальных условиях; некоторые — созданные воображением человека в силу непостижения этих явлений или в силу получения «знания» о них как мифа, возникшего в иных условиях существования. Постепенно мифы как архетипы некоторого знания, с одной стороны, утрачивают свою исходную «реальность» и также приобретают некоторую виртуальную «субстанцию», а с другой — изменение условий жизни трансформирует, дополняет и изменяет миф с целью его приспособления к этим новым условиям: в нем сохраняется некоторое исходное ядро, практически не различимое под наслоениями. Миф трансформируется в символ, сопряженный с некоторым ранним, но во многом утерянным «предзнанием». А символ, в свою очередь, становится знаком, «сокращенно-обобщенным» означением того, что кроется за символом и соответственно за мифом. Однако сам знак, как находящийся на уже значительном отдалении от означаемой им «реальности» — через миф о ней и символ ее, — естественно связывается не с каким-то конкретным элементом знания, а со всей совокупностью аналогичных знаний: в одних случаях денотат отражен более отчетливо, в других — менее; в одних случаях сигнификат выражен более полно, в других — менее, однако, как уже говорилось выше, каждый знак может быть соотнесен со множеством объектов и множеством смыслов, что позволяет ему контактировать с другими знаками и служить для означения множества явлений.

⁵ А что — не символ? Так вопрошала М.И. Цветаева...

Таким образом, и в логико-философском понимании концепта присутствуют многие из тех элементов, которые мы уже встречали выше:

1. Концепт есть некоторое представление некоторого знания (пред-знания) в его обобщенном виде.

2. Это обобщенное знание в ходе реальной человеческой деятельности как бы «отчуждается» от своего источника и начинает само функционировать как база для создания, развертывания и обоснования новых знаний.

3. Концепт не имеет четко фиксированной структуры и четко фиксированного способа его представления.

4. Концепт реален и виртуален, стабилен и динамичен, имеет ядро и периферию.

5. Концепт — это и миф, и символ, и знак. Концепт — это совокупность мифа, символа и знака. Концепт — это и совокупность неконечного числа мифов, неконечного числа символов и неконечного числа знаков.

Люди способны делать звуки знаками идей: у людей есть способность пользоваться этими звуками как знаками внутренних представлений и замещать ими идеи своей души так, чтобы люди могли делать известными другим свои идеи и сообщать друг другу свои мысли... Для совершенства языка звукам недостаточно быть знаками идей, если эти знаки не обнимают несколько отдельных вещей; употребление слов было бы затруднено их множеством, если бы каждая отдельная вещь нуждалась для своего обозначения в отдельном имени. Для устранения этого неудобства язык сделал дальнейший успех в употреблении общих терминов, благодаря которому одно слово стало обозначать множество отдельных существований.

Д. Локк

Глава III. КОНЦЕПТ VS КОНЦЕПТУАЛИЗМ

Живое слово не означает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту, иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела.

О. Мандельштам

Постмодернистская литература уже имеет разработанную философско-теоретическую базу, и поэтому будет интересно посмотреть, не придаст ли заложенное в ней понимание указанных выше основных терминов какой-то новый взгляд, хотя бы новый «поворот» этого взгляда на предмет нашего исследования.

При этом сразу оговорим несколько основных позиций. Автор не считает себя вправе в полном объеме анализировать то, что является сферой деятельности других специалистов, — теоретическую базу постмодернизма и произведения постмодернизма как явления литературы. Поэтому он будет пользоваться уже имеющейся исследовательской литературой, даже некритически (хотя, автор надеется, — осмысленно) используя те или иные точки зрения специалистов. Автор не будет строить никакой собственной теории — но просто будет констатировать уже выработанные взгляды, и прежде всего не на концептуализм как таковой, как литературное направление, а на понимание в нем интересующих нас терминов.

Более того: автор намерен опираться в первую очередь (хотя и не только) на одну работу, которая, как ему (не специалисту)

показалось, является и достаточно полной, и интересной, и даже «изящной» по стилю и манере изложения. Это книга И.С. Скоропановой «Русская постмодернистская литература. Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов» (изд. 4; М.: Флинта; Наука, 2002). В издательской аннотации отмечается, что это первое в СНГ пособие, дающее целостное системное представление о феномене постмодернизма в русской литературе 1960—1990 гг. Мы будем использовать открытые цитаты из этой работы, а поскольку и другие авторы будут цитироваться по данной книге, указание на источник будет даваться прямо в тексте внизу страницы. (Сноски пронумерованы в общей системе нумерации в данной книге.)

Принципиальной возможностью обращения в данном случае к постмодернизму можно считать и тот факт, что его «духовным источником» явился постструктурализм, т.е. научное направление, самым непосредственным образом связанное с языком. Он опирался, с одной стороны, на исследования в области языкознания (гипотеза лингвистической относительности Сепира—Уорфа), семиотики (науки о знаковых системах), семиотики культуры (науки о «вторичных языках»). С другой стороны, теории постструктурализма напрямую связаны с культурологией / культурфилософией, что также актуально сегодня. Постструктурализм направлен на разрушение позитивистских представлений о природе человеческого знания, рационалистических обоснований феноменов действительности (и прежде всего культуры), обобщающих теорий, претендующих на универсализм, непререкаемую истинность. Стратегия «законодательного разума», расцениваемая как авторитарная, сменяется в постструктурализме стратегией разума интерпретирующего. «Выявляя во всех формах духовной деятельности человека признаки скрытой, но вездесущей... метафизики, постструктуралисты выступают прежде всего как критики «метафизического дискурса»¹. При этом дискурс понимается структуралистами как «специфи-

¹ Ильин И.П. Постструктурализм // Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США). Концепции. Школы. Термины: Энциклопедический справочник. М.: Интрада, 1996. С. 107.

ческий способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)»². Для одного из главных теоретиков постструктурализма, М. Фуко, дискурсия — «это промежуточная область между идеями, законами, теориями и эмпирическими фактами, это область условий возможности языка и познания»³.

Важной составляющей постструктурализма / постмодернизма является идея деконструкции Ж. Деррида, которая заключается «в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых и не замечаемых не только неискушенным, “наивным читателем”, но и ускользающих от самого автора... “остаточных смыслов”, доставшихся в наследство от дискурсивных тактик прошлого, закрепленных в языке в форме мыслительных стереотипов и столь же бессознательно трансформируемыми современными авторами языковыми клише»⁴. Это связано и с иным пониманием знака у постмодернистов: знак у Ж. Деррида соотносится не с вещью, которую замещает, и не с воображаемым, а с языком как системой априорно существующих различий. «Смысл слов не в них, а между ними. А язык — всего лишь система различий, отсылаемых всеми элементами друг к другу, и нет возможности остановиться на одном из них. Слово-ключ не существует, так же как и центр. Тогда-то, в отсутствии центра или источника, язык вторгается в область универсальной проблематики, все становится речью, т.е. системой, в которой центральное обозначение никогда в абсолютном смысле не присутствует вне системы»⁵. «Здесь на первый план выходит вторая важная сторона деятельности Ж. Дерриды — его критика самого принципа “структурности структуры”, в основе которого и лежит понятие “центра” структуры как некоего организующего начала, того, что управляет структурой, организует ее и в то же время само избегает структурности. Для Ж. Дерриды

² Ильин И.П. Там же. С. 45.

³ Бабетов А. Мишель Фуко: видеть и говорить // Лабиринт / ЭксЦентр. 1991. № 3. С. 27.

⁴ Ильин И.П. Там же. С. 34.

⁵ Терминология современного зарубежного литературоведения (Страны Западной Европы и США). М.: ИНИОН, 1992. Вып. 1. С. 11.

этот “Центр” — не объективное свойство структуры, а фикция, постулированная наблюдателем, результат его “силы желания” или “ницшеанской воли к власти”; в конкретном же случае толкования текста — следствие навязывания ему читателем собственного смысла. В некоторых своих работах Ж. Деррида рассматривает этот “центр” как “сознание”, “*cogito*” (вспомним наше когнитивное!..), или “феноменологический голос”. Само интерпретирующее “я” вместе с тем понимается им как своеобразный текст, “составленный” из культурных систем и норм своего времени» [Справочник, 1996; 111].

Постструктурализм имеет дело со «следами»: «Эти следы суть не что иное, как отпечатки тех смысловых контекстов, в которых побывало “общенародное слово” прежде, чем попало в наше распоряжение»⁶.

«Особое неприятие Ж. Дерриды вызывает сосюрская теория знака, основанная на примате звучащего слова над письменным. Когда человек говорит, то, по Ж. Дерриде, у него создается “ложное” представление о естественности связи означающего (акустич. образа слова) с означаемым (понятием о предмете или даже с самим предметом). Это кажется французскому ученому абсолютно недопустимым, поскольку в данном случае не учитываются ни интенциональная направленность сознания, воспринимающего мир по своим внутренним законам и представлениям, ни опосредующая роль контекста культуры» [Справочник, 1996; 110].

При таком понимании языка иным является и понимание текста как многосмыслового образования, возникающего в «развертывании и во взаимодействии разнородных семиотических пространств и структур», которое способно генерировать новые смыслы. Такому тексту присущи внутренняя неоднородность, многоязычие, открытость, множественность, интертекстуальность. Он производится из других текстов, по отношению к другим текстам, которые, в свою очередь, также являются отношениями.

⁶ Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // *Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 14.

«Рассматривая мир только через призму его осознания, т.е. исключительно как идеологический феномен культуры и, даже более узко, как феномен письменной культуры, постструктуралисты готовы уподобить самосознание личности некоторой сумме текстов в той массе текстов различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры. Поскольку, как не устает повторять Ж. Деррида, “ничего не существует вне текста”, то и любой индивид в таком случае неизбежно находится “внутри текста”, т.е. в рамках определенного исторического сознания, что якобы и определяет границы “интерпретативного своеволия” критика. Весь мир в конечном счете воспринимается как бесконечный, безграничный текст» [Справочник, 1996; 110].

«Каждая реальность является текстовой по своей структуре, поскольку воспринимается как система различий в смысле постоянных отсылок к чему-то другому»⁷. Ж. Деррида считает, что «реальность обретает свой онтологический статус благодаря возможности структурно необходимого повторения, удвоения, смещающего «метафизическую оппозицию оригинала и копии, копии и копии в совершенно другую область»⁸. Как раз такое смещение производит деконструированный знак — симулякр (от лат. *simulacrum* — изображение, подобие, видимость). В отличие от платоновского симулякра — «копии копии», которая обладает сходством с подлинником, и критерием истинности которого является данная объективно истина идеи вещи, для постмодернистов истина не дана объективно, она вырабатывается «в рамках дискурсивной или социальной практики, которые, в свою очередь, являются интерпретациями предшествующих систем»; «И, соответственно, истина в той мере, в какой она достижима для человека, есть всего лишь одно из множества измерений дискурсивной практики»⁹. «То, что возвращается в вечном возвращении, — это дивергентные серии в своем качестве дивергент-

⁷ Керимов Т.Х. Постмодернизм // Современный философский словарь. М.; Бишкек; Екатеринбург: Одиссей, 1996. С. ??

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Там же. С. 375; 379.

ных, то есть каждая серия непрерывно смещает свое расхождение со всеми прочитанными сериями, и все они вместе непрерывно усложняют свои различия в хаосе без начала и без конца»; вечное возвращение образует тождественность различающегося и сходство расподобленного; подделка и симулякр — два полюса деструкции: подделка осуществляет разрушение «ради консервации и увековечения установленного порядка репрезентаций, образцов и копий», симулякр — «ради установления творящего хаоса»¹⁰.

Развитием теории деконструкции в литературоведческо-семиотической интерпретации является текст-интертекст Р. Барта. В понимании автора термина «интертекст» Ю. Кристевой, он не является совокупностью точечных, т.е. обладающих устойчивым смыслом цитат, а пространством схождения всевозможных цитаций. Текст у Р. Барта возникает в результате реконструирующей трансформации, сдвига или преобразования прежних категорий как методологических операций и существует только в дискурсе: «текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сочетание» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным, текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников»¹¹. При этом следует подчеркнуть, что «подход постмодернизма по сути своей не равнозначен призыву к эклектическому цитированию и использованию легко заменяемых декораций. Напротив, требуется, чтобы отдельные единицы-слова не звучали подобно словесным обрывкам, но наглядно представляли логику и специфические возможности того или иного используемого языка. Только тогда выполняется постмодерный критерий многоязычия, а в противном же случае мы получим неорганизованный хаос»¹².

¹⁰ Делез Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение, 1993. № 5. С. 55—56.

¹¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 388.

¹² Вельш В. «Постмодерн»: Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 121.

«Постмодерный текст многоязычен (по меньшей мере двуязычен) — в нем использованы гетерогенные элементы различных знаковых систем, многих семиотик. Язык постмодернистского произведения можно охарактеризовать как **гибридно-цитатный сверхязык симулякров**» ([Скоропанова, 2002; 65]; выд. автором. — Ю.П.).

«Поэтика постмодернизма поливалентна, о чем свидетельствуют такие ее устоявшиеся метафорические характеристики, как “дисгармоничная гармония”, “асимметричная симметрия”, “интертекстуальный контекст”, “поэтика дуализма” и т.д. [283, с. 118]. Применительно к литературному постмодернизму это находит выражение:

— в появлении новых, гибридных литературных форм за счет:

а) соединения как равноправных языка литературы с различными языками научного знания, создания произведений на грани литературы и философии, литературы и литературоведения, литературы и искусствоведения, литературы и истории, литературы и публицистики (скрещивание образа и понятия);

б) актуализации так называемых “второстепенных” жанров: эссе, мемуаров, житий, апокрифов, летописей, комментариев, трактатов, палимпсестов и т. д., “мутирующих” с “ведущими” литературными жанрами и между собой; “мутации” жанров высокой и массовой литературы;

— в цитатно-пародийном дву- / многоязычии; пастишизации;

— в ризоматике;

— в растворении голоса автора в используемых дискурсах;

— в игре с “мерцающими” культурными знаками и кодами;

— в травестийном снижении классических образцов, иронизировании и пародировании¹³;

¹³ Ср. современное рассуждение о карнавализации языка, представленной логоэпистемой — Костомаров и др.

- в использовании культурфилософской постструктуралистской символики “мир — текст — книга — словарь — энциклопедия — библиотека — лабиринт” и ее вариантов;
- в двууровневой или многоуровневой организации “двуадресного” текста» [Скоропанова, 2002; 69].

Предложенный краткий обзор лингвофилософских принципов постмодернизма¹⁴ показался нам необходимым для того, чтобы лучше понять тот непосредственный материал, о котором далее пойдет речь, — собственно концептуализм и (что самое главное для данной работы) специфику использования в названии этого литературного течения термина «концепт».

По мнению исследователей, на первый план концептуалистами выдвигается воссоздание типичных структур мышления, стереотипов массового сознания. «Вообще вся концептуалистская продукция может рассматриваться как непрерывный эксперимент по формализации, перестраиванию и конструированию огромного числа всевозможных мнений, оценок, состояний, их именованию, сопоставлению, уточнению, каталогизации и т.п.»¹⁵; «Концептуальный подход позволяет действовать центростремительной тенденции перевода в область искусства того, что никогда искусством не являлось... Можно сказать, что в концептуальном искусстве не автор высказывается на своем языке, а сами языки, всегда чужие, переговариваются между собой» [Айзенберг, 1991; 6—7]. Поэтому столь широко в произведениях концептуалистов использование всевозможных языковых штампов, автоматически воспроизводимых конструкций — разговорных, политических, канцелярских, литературных. Они извлекаются из закрепленного за ними (и ими) контекста, представлены в пародийном плане, выстраивая некую абсурдистскую реальность.

¹⁴ А это типичный симулякр — означающее в тексте на этих страницах отсылает лишь к другому означающему, выступающему в качестве означаемого...

¹⁵ *Летцев В.* Концептуализм: чтение и понимание // Даугава. 1989. № 8. С. 109.

Вот журавли летят полоской алой
Куда-то там встревожено маня
И в их строю есть промежуток малый
Возможно это место для меня
Чтобы лететь, лететь к последней цели
И только там опомниться вдали:
Куда ж мы это к черту залетели?
Какие ж это к черту журавли?!

Дмитрий Александрович Пригов

РОМАНС

Были когда-то и мы... ну ведь были?!
Были, еще бы не быть!
Ух, как мы пили и, ах, как любили,
Ой, как слагали навзрыд!
О, как мы тайной музыке внимали,
как презирали мы, о!
И докатились мы мало-помалу,
не осознав ничего.
Логоцентризму и фаллоцентризму
(дикие хоть имена)
отдали мы драгоценные жизни.
Вот тебе, милый, и на!
Вот тебе, бабушка, и наступает
Юрьев денек роковой!
К новому барину бодро шагает
справный мужик крепостной.
Только Ненила-дурьнда завывла,
Фирс позабытый скулит,
ветхой музыки едритская сила
над пепелищем гудит.
И не угнаться усталой трусцою,
да и желания нет.
Опохмелившись с холодной зарею,
смотрим в окошко на свет.

Сколь удивителен свет этот белый,
он обошелся без нас...
Ах, как мы были, и сплыли, и спели —
сами не верим подчас.
Что ж, до свидания, друг мой далекий,
ангел мой бедный, прощай!
В утро туманное, в путь одинокий
старых гнедых запрягай.

Тимур Кибиров

Но реальность в произведениях концептуалистов не просто «абсурдистская», она — другая:

«...есть мир, в котором мы живем, и которого почти не знаем. Наш человеческий опыт можно разделить на два слоя и один назвать действительностью, а другой реальностью. Действительность это то, что воспринимается в существующих, принятых характеристиках и отношениях. Действительность — это умозрительно воспринятая реальность. Вопрос: насколько такое восприятие истинно? Этим вопросом и занимается искусство, а за ответом оно пытается прорваться к реальности напрямую» (Айзенберг, 1991; 5; ср. разделение действительности и реальности у Чернейко, 1997; 9—28¹⁶).

«В этом плане особого внимания заслуживают три идеи, находящиеся в тесной взаимосвязи. Прежде всего, дзэн-буддизм, вслед за даосской философией, утверждает наличие у

¹⁶ «Нерасчлененное НИЧТО может войти в сознание, а может и не войти. Но если оно входит, то через стадии НЕЧТО и ЧТО-ТО» (с. 13); «местоимение ЧТО-ТО, НЕЧТО — индикаторы процесса извлечения рациональной частью сознания (рассудком, gasio) явления (предмета) из континуума безымянного. Результатом этого процесса является «дискретизация» фрагмента иррационального континуума, его о-предел-ения и опредмечивания через имя, которое, единожды возникнув, получает или не получает свое место в языке» (с. 14); «можно сказать, что отношения между понятиями действительность и реальность, как мы его сформулировали, следующие: не все то, что действительно, реально..., но все то, что реально, одновременно и действительно» (с. 17—18).

человека двух видов сознания. С одной стороны, это сознание дискурсивное, осуществляемое в рамках социально выработанных символических форм, из которых важнейшей является язык. Стандартность и содержательная ограниченность — характерные черты этого вида сознания. Как писал К.Г. Юнг, оно может включать в себя одновременно лишь несколько концептуальных единиц, не просто требуя ограничений, но по самой своей сути являясь строгим ограничением, редукцией к немногому. Его многоаспектность и широта на самом деле являются лишь эффектами, возникающими благодаря способности внимания сравнительно быстро переходить от одного концептуального звена к другому. Кроме того, в этом сознании субъект и объект — и вообще любые пары противоположностей — с необходимостью противопоставляются друг другу, а логическая непротиворечивость имеет ранг фундаментального принципа. Сознание этого вида и есть обыденное сознание человека, который подчиняется ряду исторически отработанных стандартов и когнитивных стереотипов, а по сути дела оказывается поработанным им.

С другой стороны, в дзэн-буддизме и даосизме определяется сознание безусловное, холистичное — такое, в котором субъект и объект не противопоставляются друг другу, которое открывает реальность в ее непосредственной внеязыковой данности и исчерпывающей полноте и в котором логически несовместимые характеристики выступают как взаимодополняющие друг друга. Это сознание «откровения». Оно выше всякого языка и не нуждается в нем. «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает» (Дао дэ цзин, § 56).

Далее, как даосизм, так и дзэн-буддизм настаивали на различении «космического» и «культурного» начал в человеке, утверждая при этом безусловный примат первого по отношению ко второму. В своей «космической» составляющей человек выступает в тождестве с реальным миром, а потому все его мысли и действия оказываются гармонично согласованными с ним, отвечающими сущности мира в целом и самого человека в частности. Это, собственно, и есть восприятие мира в его «таковости», истинное и творчески свободное

БЫТИЕ-В-МИРЕ. Однако в обыденной своей жизни человек опирается на начало «культурное», которое есть не что иное, как система исторически сложившихся мировоззренческих штампов, усвоенных им в процессе его взросления и вхождения в общество¹⁷. Проникаясь культурными представлениями, человек отказывается от живого и творческого восприятия мира, становясь по сути «культурной машиной». И наоборот, внутренне отрекаясь от общепринятых культурных стандартов, человек освобождается от экзистенциального автоматизма и возвращается к реальным содержательным истокам собственного и космического бытия» [Берестнев, 200; 90—91].

А много ли мне в жизни надо?
Уже и слова не скажу
Как лейбницева монада
Лечу и что-то там жужжу
Какой-нибудь другой монаде
Она ж в ответ мне: Бога ради
Не жужжи

Среди древних лесов
И бескрайних российских равнин
Сошлись ДОСААФ
И другой — ОСОВИАХИМ
Сошлись в небесах
Пуская губительный дым
Один — ДОСААФ
И другой ОСОВИАХИМ

¹⁷ Ср.: «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некоторой степени составляют одно и то же... Внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности» [Сепир, 1993; 193]; «Усвоение стереотипных последовательностей... продолжается всю жизнь, и в этом отчасти заключается их теоретическая важность, ибо в значительной степени они существуют в соединительной ткани между особенностями личности и культуры» [Хаймс, 1975; 83].

Когда же набегом лихим
Погиб ОСОВИАХИМ

Над ним ДОСААФ зарыдал —
В нем он брата родного, родимого брата узнал
Дмитрий Александрович Пригов

Что «симулякр»? От симулякра слышу!
Крапива жжется. А вода течет,
как прежде, — сверху вниз. Дашевский Гриша
на Профсоюзной, кажется, живет.

О чем я то бишь? Да о том же самом,
о самом том же, ни о чем ином!
По пятьдесят, а лучше по сто граммов.
Потом закурим. А потом споем:

«Не уходи, побудь со мной, мой ангел!
Не умирай, замри, повремени,
романсом Фета, приклатненным танго —
о, чем угодно! — только помани,

какой угодно глупостью...» Приходит
довольно-таки скучная пора.
Вновь языку блудливому в угоду
раб покидает Отчий вертоград,

ну, в смысле — разум ленится и трусит,
юлит, грубит, не хочет отвечать.
Вода меж тем течет по старым руслам,
крапива жжется, и часы стучат.

И только голос слабый и беспечный,
почти не слышный, жалкий и смешной,
лишь полупьянный голос человеческий
еще звучит и говорит со мной!..

Век шествует путем своим дурацким.
Не взрыв, не всхлип — хихиканье в конце.
А мусикийский гром и смех аркадский
не внятны нам, забывшим об Отце.

Но, впрочем, хватит умничать. О сроках
ни сном, ни духом не дано нам знать.
Рецензия у Левушки в «Итогах» -
вот все, на что мы вправе уповать.

Дашевский Гриша, приходи в субботу,
так просто — позлословить, покурить,
подухариться Бахусу в угоду.

Хотя в такую мерзкую погоду
тебе, наверно, трудно выходить.

Тимур Кибиров

Принципиально важным является для концептуалистов соотношение концепта и дискурса.

«Без... выхода за границы произведения искусства (и шире — за границы одного из видов искусства и самого искусства) в сферу его функционирования, “представления”, “обыгрывания”, “обговаривания”, без отношения нему не как к вещи, а как к событию концептуализм не существует». «Собственно, этот выход и есть концептуальное произведение. Это организация меняющегося контекста (что-то вроде плавающего центра тяжести) и игра с такой изменчивостью»¹⁸; «...ориентируется на речь предельно упрощенную, бедную, сотканную из концептов — устоявшихся, клишированных, долго бывших в употреблении и совершенно стершихся высказываний...»¹⁹ [Скоропанова, 2002; 198].

¹⁸ Айзенберг М. Вокруг концептуализма // Арион. 1995. № 4. С. 85.

¹⁹ Там же. С. 104.

«[Г. Берестнев] Стала общим местом мысль о том, что концептуализм работает исключительно с дискурсами. — [Д.А. Пригов] Прежде всего отмечу, что концептуализм не “играет”, а уже “играл” и уже есть явление вполне историко-культурное... Концептуализм работал в пределах русской культуры только с дискурсами — и предпочтительно — с “большими” дискурсами; концептуализм работал с наиболее маркированными дискурсами — это советский дискурс, дискурс высокой культуры, националистический дискурс, либерально-демократический дискурс и еще, пожалуй, дискурс религиозный» [Берестнев, 2003; 115—116]. «Это диалог или общий разговор. Множество звучащих голосов, ни один из которых не выделяется, да и не определяется. Так, некто — один из нас. Само оформление его вещей апеллирует скорее к общественному сознанию, только общественность эта другого рода. Общественность как общность своего круга, где все понимается с полуслова. Социальность одиночек. Именно на нее работает концепт. Это литературная разработка общественного, социального плана, обнаруживающегося в процессе разработки. Мы обнаруживаем то, о существовании чего почти не подозревали. Отсюда и стремление к публичности. Концепту это действительно необходимо. Концепт как басня или как анекдот создает некие социальные *идиомы*. Производит компактное выявление неотчетливых и трудно объяснимых ситуаций» [Айзенберг, 1991; 13].

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРИПТИХ

1

Ната, Ната, Натали.
Дал Данзас команду «Пли!»

По твоей вине Натуля
вылетает дура-пуля.
Будет нам мертвец ужо —
закатилось наше все!

Просто все буквально наше...
Что ж ты делаешь, Наташа?

2

Виновата ли ты, виновата ли ты?
 Может, Пушкин во всем виноват?
Ты скажи, Натали, Расскажи, Натали,
 чем же люб тебе кавалергард?

Целовал-миловал, целовал-миловал...
 Но и Пушкин тебя б целовал!
На балы б отпускал, ревновать бы не стал.
 И Мадонной тебя он назвал.

3

Пока в подлунном мире
жив будет хоть один
бряцающий на лире
беспечный господин,

найдется и Наташа,
и счастливый певец
увидит в ней все так же
чистейший образец.

И так же — эка жалость! —
она не даст ему,
чтоб медом не казалось
служенье строгих муз.

Тимур Кибиров

Рабочий делает деталь
На это тратит уголь и сталь
И электроэнергию
За это деньги получает
Идет и в магазине покупает
Он эту самую деталь
Внимательно глядит на сталь
И громко говорит: Ох-оха!

Кто ж это делает так плохо
Деталь! —
Ну что, объяснять ему, что ли?
Или сам поймет-догадается?
Как все-таки это все как-то не так.

Дмитрий Александрович Пригов

«Важнейшие идеи, выдвинутые постструктуралистами (постмодернистами, в их число входят и концептуалисты. — Ю.П.), — мир (сознание) как текст, множественность истин, истина как возможность не-истины, представленной в симулякрах, деконструкция культурного интертекста, конец фаллоцентризма, конец homoцентризма, плюрализм, постгуманизм и др.» [Скоропанова, 2002; 32].

Попробуем теперь концентрированно выделить основное понимание концепта / концептуальности в понимании теоретиков и практиков концептуализма:

1. Концепт есть некая устойчивая / неустойчивая совокупность некоторого виртуального набора именовании, отношений, оценок и т.п. явлений действительности.

2. Этот набор есть совокупность устойчивых / неустойчивых дискурсов как неких симулякров — знаков подобия именованию этого концепта в предыдущих аналогичных дискурсах.

3. «Текст концепта» не может быть явлен единицами языка (любой их совокупностью), а лишь предъявлен отнесенной к нему совокупностью дискурсов, организованных симулякрами.

4. Содержание и структура концепта «проявляет» себя реализуемыми в вербальном общении устойчивыми дискурсивными стереотипами и реминисценциями к предыдущим дискурсивным практиками.

Если все это попытаться дать «в переводе» на русский язык, то, в принципе, мы получим практически то же понимание концепта / концептуализма, которое отмечали и в философских работах: концепт есть некоторое «замещение» реальности, выработанное в процессе человеческого бытия в этой реальности; это замещение осуществляется не на прямую (А вместо В), а набо-

ром различных вербальных и невербальных элементов, которые сами уже использовались ранее в дискурсах в качестве этих знаков замещения, что позволяет на их основе (грубо: опираясь на них как на «якобы реальность») выстроить новые дискурсы, и т.п. Причем под концептом можно понимать не только «факт замещения», но и «процесс замещения». В этом плане достаточно четко определенный концептуалистами знак — симулякр — может представлять интерес и для дальнейшего рассмотрения проблемы.

...Неясность [vagueness] и точность — важные понятия, которые необходимо усвоить. Оба являются вопросом степени. Все мышление до некоторой степени является нечетким, и точность — это практически недостижимый теоретический идеал. Значение слова нечетко, когда оно приложимо к ряду различных объектов из-за того, что в силу некоторого общего свойства они оказались неразличимыми для индивида, употребляющего это слово. Слово — это не что-то единственное [unique] и определенное, но набор употреблений [occurrences].

Б. Рассел

Глава IV. QUO VADIS?

...к счастью и чести человечества, научные произведения далеко не столь научны и потому не столь нечеловечны и безличны, как о них свойственно думать широкой публике их современности.

П.А. Флоренский

Перечитав написанное в предыдущих главах, автор неожиданно отчетливо понял, что «попал в колею»: анализ других точек зрения стал неумолимо «строить» его собственную позицию по модели и в рамках уже известных. Безусловно, спросить «Кто последний?» и чинно стать в очередь — дело разумное не только в магазине. А в недавние времена — не только разумное, но и жизненно необходимое... Однако и времена меняются, и концепт вряд ли является «товаром» первой необходимости даже в очереди за когнитивной лингвистикой. Но колея затягивает: ехать по ней и спокойно, и надежно — туда же, куда проехали и другие. Вот выбраться из колеи — это уже задача другого уровня: нужен или другой автомобиль (желательно со всеми ведущими), или принципиально иное транспортное средство.

Но есть и еще один вариант, который в ненаучном обиходе характеризуется выражением «ручку на себя — и над лесом», а в научном (также с использованием прецедентного текста, который, как следует из теории Г.Г. Слышкина, и сам может быть концептом) называется «Давай, брат, отрешимся, давай, брат, воспарим!..» Попробуем же на некоторое время «отрешиться» от строгой научной теории и просто порассуждать на эту тему:

а что, собственно, мы стремимся выделить и описать? Как мы не *понимаем*, а *представляем* себе это явление? В этой главе мы не будем каждое свое слово подкреплять какой-либо цитатой, ссылкой (только необходимый для рассуждения минимум), хотя понятно, что практически на каждую фразу можно будет указать энное число первоисточников. Нас больше будет интересовать логика рассуждения, а не констатация факта, четкость последовательности суждений, а не четкость определения понятий. Однако, с одной стороны, многое из того, о чем мы попытаемся далее «порассуждать», уже прекрасно изложено другими авторами, без учета мнения которых было бы некорректно заявлять о собственной точке зрения¹. С другой — автор чувствует явную потребность «обезопасить» себя в дальнейших рассуждениях, поэтому начать их предполагает все-таки с довольно пространной цитаты, некоторой «логико-методологической посылки», которая, по его разумению, должна определенным образом «обнаучить» его последующие вольности.

«И все же: какова основная функция языка, т.е. такая, которую не может выполнять другая знаковая система? На эту роль, очевидно, может претендовать номинация или приписывание предметам некоторых символических единиц, т.е. знаков. Эти знаки связываются не с недифференцированными ситуациями, а с отдельными, дискретными единицами.

¹ Автора часто упрекают в слишком обильном цитировании других работ. На наш взгляд, это, во-первых, всегда точнее, чем пересказ «своими словами» точек зрения других с простым указанием в скобках фамилии и работы (дескать, ищите сами и проверяйте, так ли я его пересказал...). Во-вторых, это, как нам кажется, естественная научная этика — если кто-то это уже хорошо сказал, то и надо этого кого-то конкретно указывать. А в настоящее время возникло, к сожалению, и в-третьих: научные издания (особенно сборники статей) стали выходить такими мизерными тиражами, что с ними удастся познакомиться зачастую лишь самим авторам... Даже в центральных библиотеках невозможно найти многих работ последних лет, опубликованных в том же городе! Так что такое цитирование позволяет вводить в более широкий научный обиход многие исследования (ведь, к сожалению, в работах все чаще можно встретить указание: «цитируется по...»).

Какова же роль такого означивания? Чтобы ее понять, надо воспроизвести ситуацию означивания. Представим себе человека, оказавшегося в незнакомой местности. Для того, чтобы в ней ориентироваться, он должен разбить ее на отдельные фрагменты и определить пространственные отношения этих фрагментов друг к другу. Иными словами, местность должна как-то более-менее адекватно запечатлеться в его голове. Способов этого запечатлевания может быть два. Во-первых, это — основанное на зрительном восприятии воспроизведение образа местности в голове. Но наличие такого континуального восприятия затрудняет способность человека действовать сообразно этому образу (в нашем случае — ориентироваться). Множество деталей, не имеющих прямого отношения к действию, затруднили бы его, так как действие всегда требует абстрагироваться от всего, что не входит непосредственно в его модель.

Необходимость воспринимать местность так, чтобы действовать (ориентироваться) в ней, приводит нас ко второму способу восприятия ее — символическому, или знаковому. В этом случае каждая деталь получает свое имя, Следовательно, она начинает существовать в мозгу как отдельный мысленный образ, получающий свое имя. Материальное воплощение этого образа и есть знак. Как же образуется знак и, соответственно, мыслительные представления? Каждый предмет воспринимается как набор признаков (самой различной природы: воспринимаемых органами чувств; функций, потенциалов и т.д.). Означивание (номинация) есть приписывание предмету одного из этих свойств, восприятие предмета через эти свойства...

Итак, первая функция языка — моделирование окружающего мира. Моделирование же есть не что иное, как формальное описание предметов, их свойств и отношений, ставящее своей задачей максимально удобное ориентирование субъекта в мире и, по возможности, управление им (кстати, способность к управлению, т.е. к причинению событий, развивающихся в нужном для деятеля направлении...). Моделирование сводится к субституции физических предметов мыс-

ленными так, чтобы мысленные объекты (т.е. познанные свойства и признаки) объясняли возможную реакцию физических объектов на предполагаемое воздействие. Для этого и необходимо выделить только те свойства, которые имеют непосредственное отношение к данной задаче. Попутно замечу, что наиболее наглядный вид такого моделирования — художественная литература. Живая действительность несвязанна, алогична и лишена понятия цели; действительность же, запечатленная в беллетристике, связана, структурирована и телеологична. В хорошей беллетристике не может быть лишних деталей (они просто отброшены), замысел, логика характеров подчинены единой цели, которую не может изменить никакое привходящее событие. (Разумеется, не может быть речи о том, что цель, поставленная для своих персонажей автором, может не быть достигнута.) Для ментальных объектов есть два способа представления. Во-первых, в форме (до сих пор недостаточно ясной) нейронных процессов в мозгу; во-вторых, в форме символической.

Остановимся на вопросе о моделировании подробнее. Конечно, это очень сложное понятие (так, А.Ф. Лосев дает 34 интерпретации этого термина). Наиболее популярным в отечественной литературе, по-видимому, является понятие модели, данное Ю.А. Гастевым: между объектами А и В существует отношение «быть моделью» в том случае, если существует гомоморфный образ А' объекта А и В' — объекта В, причем А' и В' изоморфны (причем под гомоморфностью понимается неполная эквивалентность, а под изоморфностью — полная); это определение характеризует отношение «быть моделью» как симметричную сущность. Исследователи отмечают важность определения Ю.А. Гастева для гносеологии: распределение понятий «модель» и «моделируемое» зависит от цели исследования (т.е. ученый вправе считать, что А есть модель В и наоборот).

Изучая овладение человеком миром, мы, естественно, рассматриваем мир как моделируемое А, а его восприятие — как модель В (при этом ментальный мир играет роль образа А' = В'). Эта модель создается не для абстрактного познания;

она выявляет некоторые неочевидные свойства объекта, знание которых позволяет управлять им. Под управлением мы понимаем взаимодействие управляющего с управляемым, имеющее целью достижение оптимальных для управляющего результатов... Управление без предвидения невозможно, а предвидение немыслимо без знания...

Символическая форма является единственно возможной для передачи ментальных объектов, следовательно, моделей мира и прочего — другому. Человек — животное общественное, и всякая его деятельность изначально была кооперативной. Поэтому мысленное моделирование возможно тоже лишь в контакте с кем-то. Это не следует понимать слишком буквально: речь идет не о непосредственном контакте, а скорее также о ментальном образе другого: не конкретного индивида, а носителя данного языка, определенной культуры, запаса сведений и т.д. И вся языковая деятельность ориентирована на этого другого. Передача информации от говорящего к этому другому — и есть языковая коммуникация. Ее отличие от коммуникации животных состоит в том, что передает она... более-менее структурированные модели мира, состоящие из отдельных объектов, которые можно мысленно выделять из среды и располагать ими в нужной для говорящего конфигурации.

Таким образом, две главные функции языка — номинация и основанная на ней коммуникация. Поскольку же коммуникант мыслится не только конкретный, но и абстрактный, то отсюда вытекает еще одна важная языковая функция — хранение информации, знаний, культуры» [Красухин, 1996; 382—386].

А теперь перейдем собственно к рассуждениям, на первом этапе воспользовавшись предложенной «моделью моделирования».

Рассуждение 1. Под концептом практически во всех определениях понимается нечто, соотносимое с одним из следующих этапов моделирования:

— «изначальное», которое содержит в себе некоторые основополагающие глобальные принципы отражения мироустройства: $A - A_1$;

— «вторичное изначальное», которое содержит в себе некоторые основополагающие глобальные принципы, определяющие бытие человека в этом мироустройстве: $V — V_1$;

— «детерминированное», которое определяется реальностью этого отражения мироустройства для его определенной части (религиозно, исторически, географически, гендерно, национально, социально, корпоративно и т.п.): $A_1 — A_{1+n}^2$;

— «вторично детерминированное», которое определяется спецификой человеческого бытия в данной части отражения мироустройства: $V_1 — V_{1+n}$;

— «означенное», которое фиксируется спецификой семиотических моделей хранения и трансляции данной части отражения мироустройства: $A_{1+n} — A_{1+n+2}$;

— «вторично означенное», которое фиксируется спецификой реализации семиотических моделей человеческого бытия в данной части отражения мироустройства: $V_{1+n} — V_{1+n+2}$;

— «именованное», которое конвенционально номинирует систему описания данной части отражения мироустройства — $A_{1+n+2} — A_{1+n+2+3}$;

— «вторично именованное», которое конвенционально обеспечивает вербальное человеческое общение в данной части отражения мироустройства: $V_{1+n+2} — V_{1+n+2+3}$.

Попытка построения данного рассуждения основывается на том, что большинство исследователей в той или иной степени согласны с пониманием концепта как, с одной стороны, некоторой изначальной совокупности знаний, представлений и суждений о той или иной составляющей картины мира, а с другой — как о некотором виртуальном «замещении» этой реальной картины некоторой совокупностью символов, знаков, т.е. некоторой вторичной картиной, сложившейся в ходе познания мира с целью упорядочения, упрощения и приспособления для существования в первичной картине.

² Множественность параметров детерминирования обозначена литерой 'n', причем она вынесена из общего ряда, потому что эти параметры не явлены сами по себе, а проявляются через означенное и именованное.

Расуждение 2. Что может входить в содержание концепта? Ю.С. Степанов отмечает, что «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [Степанов, 1997; 45], выделяя при этом «буквальный смысл», или «внутреннюю форму», или этимологию концепта, «пассивный», «исторический» слой концепта и новейший, наиболее актуальный и активный слой концепта. Однако это только строит содержание концепта «по уровням», а не описывает содержание этих уровней.

Можно предположить, что «на самой глубине» любого концепта находится набор архетипических³ — наиболее общих и фундаментальных — изначальных понятий, логических связей, образных представлений и выработанных на их основе принципов, правил человеческого существования. Их можно рассматривать как некоторые примитивные, имеющие общечеловеческий характер попытки организации хаоса человеческого бытия. Они, безусловно, напрямую связаны и с местом проживания некоторой общности людей (его климатическими, географическими, физическими и прочими условиями), и временем этого существования, и с их способами добывания средств своего существования. Но это не только «коллективное бессознательное» в понимании архетипа у К.Г. Юнга, сегодня этот термин имеет и более широкий культурный смысл:

«...на основе примитивно-архетипических связей или в дополнение к ним (а иногда и вне прямой связи с ними) в сознании коллектива и в сознании личности образуется некоторый фонд представлений, которые опираются на генетическую память и не соответствуют актуальному эмпирическому опыту или даже прямо противоречат ему» [Кнабе, 1993; 115].

Вторым по значимости и времени «внедрения» в содержание концепта слоем будет, очевидно, его идеологическая составляющая, связанная с основополагающими принципами того или ино-

³ Греч. Archetypos — первообраз.

го религиозного учения, т.е. уже выработанной и реализуемой в тех или иных формах системы бытия. Если принципиальное соотношение в модели «жизнь — смерть» можно рассматривать на архетипическом уровне как «есть — нет», «появился — исчез», «существовал — перестал существовать», «начало — конец», т.е. $A — B / A_1 — B_1$, то историческое существование людей в сфере действия конкретного религиозного учения вносило определенные коррективы в содержание концепта именно в силу особенностей того или иного учения. Например, в православии самоубийство рассматривалось как грех, а в буддизме — как высшее проявление честности и твердости духа. По-разному расценивались и ситуации рождения и смерти: в одних религиях только благой жизненный путь открывал после смерти иную жизнь, срок перехода в которую определял Бог, в других — вся жизнь рассматривалась как временное существование человека перед этой иной жизнью и не отрицался самостоятельный уход из этой жизни в иную и т.п.

Кроме религиозных принципов, в ходе развития концепта в нем находили свое место и закреплялись принципы, связанные с реальными историческими условиями существования людей, их социальной организацией. Например, при единстве религии можно все же увидеть принципиальное различие, например, в восприятии рождения ребенка или его смерти в разных социальных слоях общества; в факте рождения девочки или мальчика; в разных религиях принципиально по-разному — в силу не только религиозных правил, но и реалий среды проживания — осуществлялось погребение, и т.п. Все это вносило в изначальный концепт «жизнь — смерть» принципиальные множественные различия для разных народов, создавая модели $A_1 — B_1 / A_{1+n} — B_{1+n}$. При этом предыдущий уровень объективно переходил в латентное состояние, становился скрытым, как бы «утерянным» в сфере реального существования и человеческого общения.

Постепенно исторически складывается — на основе первых двух уровней — некоторая система «неустойчивого равновесия» содержания того или иного концепта как его семиотическая структура. Неустойчивая — так как постоянно подвергается влиянию практически всех параметров уровня предыдущего, равновесная — так как является стабилизирующим фактором орга-

низации жизни и способов общения, определенной ритуализацией, присущей проявлению каждой семиотической структуры.

Поскольку собственно семиотическая структура и складывалась, и закреплялась, и транслировалась не сама по себе, а в ходе реальной практической деятельности людей, есть смысл обратиться к научному пониманию деятельности. Наибольший интерес, на наш взгляд, в этом плане представляет теория Г.П. Щедровицкого, так как она связана, с одной стороны, именно с методологией деятельности, а с другой — рассматривает ее непосредственно во взаимосвязи со знаковыми характеристиками процесса. Приведем ряд важных для нас цитат из работ Г.П. Щедровицкого.

1. «По традиции, поскольку само понятие деятельности формировалось из понятия “поведения”, деятельность как таковую в большинстве случаев рассматривали как атрибут отдельного человека, как то, что им производится, создается и осуществляется, а сам человек в соответствии с этим выступал как “деятель”...

...Человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем сами “люди”. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: она сама “захватывает” их и заставляет “вести” себя определенным образом. По отношению к частной форме деятельности — речи-языку, В. Гумбольдт выразил сходную мысль так: не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми.

Каждый человек, когда он рождается, сталкивается с уже сложившейся и непрерывно осуществляющейся вокруг него и рядом с ним деятельностью. Можно сказать, что универсум социальной человеческой деятельности сначала противостоит каждому ребенку: чтобы стать *действительным* человеком, ребенок должен “прикрепиться” к системе человеческой деятельности, это значит — овладеть определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в коопера-

ции с другими людьми. И только в меру овладения частями человеческой социальной деятельности ребенок становится человеком и личностью...

При таком подходе, очевидно, универсум социальной деятельности не может уже рассматриваться как принадлежащий людям в качестве их атрибута или достояния, даже если мы берем людей в больших массах и организациях. Наоборот, сами люди оказываются *принадлежащими к деятельности*, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с машинами, вещами, знаками, социальными организациями и т.п. Деятельность, рассматриваемая таким образом, оказывается системой с многочисленными и весьма разнообразными функциональными и материальными компонентами и связями между ними.

Каждый из этих компонентов имеет свое относительно самостоятельное “движение” и связан с другими компонентами того же типа...» [Щедровицкий, 1975; цит. по: Панков, 1995; 26].

2. «В принципе “знания знаков” могут быть и бывают весьма разнообразными... Между ними устанавливаются свои особые отношения и связи, которые меняются, во-первых, в зависимости от характера деятельности, которую они обслуживают, — практической, инженерной или собственно научной, а во-вторых, соответственно этапам развития языка и языковедения. Одни из этих знаний фиксируют и задают *отдельные* стороны существования знака в деятельности, например, только те или иные конструкции значений, другие знания как бы *надстраиваются* над первыми и охватывают сразу множество разных сторон знака и связи между ними. Кроме того, разные знания существуют в разных формах: одни из них получены научным путем и имеют строго объективный статус, другие, наоборот, предельно интуитивны и выступают скорее в виду чувственных представлений и субъективной речевой способности (“чувство языка”)...

Указание на специфическую роль знаний в образовании и дальнейшем существовании знаков достаточно объясняет

ту специфическую ситуацию, в которую попадает лингвист-исследователь, когда он начинает свою работу и хочет либо проанализировать какие-то конкретные знаки, либо же ответить на вопросы, что такое “язык” или что такое “знак” и “знаковая система”. Первое и основное, что предстает перед ним и с чем он преимущественно имеет дело, это — “знания знаков” (в частности, “знание речи-языка”). Осваивая их — понимая и анализируя, — он обнаруживает вскоре по крайней мере четыре (а на деле — большее число) разные формы существования знака (и речи-языка): 1) “знания знаков”, 2) “действительность” этих знаков, 3) парадигматические конструкции значений и 4) синтагматические цепочки. И тогда он встает перед вопросом: какое же из этих существований знака является *подлинным, реальным* его существованием. Но тайна знака (и речи-языка) как элемента и организованности деятельности состоит как раз в том, что все эти четыре формы существования являются подлинными и одинаково реальными, а сам знак (или речь-язык) существует как системное единство всех этих форм...»

«У конструкций значений есть свое, совершенно специфическое назначение, и это обстоятельство ставит их как элементы смыслового поля в особое отношение ко всем другим элементам. Это специфическое назначение конструкций значения... состоит в том, чтобы служить средствами понимания исходного текста, и поэтому они создаются как своеобразные дубликаты и особые формы фиксации *отдельных* отношений и связей, устанавливаемых процессом понимания и представляемых нами в структуре первичного смысла. Но это значит, что конструкции значений и связанные с ними вторичные смыслы создают для процессов понимания (а вместе с тем для элементов первичного смысла) вторую и особую форму существования; вместе с тем они создают новую и особую форму существования для самого знака... Мы получаем возможность сказать, что смыслы и значения — разные компоненты знака, придающие ему вместе с тем разные способы и формы существования, соответственно — в син-

тагматике и в парадигматике, социальных ситуациях и в культуре, в реализациях и в нормах...

Соединение двух указанных выше характеристик конструкций значений: (1) лежат наряду со смыслами и являются другими функциональными компонентами структуры деятельности и знака, (2) выражают и фиксируют отдельные компоненты смыслов, придавая им второе и особое существование — позволяет рассматривать и трактовать связь между значениями и смыслами как совершенно особое отношение конструктивного замещения, или как мы его называем, имитации...» [Щедровицкий, 1973; цит. по: Панков, 1995; 241, 240].

Таким образом, с точки зрения деятельности как формы и средства существования человека (и его становления как человека) совершенно логичным и непротиворечивым является факт его экзистенции не собственно в том реальном мире, который явлен, а в том «вторичном» мире, который организован в качестве результата его (многих «их») деятельности, построен как система некоторых символов. Для нас в этих рассуждениях наиболее существенным является то, что человеческая социальная деятельность рассматривается как исходная универсальная целостность значительно более широкая, чем сами «люди»; что тайна знака (и речи-языка) как элемента и организованности деятельности состоит как раз в том, что все формы существования знака являются подлинными и одинаково реальными, а сам знак (или речь-язык) существует как системное единство всех этих форм; смыслы и значения — разные компоненты знака, придающие ему вместе с тем разные способы и формы существования, соответственно — в синтагматике и в парадигматике, социальных ситуациях и в культуре, в реализациях и в нормах, а связь между ними может трактоваться как совершенно особое отношение конструктивного замещения. С точки зрения общения (как деятельности) можно сказать, что его составляющими всегда являются не непосредственные отсылки к реальности ($A - A_1$; $B - B_1$) и даже не к тем смыслам, которые организуются в процессе деятельности как освоения модели действительности,

а к собственно той уже смоделированной семиотической системе, в которой эти значения закрепились. То есть собственно процесс общения начинается как факт сиюминутного общения — на основе уже установленных элементов модели $A_{1+n+2+3}$ — $B_{1+n+2+3}$. При этом, очевидно, любые изменения параметров « $A_{1+n+2+3}$ » будут отражаться в конечной составляющей этого общения — его вербальном (и невербальном) компоненте⁴. Как и

⁴ Не можем отказать себе в удовольствии привести аналогичные рассуждения (на другом уровне) из классической работы Н.И. Жинкина «Четыре коммуникативные системы и четыре языка»: «Пусть передающий партнер А коммуникативной системы А — В составил сообщение *дождь идет* и знает его перевод. Это сообщение поступает к приемнику В в виде констант сигналов. Получатель В, приняв эти сигналы, отождествит их путем выбора из АФ4 с именами, часть которых является константами, а часть переменными. Может оказаться, что распределение постоянных и переменных в А (АФ4) и В (АФ4) не совпадает. Тогда прием сообщений от А к В не состоится. Это явление обычно называют непониманием. Очевидно, что непонимание возникает вследствие того, что перевод, сделанный А, не известен В.

Так как правильный перевод может быть сделан только при наличии в KSI константы, то область значения переменных имен есть функция этих констант. Но в АФ4 любая константа может стать переменной. Так, *дождь*, ранее принятый как константа, имеет перевод — *атмосферные осадки в виде воды*. Следовательно, для установления эквивалентности в системе А — В или для достижения понимания должен быть составлен ключевой список переводов или еще один алфавит — АФ5. Такой алфавит обычно называют толковым словарем. Принцип формирования АФ5 в памяти языка, вероятно, является статистическим. Сочетание имен, приводящее к взаимному пониманию, будет закрепляться, их число будет увеличиваться по частоте применения, и система А — В придет в равновесие. Однако появление в А — В как системе расширяющихся сообщений некоторого увеличенного числа редких сочетаний имен (на стороне А или В) выведет систему из равновесия до тех пор, пока эти сочетания не станут достаточно частыми. При этом некоторые другие ранее частые сочетания будут встречаться реже и даже забываться. В результате система будет находиться в состоянии динамического равновесия.

Как видно, алфавит АФ5 наиболее лабилен. Его границы не являются вполне определенными. Кроме того, он может быть различен у разных А, A_1 , A_2 , В, B_1 , B_2 ... и у разных групп A_1 , A_2 , A_3 ... Поэтому если говорить об усредненном алфавите АФ5, то всю коммуникативную систему в языке 2 лучше обозначать не А–В, а A_i - B_i (№), где i любой из пары в системе общения от А до N.[Жинкин, 1998; 25–26].

во всякой равновесной системе, изменение и третьего параметра — собственно, например, вербального кода, приводит к определенным изменениям и в других элементах модели: новая, заимствованная из другой семиотической системы языковая единица (с иным смыслом или иным значением) первоначально и «ощущается» как чужая, «инородная», однако затем она постепенно находит свое место в новой семиотической системе и определяется в своем взаимоотношении с другими составляющими новой для нее модели.

«При описании способов концептуализации и дискретизации отдельных участков внеязыковой действительности... исследователи исходят из того, что самым непосредственным образом субъект (человек или коллектив) свои представления, знания, суждения о мире обнаруживает при его означивании посредством языковых единиц. В процессе означивания, связанном с выделением отдельных объектов, их признаков, действий, состояний, установлением отношений между явлениями и т.д., формируется множество разнообразных семантических единиц, которыми могут быть не только номинативные, но и предикативные единицы. Каждая из них, представляя собой двустороннюю языковую единицу — знак, соотносится с определенной идеальной сущностью (денотатом), которая может быть адекватной или неадекватной действительности, но “никогда не совпадает с ней и не может совпадать”... Такое понимание согласуется не только с вполне естественным различием мира и особым способом его представления в знаковой системе, но и с признанием антропоцентризма языка, поскольку лишь через деятельность человека, который силой своего воображения расчленяет действительность, устанавливает связи между объектами и присваивает им имена. В результате некий фрагмент действительности предстает как знаковая сущность, состоящая из совокупности единиц. В каждой языковой единице своеобразно комбинируются увиденные человеком отдельные свойства объекта, которые можно представить как результат концептуализации, осуществляемой субъектом в процессе познания мира. Обнаружение способов

дискретизации и концептуализации действительности представляет собой сложную лингвистическую операцию, которая требует, с одной стороны, учесть образование некоторого семантического пространства — идеальной сущности, творимой человеком “второй действительности”, а с другой — использовать семантические единицы (языковые и речевые факты) как материал для установления характера и способов представления мира посредством знаков. С понятием идеальной сущности связывается запас смыслов, который образуется в результате практической, интеллектуальной деятельности субъектов, эмоционального восприятия ими некоторого участка действительности и который представляет собой совокупный социальный опыт людей. Запасы смыслов, накапливаемые людьми в процессе познания и освоения мира, обладают самостоятельной реальностью, однако в своем проявлении оказываются неизменно связанными с материальностью разного характера — с окружающим миром и знаковой системой...» [Кузнецов, 2000].

Рассуждение 3. Попробуем предложенную выше теорию рассмотреть на примерах⁵:

1. Портретов было два. С левого на Фандорина смотрел Александр Сергеевич Пушкин, с правого щекастый азиат, грозно супящий густые брови. Гравюра с картины Кипренского, хорошо знакомой титулярному советнику, интереса у него не вызвала, но второй портрет заинтриговал. Это была аляповатая цветная ксилография,

⁵ Примеры взяты из книги Б. Акунина «Алмазная колесница» (М., 2003. Т. 2 «Между строк»). Естественно, что передача на другом языке носителем другой культуры может содержать некоторые неточности, однако нас больше интересуют именно различия между концептами «смерть» в двух культурах и языках. Учитывая, что автор является профессиональным японистом, для наших целей уровня передачи японских моделей будет вполне достаточным. Кроме того, в одном из интервью Б. Акунин отмечал, что он вплеп в новый роман большую часть стереотипов российских людей, связанных с этой страной — а для наших дней это как раз и может быть полезно. Так как стереотип — одна из важнейших составляющих содержания и формы проявления любого концепта, о чем мы скажем далее.

должно быть, из недорогих, но исполненная так искусно, что казалось, будто сердитый толстяк смотрит вице-консулу прямо в глаза. Из-под расстегнутого златотканого воротника виднелась жирная, в натуралистичных складках шея, а лоб японца стягивала повязка с алым кругом посередине.

— Это какой-нибудь поэт? — поинтересовался Фандорин.

— Никак нет. Это великий герой фельдмаршал Сайго Такамо-ри, — благоговейно ответил Сирота.

— Тот самый, что взбунтовался против правительства и покончил с собой? — удивился Эраст Петрович. — Разве он не считается государственным преступником?

— Считается. Но он всё равно великий герой. Фельдмаршал Сайго был искренний человек. И умер красиво. — В голосе писмоводителя зазвучали мечтательные нотки. — Он засел на горе с самураями своей родной Сацумы, правительственные солдаты окружили его со всех сторон и стали кричать: «Сдавайтесь, ваше превосходительство! Мы с почетом доставим вас в столицу!». Но господин фельдмаршал не сдался. Он сражался до тех пор, пока пуля не попала ему в живот, а потом приказал адъютанту: «Руби мне голову с плеч».

Фандорин помолчал, глядя на героического фельдмаршала. До чего выразительные глаза! Поистине портрет был нарисован мастером.

— А почему у вас тут Пушкин?

— Великий русский поэт, — объяснил Сирота и, подумав, добавил. — Тоже искренний человек. Красиво умер.

— Японцев хлебом не корми, только бы кто-нибудь красиво умер, — улыбнулся Всеволод Витальевич.

2. Горбун поднял руку. В ней посверкивал шестизарядный револьвер.

— Давно бы так, — заметил Эраст Петрович помощнику. — Мог бы сообразить и пораньше.

На лице усатого разбойника возникло такое изумление, будто он никогда прежде не видел огнестрельного оружия. Рука с палкой взметнулась кверху, но выстрел прозвучал раньше. Пуля попала бандиту в переносицу и сбила его с ног. Из черной дырки медленно, словно нехотя, засочилась кровь. На лице убитого так и застыла ошеломленная гримаса.

Последний из нападавших тоже был ошарашен. Его пухлая нижняя губа отвисла, заплывшие жиром глазки часто-часто моргали.

Горбун выкрикнул какую-то команду. С пола, покачиваясь, поднялся один из охранников. Потом второй, третий, четвертый.

Они крепко взяли гиганта за руки, но он легонько, почти небрежно шевельнул плечами, и белые повязки отлетели в стороны. Тогда хозяин преспокойно разрядил детине в грудь остальные пять патронов. Тот только дергался, когда пули вонзались в его огромное тело. Немного пошатался, весь окутанный пороховым дымом, и осел на циновки.

— Не меньше полдюжины т-трупов, — подвел Эраст Петрович итоги сражения. — Нужно вызвать п-полицию.

— Нужно скорей уходить, — возразил Сирота. — Какой ужасный инцидент! Русский вице-консул на месте бандитского побоища. Ах, какой подлый человек этот Сэмуси!

— Почему? — удивился Фандорин. — Ведь он защищал свою жизнь и свое заведение. Иначе его убили бы.

— Вы не понимаете! Настоящие якудза не признают пороха! Они убивают только холодным оружием или голыми руками! Какой позор! Куда катится Япония! Идемте же!

3. — У его отца на руке было всего два пальца. (Это в якудзе такой обычай: если разбойник в чем-то провинился и хочет извиниться перед шайкой, то отрезает себе кусочек пальца.) Сам он, правда, отца не помнит — про него люди рассказывали. Мать у него тоже из почтенной семьи, у нее все тело было в татуировках, до самых коленок. Когда ему было три года, его отец сбежал из тюрьмы, спрятался на маяке и дал знать жене — она служила в чайном доме. Мать привязала ребенка на спину и поспешила к мужу на скалу, но ее выследили и донесли стражникам. Те окружили маяк. Отец не захотел возвращаться в тюрьму. Он ударил жену ножом в сердце, а себя в горло. Маленького сына тоже хотел резать, но не смог и просто бросил в море. Однако карма не позволила мальчику утонуть — его выловили и отнесли в приют.

— Ну и зверь же был его папаша! — воскликнул потрясенный Эраст Петрович.

Сирота удивился:

— Почему зверь?

— Да ведь он зарезал собственную жену, а малютку сына б-бросил со скалы!

— Уверяю вас, он ни за что не стал бы убивать свою супругу, если бы она сама его об этом не попросила. Они не захотели расставаться, их любовь оказалась сильнее смерти. Это очень красиво.

— Но младенец-то здесь при чем?

— У нас в Японии на это смотрят иначе, извините, — строго ответил письмоводитель. — Японцы — люди ответственные. Родители отвечают за своего ребенка, особенно если он совсем маленький. Мир так жесток! Разве можно бросать на произвол судьбы беззащитное существо? Это слишком бесчеловечно! Семье нужно держаться вместе, не разлучаться. В этой истории трогательней всего то, что отец не смог ударить своего маленького сына ножом...

4. — Это очень красивая история, про нее даже хотели написать пьесу для театра Кабуки. Случилась она пять лет назад, когда Твигс-сэнсэй еще носил траур по своей уважаемой супруге, а его уважаемые дочери были маленькими девочками. В клубе «Юнайтед», играя в карточную игру бридж, сэнсэй поссорился с одним нехорошим человеком, билетером. Билетер приехал в Иокогаму недавно, стал всех обыгрывать в карты, а кто обижался — вызывал на поединок, и уже одного человека застрелил насмерть, а двоих тяжело ранил. Билетеру за это ничего не было, потому что это называется «дуэль».

— А, бретер, — догадался Фандорин, поначалу введенный в заблуждение непредсказуемым чередованием «р» и «л» в речи письмоводителя, во всем прочем абсолютно правильной.

— Ну да, билетер, — повторил Сирота. — И вот этот плохой человек вызвал сэнсэя стреляться. Положение у доктора было ужасное. Стрелять он не умел совсем, и билетер наверняка бы его убил, и тогда дочери остались бы круглыми сиротами. Но если бы сэнсэй отказался от дуэли, все от него отвернулись бы, и дочерям было бы стыдно за такого отца. А он очень не хотел, чтобы девочки его стыдились. И тогда мистер Твигс сказал, что принимает вызов, но что ему нужно пять дней отсрочки, чтобы подготовиться к смерти, как подобает джентльмену и христианину. А еще он потребовал от

секундантов, чтобы они назначили самую большую дистанцию, какую только разрешает дуэльный кодекс, — целых тридцать шагов. Билетер с презрением согласился, но взамен потребовал, чтобы число выстрелов было не ограничено и чтобы дуэль продолжалась «до результата». Он сказал, что не позволит превращать поединок чести в комедию. Пять дней сэнсэя никто не видел. Стали говорить, что он тайком уплыл на корабле и даже бросил своих дочерей. Но в назначенный день и час он пришел к месту дуэли. Кто был там, говорили, что он был немножко бледный, но очень сосредоточенный. Противников поставили в тридцати шагах друг от друга. Доктор снял сюртук, заткнул уши ватой. А когда секундант махнул платком, он поднял пистолет, тщательно прицелился и попал билетеру точно в середину лба.

— Да что вы! — воскликнул Эраст Петрович. — Вот это удача! Поистине Твигса Всевышний пожалел!

— Все в Сеттльменте тоже так думали. Но вскоре открылось, в чем дело. Управляющий стрелковым клубом рассказал, что мистер Твигс все пять дней провел в тире. Вместо того чтобы молиться и писать завешание, он учился стрелять из дуэльного пистолета, причем именно с расстояния в тридцать шагов. Сэнсэй немножко оглох, но научился без промаха попадать в середину мишени. Еще бы, ведь он израсходовал несколько тысяч зарядов. Всякий на его месте добился бы того же.

— Ах, какой молодец!

— Некоторые говорили, как вы. Но другие возмущались и ругали доктора за то, что это была *unfair play*. Один морокосос, лейтенант французской морской пехоты, напился пьяный и стал при всех издеваться над доктором за трусость. Сэнсэй тяжело вздохнул и сказал: «Вы очень молодой и еще не понимаете, что такое ответственность. Но если вы считаете меня трусом, я согласен с вами стреляться на тех же условиях» — и при этом так внимательно посмотрел морокососу в середину лба, что тот сразу стал совсем трезвый и извинился. Вот какой человек доктор Твигс! — с восхищением закончил Сирота. — Искренний человек!

5. — Однажды, спрыгнув со стены сёгунского замка, куда его посылали шпионить, Сарутоби угодил в капкан. Стража кинулась к нему, размахивая мечами. Тогда ниндзя отрубил себе ступню, в се-

кунду наложил жгут и запрыгал на одной ноге. Поняв же, что ему не уйти, повернулся к преследователям, напоследок покрыл их площадной бранью и пронзил себе горло мечом, но сначала, как сказано в хронике, «отрезал свое лицо».

— Как это — «отрезал лицо»? — спросил Фандорин.

— В точности неизвестно. Должно быть, фигуральное выражение, означающее «изрезал», «обезобразил», «сделал неузнаваемым».

Когда до раненого оставалось каких-нибудь двадцать шагов, он перестал ползти — видно, понял, что не уйдет. Сделал быстрое движение — на солнце сверкнуло узкое лезвие.

— Скорей! Сейчас перережет горло! — крикнул доктор.

Но синоби поступил иначе. Описал ножом быстрый круг вокруг лица, словно хотел поместить его в овальную рамку. Потом левой рукой схватился за подбородок, с глухим рычанием рванул — и под ноги Эрасту Петровичу отлетела какая-то тряпка. Фандорин чуть не споткнулся, когда понял, что это: обрезанная и содранная кожа лица, с одной стороны красная, с другой похожая на шкурку мандарина.

И тут ужасный человек наконец обернулся.

Эрасту Петровичу за его недлинную жизнь приходилось видеть немало страшного, иные видения из прошлого заставляли его просыпаться ночью в холодном поту. Но ничто на свете не могло быть кошмарнее этой багровой маски с белыми кружками глаз и оскалом зубов.

— Конгодзё! — тихо, но отчетливо прохрипел безгубый рот, растягиваясь всё шире и шире.

Рука с окровавленным ножом медленно поднялась к горлу.

Лишь теперь Фандорин догадался зажмуриться. И стоял так до тех пор, пока не миновал приступ тошнотного головокружения.

— Так вот что такое «отрезать лицо»! — раздался возбужденный голос доктора Твигса. — В самом деле отрезал, безо всякой фигуральности!

6. Плечи японца понуро опустились, словно он лишился последней надежды.

— Да, конечно... — мрачно произнес инспектор. — По-вашему, по-европейски, здесь ничего не сделаешь. Ни улики, ни доказательств, ни свидетелей. — Он сделался еще бледнее, решительно тряхнул

головой. — Ну и пусть. Раз по-европейски нельзя, поступлю по-японски.

— Как это — «по-японски»?

— Напишу письмо его величеству государю императору. Изложу все свои подозрения в адрес интенданта Суги. И убью себя, в доказательство своей искренности.

— Себя? Не Сугу? — потрясенно воскликнул Фандорин.

— Убить Сугу значило бы не покарать преступника, а совершить новое преступление. У нас есть древняя, благородная традиция. Хочешь привлечь внимание властей и общества к какому-нибудь злодейству — сделай сэппуку. Лживый человек резать себе живот не станет. — Взгляд Асагавы был воспален и тосклив. — Но если б вы знали, Фандорин-сан, как ужасно делать сэппуку без секунданта, без человека, который милосердным ударом меча прервет твои страдания! Увы, мне не к кому обратиться с этой просьбой, мои сослуживцы ни за что не согласятся. Я совсем один... — Он вдруг встрепенулся, схватил вице-консула за руку. — А может быть, вы? Всего один удар! У меня длинная шея, попасть по ней будет нетрудно!

Фандорин отшатнулся.

— Г-господь с вами! Я никогда не держал в руках меча!

— Всего один удар! Я научу вас. Часок поупражняйтесь на бамбуковом шесте, и у вас отлично получится! Прошу вас! Вы окажете мне неоценимую услугу!

Заметив выражение лица собеседника, инспектор сбился. С усилием взял себя в руки.

— Ладно, — сказал он глухо. — Извините, что попросил. Это было слабостью. Мне очень стыдно.

Но Эрасту Петровичу было еще стыдней. В мире столько вещей более важных, чем уязвленное самолюбие, ревность или несчастная любовь! Например, стремление к правде и справедливости. Нравственная чистота. Самопожертвование во имя справедливости.

— Послушайте, — взволнованно заговорил титулярный советник, стискивая вялую руку японца. — Вы умный, современный, образованный человек. Что за дикость — разрезать себе живот! Что за пережитки средневековья! Право, девятнадцатый век на исходе! К-клянусь вам, мы что-нибудь придумаем!

Но Асагава не слушал его.

— Я не могу так жить. Вам, европейцу, этого не понять. Пускай без секунданта! Мне не будет больно. Наоборот, я высвобожу боль, которая сжигает меня изнутри!

7. — Что вы намерены делать? Дуэль уже назначена?

— Да. Цурумаки при мне отправился к Буллоксу и полчаса спустя вернулся с сообщением, что поединок состоится завтра в восемь утра на холме Китамура, над Блаффом.

— И вы полезете в эту ловушку?

— Разумеется. Не беспокойтесь, Всеволод Витальевич, на этот случай у меня подготовлен резервный план. Может быть, удастся обойтись и без сбора доказательств.

— А если он вас убьет?!

Фандорин небрежно дернул плечом — мол, подобный исход планом не предусматривается.

— Это будет очень красивая смерть, — внезапно сказал Сирота и отчего-то весь вспыхнул.

Кажется, в этом случае у меня будет шанс попасть в разряд «искренних людей», подумал Эраст Петрович, заметив, что глаза письмоводителя горят возбужденным блеском. Пожалуй, к портретам маршала Сайго и Александра Сергеевича прибавится еще один.

Нетрудно заметить, что реальное общение в этих ситуациях начинается именно на последнем уровне — «именованного», т.е. конвенционально номинированной системы описания данной части отражения мироустройства ($A_{1+n+2+3}$), и «вторично именованного», которое конвенционально обеспечивает вербальное человеческое общение в данной части отражения мироустройства ($B_{1+n+2+3}$). Постепенно в ходе общения у двух сторон коммуникации возникают некоторые «знания», «представления» (неточные, смутные, неполные) о ряде элементов предыдущих уровней моделирования ($A_{1+[n+2+3]}$; $B_{1+[n+2+3]}$), что позволяет в итоге выйти на некоторый уровень взаимопонимания (может быть, даже некоторого взаимопостижения). Это, в свою очередь, становится реальной основой дальнейшего общения.

При этом совершенно не исключено, что данное общение героев, соотнесенное с определенным временем, отстоящим от сегодняшнего, современными представителями, допустим, японской культуры, будут восприниматься и пониматься иначе. Как, например, совершенно иначе воспринимается сегодня известная фраза Наполеона из романа «Война и мир», обращенная к князю Болконскому на Аустерлицком поле: «*Quelle belle morte!*» — столь значимая и для героев, и для автора романа.

«Я испытываю искушение сказать, что смысл и языковой материал существуют “нераздельно и неслиянно”. Они не тождественны друг другу, и между ними существуют множественные соотношения: любое движение мысли может получить бесконечное число языковых перевоплощений, также как любой “кусоч” языкового материала может получить бесконечное число переосмыслений. Но во всех этих взаимных перевоплощениях неизменным остается сам факт воплощенности их друг в друге. Без этой взаимной воплощенности как от мысли, так и от языкового материала остаются лишь спорадические и ускользающие обрывки.

Этот вывод имеет определяющее значение для того, как подходить к мыслительным процессам, возникающим в сознании говорящих в связи с их языковой деятельностью. Главная трудность, но и главная позитивная задача при анализе языкового смысла состоит в том, чтобы не упустить из виду обе противоположные силы, на пересечении которых он возникает и развивается: с одной стороны, открытость смысла, неограниченную его способность к ассоциативным растеканиям и скачкам, с другой — его воплощенность в языковом материале, в силу которой смысл оказывается заключенным в герметическую «упаковку», очертания которой определяются конфигурациями именно этого материала; с одной стороны, летучую подвижность смысла, делающую невозможным достижение им устойчивого и конечного состояния, с другой — его привязанность к объективированному языковому высказыванию, форма которого обладает эмпиричес-

кой самоочевидностью и непреложностью наличного артефакта» [Гаспаров, 1996; 292].

Таким образом, концепт предстает как некоторая смоделированная в процессе деятельности человека в данных условиях (и исторически сложившихся, и здесь / сегодняшних). При этом можно отметить некоторые характеристики концепта:

1. Концепт есть некоторое виртуальное «замещение» реальной картины мира существования человека некоторой совокупностью символов, знаков, т.е. некоторой вторичной картиной, сложившейся в ходе познания мира с целью упорядочения, упрощения и приспособления для существования в первичной картине.

2. Последовательность этого замещения определяется целым рядом факторов, среди которых основным является собственно деятельность человека в данных условиях. На базе этой деятельности создается вторичное — «замещение замещения» — построение некоторой модели отношения к условиям общения.

3. Специфика семиотических моделей хранения, трансляции и реализации человеческого бытия конвенционально номинируется — «именование отражения отражения» для обеспечения устойчивого вербального человеческого общения в данном этнолингвокультурном сообществе.

Слово возбуждает представление о предмете... Предмет, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое индивидуализированное языком, постоянно повторяющееся впечатление, тем самым представляется в модифицированном виде.

В. фон Гумбольдт

Глава V. СФЕРЫ, ПРОСТРАНСТВА И ПРОЧАЯ ФИЛОЛОГИЯ: УТОЧНЕНИЕ ТЕРМИНОВ

...язык предстает как сложная система неразрывно связанных, взаимозависимых фактов, которые даже самая точная лингвистика не может распределить по независимым категориям.

В. Матезиус

В филологии, как и в любой науке, есть два типа терминов — свои и заимствованные. И принцип пользования ими также не оригинален: как и всюду, договориться о хотя бы приблизительно общем их понимании практически невозможно, что, с одной стороны, «дает хлеб» новым поколениям исследователей, а с другой — оправдывает заимствования терминов из других наук, где они, на взгляд «из своей науки», кажутся более четкими и логичными. Когнитивистика здесь — не исключение, а, может быть, как раз и наиболее «богатая» в этом отношении область филологии. Автор уже однажды предпринимал попытку «разобраться» в некоторых терминах (или с некоторыми терминами?!), что как раз и привело к реализации указанной выше второй части принципа... Не может отказать себе в этом удовольствии и в данной работе.

Термин ‘концептосфера’ имеет конкретного автора — Д.С. Лихачева. Он писал: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка

в целом, мы можем назвать концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации... отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют. Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя»; «Термин “концептосфера” вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры — культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [Лихачев, 1993; 5, 9].

Рассуждения Д.С. Лихачева о концепте и особенно о концептосфере, нуждаются, по нашему мнению, в уточнениях. Вот что пишет В.И. Вернадский о ноосфере и биосфере (совсем коротко):

«...выделение в биосфере царства разума, меняющего коренным образом и ее облик, и ее строение — Ноосферу... Научная мысль человечества работает только в биосфере и в ходе своего проявления в конце концов превращает ее в Ноосферу, геологически охватывает ее разумом» [Вернадский, 2000а; с. 394]; «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*» ([Вернадский, 2000б; 314].

То есть эти термины имеют «геологическую» характеристику: они всеобъемлющи для Земли — как «шара», и окружение шара есть «сфера». Причем биосфера и ноосфера имеют разную природу: первая есть данность; вторая — продукт определенной деятельности. Ср.: «Ноосфера, сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития (для обозначения этой сферы употребляются также сходные термины: техносфера, антропосфера, оциосфера). Понятие ноо-

сферы как *облегающей земной шар* идеальной, «мыслящей» *оболочки*, формирование которой связано с возникновением и развитием человеческого сознания, ввели в начале XX в. П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа» ([ФЭС, 1983]; 441; курсив наш. — Ю.П.).

Не слишком подходят и современные значения слова «сфера»: «1. Замкнутая поверхность, все точки которой равно удалены от центра // Поверхность и внутренне пространство шара. 2. Общественное окружение, среда. 3. Пределы распространения чего-л.» [Ефремова, 2000; II; 734]. В той или иной степени к концепто-*сфере* приложимо ее понимание как «общественное окружение, среда», однако в этом случае придется понимать ее не как некоторую совокупность концептов, а «месторасположение» самого концепта.

Следует признать, что в гуманитарных исследованиях термин «сфера» уже настолько прижился, что кажется естественным, разумным и (главное!) логичным. Это использование подкреплено и авторитетом Ю.М. Лотмана, который — до концептосферы — ввел в научный обиход и термин «семиосфера»:

«...любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *с е м и о с ф е р у*» [Лотман, 1999; 165]; разрядка автора. — Ю.П.). «Если по аналогии с биосферой (В.И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» (там же, с. 163—164).

Нам представляется, что система терминов (техносфера, антропосфера, оциосфера, атмосфера, стратосфера и т.п.), «челю-

веченная» В.И. Вернадским термином «ноосфера», включившего в эту систему человека и его деятельность, привела к возникновению таких «филологически изящных» терминов, как семиосфера и концептосфера — которые, однако, с точки зрения и логики, и формального понимания самого термина не только не проясняют сущность, но в определенной степени и запутывают ее.

Само содержание понятия, предлагаемое Ю.М. Лотманом, построено совершенно строго и корректно.

«Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое “я”, реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста (при учете того, что языки и тексты располагаются иерархически на разных уровнях) к некоторому их описываемому метаструктурному пространству. Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему. Определенные участки семиосферы могут на разных уровнях самоописания образовывать семиотическое единство, некоторое непрерывное семиотическое пространство, ограниченное единой границей, или группу замкнутых пространств, дискретность которых будет отмечена границами между ними, или, наконец, часть некоторого более общего пространства, ограниченного с одной стороны фрагментом границы, а с другой открытую» (там же, с. 185—186). «Внутреннее пространство семиосферы парадоксальным образом одновременно и неравномерно, асимметрично, и едино, однородно. Состоя из конфликтующих структур, оно обладает также индивидуальностью. Самоописание этого пространства подразумевает местоимение первого лица. Одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница. А границу эту можно определить как черту, на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как “наше”, “свое”, “культурное”, “безопасное”, “гармонически орга-

низованное” и т.д. Ему противостоит “их-пространство”, “чужое”, “враждебное”, “опасное”, “хаотическое” (там же, с. 175). «Асимметрия проявляется в соотношении: центр семиосферы — ее периферия. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-организованные языки. В первую очередь, это — естественный язык данной культуры. Можно сказать, что, если ни один язык (в том числе и естественный) не может работать, не будучи погружен в семиосферу, то никакая семиосфера, как отмечал еще Эмиль Бенвенист, не может существовать без естественного языка как организующего стержня. Дело в том, что наряду со структурно организованными языками, в пространстве семиосферы теснятся частные языки, языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры и языкоподобные полуоформленные образования, которые могут быть носителями семиозиса, если их включают в семиотический контекст» (там же, с. 170).

Что из этого следует? Что речь идет, с одной стороны, о некоторой замкнутой конструкции — сфере: у нее есть ядро и периферия, этим она ассиметрична, она имеет границы, отделяющие ее — как некоторый штучный экземпляр, хотя и построенный по образцу и подобию любого другого аналогичного штучного экземпляра — от других сфер. С другой стороны — есть некоторая незамкнутая, безграничная совокупность этих замкнутых единиц, которые составляют и наше знание, и правила реализации этих знаний, и средства реализации этих знаний и правил. Очевидно, разбираясь с терминами, логичнее было бы построить следующую модель:

1. Есть некоторая совокупность языковых единиц, которая позволяет некоторой совокупности человеческих единиц осуществлять с ее помощью общение. Эта совокупность устойчива в своем ядре и вариативна в своей периферии, незамкнута, структурно организована и в каждый конкретный момент самодостаточна — она может рассматриваться как феномен языка определенного этноса.

2. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами т.е. с одними она может создавать эти связи (количество которых устанавливается в ходе ее реализации в различных сферах общения), с другими — не может (в каждый конкретный момент; диахронически состав этих возможных связей может быть различен). Таким образом, эта единица образует вокруг себя некоторую семантическую сферу¹, элементы которой находятся или ближе, или дальше от центра той конкретной языковой единицы, семантика которой рассматривается. Но сфера замкнута, так как эта ассоциативная связь либо наличествует, либо отсутствует — это образует реальное речевое общение представителей определенного этноса.

3. Совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей данного языка, образует семантическое пространство. Поскольку отдельные элементы (в системе ассоциативных связей) могут принадлежать нескольким семантическим сферам, это пространство и дискретно, и нерасторжимо — это совокупность значений и смыслов, которыми оперирует определенный этнос в процессе своего речевого общения на определенном языке².

4. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именуется определенной связью между явлением действительности,

¹ Для красоты конструкции так и хочется назвать это «семантосферой»...

² Ср.: «В частности, ставится вопрос о соотношении традиционного семантического анализа и концептуального анализа, который связывают с когнитивным подходом к анализу языковых единиц [Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания // Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. Вып. 14. С. 105—136]. Существует мнение, что следует говорить как о точках соприкосновения данных методов анализа, так и об их нетождественности: «Если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений, то концептуальный анализ предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ идет к знаниям о мире» [Кубря-

значением и смыслом этого явления. Если признать, что смысл есть «общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» [Щедровицкий, 1995; 562], то и знак должен содержать — пусть виртуально, т.е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, — и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. В этих условиях знак может быть соотнесен, с одной стороны, с конкретной семиотической сферой, которая, так же как и семантическая сфера, имеет ядерные знаковые характеристики (параметры) и периферийные, соотносимые с менее частотными ситуациями коммуникации. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой

кова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* М., 1991. С. 51—62].

Однако здесь еще много неясностей. Сами основания, указанные для различения, вызывают сомнения хотя бы уже потому, что описание семантической структуры слова вряд ли возможно без понимания его места в системе знаний о мире. Да и существовал ли на самом деле когда-нибудь семантический анализ без обращения к знаниям о мире? Весь опыт семантического исследования лексики показывает, что основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в единицах языка (словах) отображается внеязыковая действительность. Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые и обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами самой данной системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы.

Здесь же уместно вспомнить различные, теперь уже оцениваемые как вполне традиционные, классификации и систематизации слов, которые так или иначе опираются на отражение в языковых единицах знаний о мире. Слово своими корнями связано со знаниями о действительности и разнообразно их отражает. Значение слова в полной мере по сути неисчерпаемо, поскольку «действительный, смысл каждого слова определяется в конечном счете всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом... он опирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом» [*Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Собр. соч.: В 6 т. М. Т. 2. Проблемы общей психологии.* 1982 — 470 с.]» (Кузнецов, 2000; источники ссылок в квадратных скобках проставлены нами. — *Ю.П.*).

среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения.

5. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство, где они, с одной стороны, располагаются в определенном взаимном соответствии, связанном с некоторыми параметрами их взаимного уподобления на уровне ядерных элементов семиосфер (схожие семиосферы, имеющие некоторый набор одинаковых элементов, будут находиться ближе друг к другу, что и способствует их более быстрой воспроизводимости в процессе общения по аналогии, по сходству. С другой стороны, их периферийные элементы могут входить и в другие семиосферы (в любом качестве, в том числе и ядерных элементов), что позволяет им всем контактировать на ассоциативном уровне в процессе построения речевого общения в зависимости от реальной ситуации этого общения.

6. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения сфер более высокого порядка — концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именованности их или их частей, а с другой — через посредство семиосфер связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Концептосфера построена по тому же принципу (как есть сфера!), что и две предыдущие: в ней также есть ядро и периферия, она также и дискретна, и нерасторжима. Она так же связана своими отдельными элементами с множеством других концептосфер, и так же «цельна» в совокупности своих базовых элементов семантических сфер и семиосфер. А совокупность всех отдельных и «в меру» самостоятельных концептосфер образует концептуальное пространство. В связи с тем, что единицы каждого из двух других пространств объективно и планетарно (общечеловечески), и национально детерминированы (и элементы семантики, и элементы семиотики), то, естественно, такие же общечеловеческие и национально-специфические элементы входят и в концептуальное пространство «пробытия» любого этноса.

Если теперь вернуться к Рассуждению 1 предыдущей главы, то предложенное там моделирование в полной мере накладывается и на вышеприведенные рассуждения, так сказать, в «обращенном виде»:

1. $A_{1+n+2+3} + B_{1+n+2+3}$ — «именованное» и «вторично именованное»: то, что конвенционально номинирует систему описания данной части отражения мироустройства и конвенционально обеспечивает вербальное человеческое общение в данной части отражения мироустройства, — семантические сферы и семантическое пространство.

2. $(A_{1+n+2+3} + A_{1+n+2}) + (B_{1+n+2+3} + B_{1+n+2})$ — «означенное» и «вторично означенное»: то, фиксируется спецификой семиотических моделей хранения и трансляции данной части отражения мироустройства и спецификой реализации семиотических моделей человеческого бытия в данной части отражения мироустройства, — семиосферы и семиотическое пространство.

3. $(A_{1+n+2+3} + A_{1+n+2} + A_{1+n}) + (B_{1+n+2+3} + B_{1+n+2} + B_{1+n})$ — «детерминированное» и «вторично детерминированное»: то, что определяется реальностью отражения определенной части мироустройства (на основе религиозных, исторических, географических, гендерных, национальных, социальных, корпоративных и т.п. параметров) и специфическими правилами человеческого бытия в данной части отражения мироустройства — концептосферы и концептуальное пространство³.

Предлагаемый конструкт во многом соотносится с интересным анализом взаимоотношений концептов в работах П. Гэрденфорса, которые проанализированы в публикации Н.О. Швец [Швец, 2002; 115—124]. Автор предлагает общую теорию репрезентации, основанную на понятии концептуальных пространств, которые определяются как геометрическая структура с одним или несколькими измерениями — доменами. Структура многих из-

³ В принципе, такая фигура должна иметь тоже пространственные параметры:

$$(A_{1+n+2+3}) \triangle (B_{1+n+2+3})$$

$$(A_{1+n+2}) \triangle (A_{1+n}) + (B_{1+n+2}) \triangle (B_{1+n})$$

мерений позволяет говорить о расстояниях между ними, которые в концептуальном пространстве связаны со сходством / несходством объектов. Далее автор рассматривает особенности репрезентаций на символическом, субконцептуальном и концептуальном уровнях.

Говоря о концептуальном пространстве, П. Гэрденфорс разграничивает понятия свойства и концепта, причем свойства считает особым случаем концепта. Свойство идентифицируется с определенной областью домена, причем область рассматривается также как пространственное понятие. В отличие от свойств концепты объединяют информацию из нескольких различных доменов, однако концепт — это не просто пучок свойств, его значение меняется в зависимости от контекста. Соответственно модель естественного концепта включает не только множество областей некоторого количества доменов, но и информацию о корреляции этих областей между собой и о значимости отдельных доменов. Влияние контекста выражается в том, что он вызывает различные ассоциации, ведущие к немонотонным выводам: контекст определяет выделенность тех или иных доменов, что делает концептуальное пространство, концепты и суждения о сходстве динамичными. Изменение степени выделенности, приписываемой определенным доменам, может привести к сдвигу границ между различными концептами.

Здесь, очевидно, необходимо сделать некоторое отступление, связанное с пониманием автором возможного «нефилологического» построения филологических моделей. Автор убежден в том, что любые модели, вне зависимости от той дисциплины, в рамках которой и для которой они создаются, строятся по одним логическим принципам — принципам устройства человеческого сознания, при всей непознаваемой виртуальности этого устройства. Человек не может — опять же, в принципе! — «придумать» ничего иного, что бы противоречило структуре этой организации. Это распространяется в полной мере и на все те структурные модели, которые он сам создает: так, например, только познанная часть структуры соб-

ственного мышления позволила создать сегодняшнюю модель компьютерных программ; если же познание законов мышления перейдет на качественно новую ступень, качественно новым станет и развитие компьютерной системы⁴. Точно так же дело обстоит и с пространственными параметрами: наше пространство трехмерно, следовательно, все наши построения могут лежать только в структуре этой «трехмерности» — отсюда Троица, отсюда три взаимосвязанных и неразделимых оси координат, и «тридесятое царство», и т.п., и т.д. Наиболее четко и последовательно вся эта структура описана математикой и логикой, поэтому использовать для большей четкости рассуждений их принципы вовсе «не грех» и для филологии.

Эти рассуждения можно продолжить и еще в одном направлении. Мы уже писали о голографической структуре трех фигур коммуникации: фигуре действительности, интровертивной фигуре — тексте и экстравертивной фигуре — дискурсе (см.: [Прохоров, 2004]). Столь же голографично и взаимоотношение трех

⁴ Ср.: «Чтобы представить, с чего начинается развитие речевой способности и процессов речевосприятия и речепорождения, проще всего, пожалуй, будет вновь обратиться к грубым, но достаточно адекватным техническим аналогиям. Для этого мы предлагаем сравнить головной мозг новорожденного ребенка с абсолютно новым компьютером, который имеет чистое и свободное от информации внутреннее устройство, но который способен и готов к работе — его лишь нужно постепенно этой информацией заполнить.

Возвращаясь к головному мозгу новорожденного ребенка, можно сказать, что, хотя он тоже еще практически чист и свободен от информации, биологически и генетически он уже готов и способен к работе — это то, что можно назвать биологической и генетической «закладкой» речевой способности.

Ячейки памяти компьютера, по аналогии с нейронами головного мозга, загружаясь все большим и большим количеством информации, станут с течением времени обрастать все увеличивающейся и разрастающейся сетью внутренних связей-кодов, необходимых для работы на определенном языке.

То же самое станет происходить и с нашим ребенком: получая все больше информации из окружающей среды, в процессе предметной деятельности, общения и обучения психофизиологический аппарат ребенка станет вырабатывать все большее количество внутренних нейронных связей, так называемых речевых кодов, которые обеспечат ему овладение и владение языком — речевая способность под влиянием социума будет формироваться, развиваться и действовать» [Румянцева, 2004; 175].

пространств, выделенных выше, — семантического, семиотического и концептуального. Но, кроме того, можно их рассматривать и под другим углом зрения: если «картинку» построения их в нашем сознании мы увидеть не можем, то можем реально увидеть другую картинку, построенную, как мы отмечали выше, «по нашему образцу и подобию». В данный момент этот текст печатается на компьютере. Если остановиться и войти в программу «Свойства», то мы можем увидеть, какой объем памяти на жестком диске занимает этот текст. Однако любой специалист скажет, что размещен он вовсе не последовательно и компактно, а находится в совершенно различных частях этого диска, этого объема. Причем если — в качестве эксперимента, сохранив все написанное отдельно — мы сотрем какую-то незначительную часть в этой памяти, то убедимся, что пострадает не один какой-то файл, а множество файлов, причем самым непредсказуемым образом. (Но ведь абсолютно то же самое происходит с нашим сознанием при поражении отдельного и даже крайне незначительного участка головного мозга — вдруг что-то где-то начинает пропадать, причем ни место «пропажи», ни ее объем нами самими не предсказуем.)

Из этого, однако, следует и еще одно рассуждение. Собственно сферы — семантическая, семиотическая и концептуальная — находятся в таком же «разобранном» состоянии, поэтому и не представляется возможным дать некоторое их «конечное» описание или даже именование, пока они «там», в нашем сознании. Но как только мы их переводим «сюда» — даже не в «светлую область сознания», а материализуем их «на языке», — тогда они выстраиваются в некоторую устойчивую фигуру (и, очевидно, всегда далеко не в полном объеме, а в том, который нам необходим в данной ситуации речевого общения): тогда мы можем «сказать» (именно «сказать», хотя и всеми доступными нам средствами — вербальными, невербальными, эмоцией), что это — «так» и для «говорящего», и для «слушающего», когда они пользуются одним и тем же «языком».

Вернемся еще раз к компьютеру: мы не знаем, где конкретно на диске находится нужный нам файл, но мы вступаем в

коммуникацию, он нам нужен, мы его вызываем — и он является нам в полном объеме своего содержания? Нет, не в полном: в полном объеме является только то, что мы видим на экране, то, с чем мы реально находимся в коммуникации, остальное «виртуально присутствует». (В принципе, можно использовать и более простой пример: когда мы читаем книгу, то реальная коммуникация происходит именно с той страницей, которую мы читаем — все остальные страницы находятся или в латентном состоянии (те, которые мы уже прочитали) или в виртуальном (те, которые еще не прочитаны, но уже существуют. И точно так же мы никогда не помним — в полном объеме! — даже уже прочитанных страниц, а имеем о них некоторое дискретное знание).

На свойствах пространства, в котором «пребывают» соответствующие сферические конструкции, необходимо остановиться особо. Во-первых, как тонко замечает М. Мерло-Понти,

«пространство — это не среда (реальная или логическая), в которой расположены вещи, а средство, благодаря которому положение этих вещей становится возможным»; «Наше восприятие не подразумевало бы ни контуров, ни изображений, ни фона, ни объектов и, как следствие, было бы восприятием “ничто”, да и, наконец, вообще не имело бы места, если бы субъект восприятия не был бы тем взглядом, что ухватывает вещи только при условии их определенной ориентации. Ориентация же в пространстве — это не какая-то случайная особенность объекта, это средство, при помощи которого я узнаю и уясняю этот объект как один из прочих» (цит. по: [Борисова, 2003: 35; 43]).

Во-вторых, исследователи различают несколько видов пространств с точки зрения их взаимосвязи с человеком. Реальное пространство существует объективно, независимо от человека. Перцептуальное пространство — пространство субъективных ощущений — кажущееся; оно таково, каким его воспринимает человек в процессе отражения и последующего закрепления в языковых формах. Перцептуальное пространство выступает как

посредник, соединяя реальное и концептуальное пространства. Последнее формируется в уме человека как его некоторое представление о реальном пространстве, освоенном как перцептуальное пространство.

В-третьих, рассматривая ранее фигуры коммуникации, мы стремились показать, в каких типах коммуникативных пространств в принципе может осуществляться коммуникация и как зависит от типа пространства соотношение фигур коммуникации. На достаточно высоком уровне обобщения коммуникативных пространств, на наш взгляд, не так много: планетарное; социальное; национально-культурное; корпоративное; личностное [Прохоров, 2004]. В работах последнего времени внимание уделяется описанию некоторого набора «частных пространств» — географических, биологических, экономических, социальных и т.п. (см., например: [Борисова, 2003]).

Таким образом, пространственные параметры многоплановы, разнообразны, но все они структурируют и объективную реальность, и бытие человека. Нас в настоящий момент интересуют те из них, которые соотносятся с рассматриваемой проблематикой сфер, т.е. семантическое и семиотическое концептуальное пространства. Попробуем, исходя из предыдущих размышлений, дать их рабочие определения.

Семантическое пространство — совокупность базовых понятий отдельных составляющих языковой картины мира, сложившейся у данного этноса в ходе его бытия и определяющей национально-культурную специфику построения и реализации ассоциативно-вербальной сети ее языковых личностей.

Семиотическое пространство — совокупность бытийно сложившихся правил понимания, оценки и организации хаоса человеческого бытия, исторически вселенски, этнически и социально закрепленных в семиотических системах, регулирующих человеческое существование и специфически означаемых в разных языках.

Концептуальное пространство — совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закрепленных в наборе семиотических сфер, именованных в наборе семантических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве.

Попробуем рассмотреть взаимосвязь этих пространств на примерах.

1. — Дайте книгу-то, — канючил Бенедикт. — Не жидитесь, книгу дайте!

Никита Иваныч посмотрел на Лев Львовича, из диссидентов, а Лев Львович, из диссидентов, смотрел в окно. Лето, вечер, пузырь с окна сняли — далеко в окно видать.

— Рано еще!

— Чего рано? Уж солнце садится.

— Тебе рано. Ты еще азбуку не освоил. Дикий человек.

— Степь да степь кругом, — ни к селу ни к городу сказал Лев Львович сквозь зубы.

— Я не освоил?! — поразился Бенедикт. — Я?! Да я!.. Да ить!.. Да я знаете сколько книг перечитамши? Сколько переписамши?!

— Да хоть тыщу...

— Больше!

— ...хоть тыщу, все равно. Читать ты, по сути дела, не умеешь, книга тебе не впрок, пустой шелест, набор букв. Жизненную, жизненную азбуку не освоил!

Бенедикт обомлел. Не знал, что сказать. Такое вранье откровенное, прямо вот так тебе и говорят: ты — не ты, и не Бенедикт, и на белом свете не живешь, и... прям не знаю что.

— Вот уж сказали... То есть как же? Азбуку-то... Вот есть «аз»... «слово», «мыслете»... «ферт» тоже...

— Есть и «ферт», а есть и «фита», «ять», «ижица», есть понятия тебе недоступные; чуткость, сострадание, великодушие...

— Права личности, — подъялдыкнул Лев Львович, из диссидентов.

— Честность, справедливость, душевная зоркость...

— Свобода слова, свобода печати, свобода собраний, — Лев Львович.

— Взаимопомощь, уважение к другому человеку... Самопожертвование...

— А вот это уже душок! — закричал Лев Львович, грозя пальцем. — Душок! Не в первый раз замечаю, куда вы со своей охраной памятников клоните! От этого уже пахнет!

В избе, точно, попахивало. Это он правильно подметил.

— Нет «фиты», — отказался Бенедикт: мысленно он перебрал всю азбуку, напугавшись, что, может, упустил что, — ан нет, не упустил, азбуку он знал твердо, наизусть, и на память никогда не жаловался. — Нет никакой «фиты», а за «фертом» идет сразу «хер», и на том стоим. Нету.

— И не жди, не будет, — опять ввинтился Лев Львович, — и совершенно напрасно вы, Никита Иванович, сеете мракобесие и поповщину. Сейчас, как, впрочем, и всегда, актуален социальный протест, а не толстовство. Не в первый раз за вами замечаю. Вы толстовец!

— Я...

— Толстовец, толстовец! Не спорьте!

— Но...

— Тут мы с вами, батенька, по разные стороны баррикад. Тянете общество назад. «В келью под елью». Социально вы вредны. Душок! А сейчас главное — протестовать, главное, сказать: нет! Вы помните, — когда же это было? — помните, меня призвали на дорожные работы?

— Ну?

— Я сказал: нет! Вы должны помнить, это при вас было.

— И не пошли?

— Нет, почему, я пошел. Меня вынудили. Но я сказал: нет!

— Кому вы сказали?

— Вам, вам сказал. Вы должны помнить. Я считаю, что это очень важно: в нужный момент сказать: нет! Протестую!

— Вы протестуете, но ведь пошли?

— А вы видели такого, чтобы не пошел?

— Помилуйте, но какой же смысл... если никто не слышит...

— А какой смысл в вашей, с позволения сказать, деятельности? В столбах?

— То есть как? — память!

— О чем? Чья? пустой звон! сотрясение воздуха! Вот тут сидит молодой человек, — покривился на Бенедикта Лев Львович. — Вот пусть молодой человек, блестяще знающий грамоте, ответит нам: что и зачем написано на столбе, воздвигнутом у вашей избушки, среди лопухов и крапивы?

— Это дергун-трава, — поправил Бенедикт.
— Неважно, я привык называть ее крапивой.
— Да хоть горшком назови. Это ж дергун!
— Какая разница?
— Сунь руку — узнаешь.
— Лев Львович, — заметил Никита Иванович, — возможно, молодой человек прав. Нынешние различают крапиву от дергуна, мы с вами нет, но они различают.
— Нет, извините, — уперся Лев Львович, — я еще не слепой, и давайте без мистики: я вижу крапиву и буду утверждать, что это крапива.
— Дык, Лев Львович, крапива — она ж крапива! А дергун — это дергун, дернет вас — и узнаете, какой он дергун. Из крапивы щи варить можно, дрянь суп, слов нет, но варить можно. А из дергуна попробуй свари-ка! Нипочем из дергуна супа не сваришь! Нет, — засмеялся Бенедикт, — никогда из дергуна супа не будет. Эвон, крапива! Никакая это не крапива. Ни боже мой. Дергун это. Он и есть. Самый что ни на есть дергун.
— Хорошо, хорошо, — остановил Лев Львович, — так что написано на столбе?
Бенедикт высунул голову в окно, прищурился, прочел Прежним все, что на столбе: «Никитские ворота», матерных семь слов, картинку матерную, Глеб плюс Клава, еще пять матерных, «Тута был Витя», «Нет в жизни щастья», матерных три, «Захар — пес» и еще одна картинка матерная. Все им прочел.
— Вот вам вся надпись, али сказать текст, доподлинно. И никакой «фиты» там нет. «Хер» — сколько хотите, раз, два... восемь. Нет, девять, в «Захаре» девятый. А «фиты» нет.
— Нет там вашей «фиты», — поддержал и Лев Львович.
— А вот и есть! — закричал ополоумевший Истопник, — «Никитские ворота» — это моя вам фита, всему народу фита! Чтобы память была о славном прошлом! С надеждой на будущее! Все, все восстановим, а начнем с малого! Это же целый пласт нашей истории! Тут Пушкин был! Он тут венчался!
— Был Пушкин, — подтвердил Бенедикт. — Тут, в сараюшке, он у нас и завелся. Головку ему выдолбили, ручку, все чин чинарем. Вы же сами волочь подмогали, Лев Львович, ай забыли? Память у вас плохая! Тут и Витя был.

— Какой Витя?

— А не знаю какой, может, Витька припадошный с Верхнего Омута, может, Чучиных Витек — бойкий такой парень, помоложе меня будет; а то, может, Витя колченогий. Хотя нет, вряд ли, этому сюда не дойти. Нет, не дойдет. У него нога-то эдак на сторону свернута, вроде как ступней вовнутрь...

— О чем ты говоришь, какой Витя, при чем тут Витя...

— Да вон на столбе, на столбе-то! «Тут был Витя»! Ну и ну, я же только что прочел!

— Но это же совершенно неважно, был и был, мало ли... Я же говорю про память...

— Вот он память и оставил! Затем и резал! Чтоб знали — кто пройдет, — помнили накрепко: был он Тут!!

— Когда же ты научишься различать!!! — закричал Никита Иваныч, вздулся докрасна и замахал кулаками. — Это вежа, историческая вежа! Тут стояли Никитские ворота, понимаешь ты это? Неандертал!!! Тут шумел великий город! Тут был Пушкин!

— Тут был Витя!!! — закричал и Бенедикт, распаяясь. — Тут был Глеб и Клава! Клава — не знаю, Клава, может, дома сидела, а Глеб тут был! Резал память! И все тут!.. А! Понял! Знаю я Витю-то! Это ж Виктор Иваныч, который старуху вашу хоронил. Распорядитель. Точно он, больше некому. Виктор Иваныч это.

— Никогда Виктор Иваныч не станет на столбе глупости резать, — запротестовали Прежние, — совершенно невысказано... даже вообразить трудно...

— Отчего ж не станет? Вы почему знаете? Что он, глупей вас, что ли? Вы режете, а он не режь, да? Про ворота — можно, давай вырежь, а про человека — ни в коем разе, так?

Все трое молчали и дышали через нос.

— Так, — сказал Никита Иваныч, выставляя вперед обе ладони, — спокойно. Сейчас, — погоди! — сейчас я сосредоточусь и объясню. Хорошо. Ты в чем-то прав. Человек — это важно. Но! В чем тут суть? — Никита Иваныч собрал пальчики в щепотку. — Суть в том, что эта память — следи внимательно, Бенедикт! — может существовать на разных уровнях...

Бенедикт плюнул.

— За дурака держите! Как с малым ребятенком!.. Ежели он дылда стоеросовая, так у него и уровень другой! Он на самой маковке вырежет! Ежели коротышка — не дотянется, внизу сообщит! А тут посередке, в аккурат в рост Виктора Иваныча. Он это, и сумнений никаких быть не должно.

— Степь да степь кру-го-о-ом... — ни с того ни с сего запел Лев Львович.

— Путь далек лежи-и-и-и-т! — обрадовался Бенедикт, песню эту он жаловал, всегда в дороге пел и перерожденцам указывал петь. — В то-ой степи глу-хо-о-о-о-ой...

— У-умира-а-а-а-а-а-а-а-а-а-ал ямщик!

Запели втроем, Бенедикт басом, Никита Иваныч больше хрипом, а Лев Львович — высоким таким голосом, душевным, распрекрасным, со слезой. Даже Николай во дворе удивился, бросил щипать травку и уставился на поющих (Т. Толстая. Кысь).

В этом примере представлено общение представителей двух различных поколений. Во-первых, Никиты Ивановича и Льва Львовича, живших до определенного катаклизма, полностью изменившего существовавшую и привычную им картину мира, в которой у них сложилось взаимодействие семантического, семиотического и концептуального пространств, что обеспечивало форму и содержание коммуникации. Во-вторых, Бенедикта, родившегося в иной картине мира, в которой реально находятся сейчас и первые два героя. Таким образом, общение происходит на одном языке и в единой фигуре действительности. Однако принципиально различаются взаимосвязи их пространств: у Бенедикта реально функционирует лишь семантическое пространство, незначительно связанное с семиотическим пространством этой новой фигуры действительности, и практически отсутствует концептуальное пространство (оно как бы еще «формируется» в данной картине мира). У двух других героев взаимодействие трех пространств связано прежде всего с иной, не существующей в реальности виртуальной картиной мира. В связи с этим общение всех трех участников явно затруднено: они понимают слова, немного понимают знаковую сущность произносимых

единиц (это частично совпадает с учетом общей фигуры действительности, в которой происходит общение, — и в основном не совпадает из-за разных исходных в общении картин мира) и практически не понимают концептуальной составляющей речи друг друга.

2. ...он увидел он свою Характеристику. Шла она посередь поля, вопила низким голосом:

— ...в-труде-прилежен-в-быту-морален... А мы с Фефеловым Андроном Лукичом приятельски гуляем, щупаем колосья.

— Ты мне, брат Иван Александрович, представь свою Характеристику, — мигает правым глазом Андрон Лукич, — а тебе за это узюму выпишу шашнадцать кило.

— А вот она, моя Характеристика, Андрон Лукич, извольте познакомиться.

Фефелов строгим глазом смотрит на подходящую, а я весь дрожу — ой, не пондравится!

— Это вот и есть твоя Характеристика?

— Она и есть, Андрон Лукич. Не обессудьте.

— Нда-а...

Хоть бы губы подмазала, проклятушая, уж не говорю про перманенту. Идет, подолом метет, душу раздирает:

— ...политически-грамотен-с-казенным-имуществом-шшапетилен...

— Нда, Иван Александрович, признаться, я разочарован. Я думал, твоя Характеристика — девка молодая, ядреная, а эта — как буряк прошлогодний...

— Ой, привередничаете, Андрон Лукич! Ой, недооцениваете... Говорю это я басом, а сам дрожу ажник, как фитюля одинокая. Узюму хочется.

— Ну да ладно, — смирился Андрон Лукич, — какая-никакая, а все ж таки баба.

Присел, набычился, рывкнул, да как побежит всем телом на мою Характеристику.

— Ай-я-яй! — закричала Характеристика и наутек, дурь лупоглазая.

Бежит к реке, а за ей Андрон Лукич частит ногами, гудит паровозом — люблю-ю-у-у! Ну и я побег — перехвачу глупую бабу!
— Нет! — кричит Характеристика. — Никогда этого не будет!
Уж лучше в воду!

И бух с обрыва в речку! Вынырнула, выпучила зенки, взвыла:
— ...с-товарищами-по-работе-принципиален!!!

И камнем ко дну.

Стоит Фефелов Андрон Лукич отвлеченный, перетирает в руке колосик.

— Пшеница ноне удалась, Иван Александрович, а вот с узымом перебой.

И пошел он от мене гордый и грустный, и, конечно, по-человечески его можно понять, но мне от этого не легче (*В. Аксенов*. Затоваренная бочкотара).

В этом примере нарушена связь между концептуальным пространством и в принципе сохраненной взаимосвязью между семантическим и семиотическим пространствами: набор языковых единиц в определенной степени соответствует стандартным единицам характеристики как знака, хотя и исполнен в другом речевом стиле; в то же время «концепт характеристики» разрушен полностью.

3. Однако главным образом Магнус Федорович работал над диссертацией, тема которой звучала так: «Материализация и линейная натурализация Белого Тезиса как аргумента достаточно произвольной функции сигма не вполне представимого человеческого счастья».

Тут он достиг значительных и важных результатов, из коих следовало, что человечество буквально купалось бы в не вполне представимом счастье, если бы только удалось найти сам Белый Тезис, а главное — понять, что это такое и где его искать.

Упоминание о Белом Тезисе встречалось только в дневниках Бен Бецалеля. Бен Бецалель якобы выделил Белый Тезис как побочный продукт какой-то алхимической реакции и, не имея времени заниматься такой мелочью, вмонтировал его в качестве подсобного элемента в какой-то свой прибор. В одном из последних мемуаров,

написанных уже в темнице, Бен Бецалель сообщил: «И можете вы себе представить? Тот Белый Тезис не оправдал-таки моих надежд, не оправдал. И когда я сообразил, какая от него могла быть польза — я говорю о счастье для всех людей, сколько их есть, — я уже забыл, куда же я его вмонтировал». За институтом числилось семь приборов, принадлежавших некогда Бен Бецалелю. Шесть из них Редькин разобрал до винтика и ничего особенного не нашел. Седьмым прибором был диван-транслятор. Но на диван наложил руку Витька Корнеев, и в простую душу Редькина закрались самые черные подозрения. Он стал следить за Витькой. Витька немедленно озверел. Они поссорились и стали заклятыми врагами, и оставались ими по сей день. Ко мне как к представителю точных наук Магнус Федорович относился благожелательно, хотя и осуждал мою дружбу с «этим плагиатором». В общем-то Редькин был неплохим человеком, очень трудолюбивым, очень упорным, начисто лишенным корыстолюбия. Он проделал громадную работу, собравши гигантскую коллекцию разнообразнейших определений счастья. Там были простейшие негативные определения («Не в деньгах счастье»), простейшие позитивные определения («Высшее удовлетворение, полное довольство, успех, удача»), определения казуистические («Счастье есть отсутствие несчастья») и парадоксальные («Счастливей всех шуты, дураки, сущеглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются»).

Магнус Федорович положил на стол коробочку с ключом и, недоверчиво глядя на нас исподлобья, сказал:

— Я еще одно определение нашел.

— Какое? — спросил я.

— Что-то вроде стихов. Только там нет рифмы. Хотите?

— Конечно, хотим, — сказал Роман.

Магнус Федорович вынул записную книжку и, запинаясь, прочел:

Вы спрашиваете:

Что считаю

Я наивысшим счастьем на земле?

Две вещи:
Менять вот так же состоянье духа,
Как пенни выменял бы я на шиллинг,
И
юной девушки
Услышать пенье
Вне моего пути, но вслед за тем,
Как у меня дорогу разузнала.

- Ничего не понял, — сказал Роман. — Дайте я прочту глазами.
Редькин отдал ему записную книжку и пояснил:
— Это Кристофер Лог. С английского.
— Отличные стихи, — сказал Роман.
Магнус Федорович вздохнул.
— Одни одно говорят, другие — другое.
— Тяжело, — сказал я сочувственно.
— Правда ведь? Ну как тут все увяжешь? Девушки услышать пенье... И ведь не всякое пенье какое-нибудь, а чтобы девушка была юная, находилась вне его пути, да еще только после того, как у него про дорогу спросит... Разве же так можно? Разве такие вещи алгоритмизируются?
— Вряд ли, — сказал я. — Я бы не взялся.
— Вот видите! — подхватил Магнус Федорович. — А вы у нас заведующий вычислительным центром! Кому же тогда?
— А может, его вообще нет? — сказал Роман голосом кино-provokatora.
— Чего?
— Счастья.
Магнус Федорович сразу обиделся.
— Как же его нет, — с достоинством сказал он, — когда я сам его неоднократно испытывал?
— Выменяв пенни на шиллинг? — спросил Роман. Магнус Федорович обиделся еще больше и вырвал у него записную книжку.
— Вы еще молодой... — начал он (*Стругацкие*. Понедельник начинается в субботу).

В этом примере сохранены параметры «концепта счастья» и соотносимое с этим концептуальным пространством семанти-

ческое пространство, однако полностью трансформировано семиотическое пространство.

4. Прихлебывая куриный взвар (тяжелой пищи ему покуда не полагалось), Жихарь со стыдом и ужасом слушал неспешный рассказ кузнеца о том, какое нестроение началось в Столенграде и во всем Многоборье, когда отравное зелье свалило его прямо за столом.

— Ну, грабежи еще при тебе начались, — говорил Окул. — А тут и вовсе обнаглели. Из лесу приперлась ватажка лихих людей, грозились спалить город — это на зиму-то глядя! Ну, с этими кое-как совладали. Дружина поворчала без жалованья, но за мечи взялась. Только от этого больше порядку не стало. Взяли люди себе за обычай не отдавать долги. Жихарь, кричат, вон сколько в кабаке задолжал — значит, и нам то же пристало. Я сам дружиннику Коротая изладил доспех такой, что королевичу впору. Плати, говорю, а то, когда Жихарь проспится, ответишь! Он не платит, посмеивается. Мне же противу всей дружины не попереть! День хожу, два, седмицу. Наконец решился, взял молот потяжелее, прихожу на дружинный двор. Когда, спрашиваю, господин воин, должок вернешь? Он же, премерзкий, захохотал и говорит: «Когда Жихарь проспится!» То есть моими же словами... Тут, гляжу, нас, таких недовольных, многонько собирается. И быть бы у нас крепкой усобице, и стоять бы Столенграду пусту, если бы не кривлянская княжна Карина...

— Отчего же имя такое печальное? — спросил Жихарь.

— А жизнь-то у нее какая? — ответил кузнец.

И рассказал о том, что княгиня Апсурда на своих семи возах с приданым ехала к батюшке с жалобой, да не доехала: полюбилась по дороге вдовому кривлянскому князю Перебору Недосветовичу. А у Перебора Недосветовича дочка — вот эта самая Карина. Разумница и книжница, женихов, как мусор, перебирала, вот и припоздала, дождалась мачехи на свою голову. Мачеха же, как и полагается, задумала ее погубить — послала дочку в лес землянику искать под снегом, двоих верных слуг — из наших же, кстати, — к ней приставила для верности, чтобы не воротилась. Те девушку привязали к дереву да и были таковы: кровь на себя брать не стали — и так замерзнет.

— На ее счастье, — продолжал кузнец, — шлялись по лесу своим обычаем два зимних ухаля — Морозка да Метелица, ты их знаешь, да с ними третий, товарищ Левинсон, — он, говорят, из Разгром-книги приبلудился. В кожаном кафтане кургузом. Стал у них за старшего. И не приказал девицу морозить и заметать, а велел вывести к людям. То есть к нам. Тут ее признали, обогрели, стали думать думу и вот что надумали...

Куриное варево привело Жихаря в ум, он стал слушать внимательно.

— Что нам опять без власти сидеть, друг дружке головы листать? Жупел нас приучил к лютости, теперь не отвыкнуть. А тут готовая княжна, хорошего роду, законы понимает, даром что незамужняя. Ну, самых недовольных утихомирили да и присягнули ей на верность — а что делать? Неведомо, когда ты проснешься да не примешься ли сизнова в кабаке княжить?⁵ (*М. Успенский*. *Время Оно*).

В данном примере во многом сохранено концептуальное пространство, в меньшей степени — семиотическое, но соотносены они с совершенно иным семантическим пространством.

Теперь можно посмотреть и на то, как указанные пространства соотносятся с уже традиционно выделяемыми картинами мира. В понимании этих картин, и прежде всего такой их составляющей, как «языковая картина мира», у исследователей также не наблюдается единства. Поэтому мы не будем повторять уже неоднократно заявленное, а остановимся на той точке зрения, которая, в принципе, на данный момент представляется нам вполне логичной и последовательной.

«1. НКМ (научная картина мира) — **инвариант научного знания** человечества о мире на данном историческом этапе, результат отражения ПВК (пространственно-временного континуума) коллективным научным сознанием.

2. НКМ (национальная научная картина мира) — инвариант научного знания о мире **в языковой оболочке конкрет-**

⁵ В принципе, на этом построены все романы *М. Успенского*, известные нам: «Там, где нас нет», «Время Оно», «Кого за славой послать».

ного национального языка, т.е. НКМ, запечатленная в терминосистемах (языке науки) того или иного национального языка.

3. ЯКМ (языковая картина мира) — результат отражения объективного мира **обыденным (языковым)** сознанием того или иного языкового сообщества.

4. НЯКМ (национальная языковая картина мира) — результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, **конкретного этноса**.

5. ИНЯКМ (индивидуальная национальная языковая картина мира) — результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием **отдельного человека** — носителя того или иного национального языка.

Просто ЯКМ — это абстракция, реально нигде не существующая. Реально существуют и могут анализироваться лишь ЯКМ конкретных национальных языков (НЯКМ). НЯКМ — это объективно существующие реальности, ибо таковыми могут быть названы идеографически структурированные лексические системы любого из национальных языков.

Принципиальное отличие НКМ и ЯКМ в том, что **просто** НКМ существует и, получая национальное языковое оформление, воплощается в одну из множества НКМ тех языков, которые имеют собственные языки науки, а просто ЯКМ не существует, **это НЕ ИНВАРИАНТ НАИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА** неким коллективным обыденным **НАДЪЯЗЫКОВЫМ** сознанием человечества, который затем воплощается с небольшими нюансами во всех национальных языках, т.е. во всех НЯКМ. Каждая НЯКМ фиксирует **УНИКАЛЬНОЕ** мировосприятие именно данного языкового сообщества. Если НКМ — это национальное оформление единой, общей для всех НКМ, то НЯКМ — это вовсе не национальный вариант некой общей ЯКМ, поскольку ЯКМ безотносительно к какому-либо конкретному языку не существует. Не существует **ВСЕОБЩЕГО** наивного / обыденного знания о мире, которое бы с небольшими различиями фиксировалось во всех язы-

ках. Существует единая логико-понятийная база, но это совершенно другая категория, категория внеязыковая, и о ней будет сказано чуть позже, когда речь пойдет о разных видах мышления» [Корнилов, 2003; 112—113).

«1. Из всех существующих трактовок выражения “научная картина мира” (НКМ) наиболее предпочтительной нам кажется та, которая таковой именуется **ВСЮ СОВОКУПНОСТЬ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О МИРЕ, ВЫРАБОТАННЫХ ВСЕМИ ЧАСТНЫМИ НАУКАМИ НА ДАННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.**

НКМ — результат отражения пространственно-временного континуума (объективного мира) коллективным НАУЧНЫМ сознанием. НКМ постоянно совершенствуется (изменяется, детализируется, расширяется), стремясь стать тождественной отражаемому миру, но никогда не сможет достичь этого тождества.

2. НКМ — это лишь содержательный инвариант знания. Свое материальное воплощение она находит в терминологиях частных наук, изучающих мир или его составляющие под разными углами зрения. Терминологии всегда оформляются языковыми средствами, т.е. содержательный инвариант эксплицируется посредством языка, “одевается” в те или иные “языковые одежды”. Доминирующей языковой оболочкой каждой науки является тот национальный язык, чьим представителям принадлежит приоритетная роль в развитии данной науки. Другие национально-языковые коллективы могут использовать эти чужие языковые формы, а могут на их базе выстраивать собственные национальные терминологии. Необходимым условием создания национальных терминологий является существование научной традиции на этом национальном языке именно в этой области знаний.

НКМ, эксплицированная средствами национального языка, — это **НАЦИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА (ННКМ).**

3. Отношения НКМ и ЯКМ национальных языков НЕ СЛЕДУЕТ рассматривать как стремление (или даже желатель-

ность) приведения ЯКМ в соответствие НКМ. Они суть порождения разных видов человеческого сознания: научного и обыденного. У них разные цели, ЯКМ более консервативна и не изменяется столь стремительно, как НКМ, а если и изменяется, то по совершенно иным причинам, нежели НКМ. План содержания НКМ ОГРАНИЧЕН объективным миром и за его рамки выйти не может. ЯКМ включает в себя не только мир объективный, но и все то, что существует только в человеческом сознании и нигде, кроме него (субъективные оценки, эстетические и нравственные категории, мифы в широком понимании).

4. ННКМ отражают ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА КАЖДОЙ НАЦИИ в той мере, в какой они ИСПОЛЬЗУЮТ ДЛЯ СВОЕГО ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ СОБСТВЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ. Практически любая терминосистема ННКМ (особенно естественно-научные таксономии) несет в себе неповторимую национальную образность мышления, которая наиболее ярко проявляется во ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ семантически прозрачных терминов и терминов, образованных лексико-семантическим способом, т.е. путем МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ слов обиходного языка. Характер метафоричности и семантической мотивированности терминов различен в каждой из ННКМ.

5. ННКМ и ЯКМ этого языка связаны между собой. При этом влияние ЯКМ представляется большим, чем влияние ННКМ. Каждая терминосистема использует не только слова соответствующей ЛСГ литературного языка, но выборочно — весь лексический массив литературного языка, всю его словообразовательную систему, весь его арсенал образности, все модели семантических переносов. Обратное же воздействие плана содержания терминосистемы лишь потенциально может быть использовано лексикографами для уточнения и корректировки словарных дефиниций, для уточнения плана содержания некоторых обиходных коррелятов. Чаще же всего научная точность терминологических обозначений их общелитературными «двойниками» просто игнорируется, поскольку большей точности, чем уже заключено в обыденном

значении слова, носителям языка просто не требуется» (там же, 73—74; все типы выделений в тексте — автора. Ю.П.).

В принципе соглашаясь с общей позицией автора, считаем необходимым остановиться на одном, но очень, на наш взгляд, существенном моменте. В приведенных выше определениях речь все время идет об «отражении»: с одной стороны — «НКМ — результат отражения пространственно-временного континуума»; «ЯКМ — результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием»; с другой — «ННКМ отражают особенности менталитета каждой нации» и т.п. Нам представляется, что «отражение» объективного мира — это лишь одна сторона процесса, его вторая составляющая связана с деятельностным характером существования человека в этом реальном мире, что позволяет ему не просто «отражать», а структурировать, именовать и тем самым в определенной степени изменять как сам мир, так и создавать несколько иную, опосредованную его потребностями и его деятельностью картину этого мира. Об этом свидетельствует, во-первых, реальный прогресс и реальное развитие понимания научной картины мира: ведь то, что не входило в нее (картину) ранее, вовсе не отсутствовало в самом мире — просто до этого «не доходил» тот уровень деятельности, который был присущ данному этапу развития⁶. Во-вторых, само именование составляющих картины мира — также не есть факт простого отражения, он тоже обусловлен деятельностью человека в реальных условиях мира: для жителя севера «отраженный» им снег имеет значительно больше наименований, чем для жителя средней полосы; для жителя юга он имеет именование, но представлен лишь в виртуальной реальности. Но это вовсе не значит, что различаются только «языковые картины» — различия заложены как с точки зрения

⁶ Сошлемся на парадоксальный пример: все «отражают» тот факт, что птицы летают; все специалисты единодушно утверждают, что с точки зрения законов физики птицы летать не должны: что колибри не может сделать столько взмахов в секунду, что вес птицы не должен превышать столько-то килограммов и т.п. Но в «научную картину мира птиц» это не входит...

науки (действительно, различный снег), так и с точки зрения деятельности человека — для жителя севера его иная научная и языковая картина «снега» связана именно с осуществлением своего непосредственного бытия.

Но это означает, что в каждый конкретный момент развития объективно существующая научная картина мира далеко не в полном объеме может «отражать» реально существующую картину реального бытия. Соответственно, эта научная картина мира уже есть нечто, созданное сознанием человека и именованное в его языке именно на уровне данного момента. Таким образом, языковая картина мира — как совокупность всех возможных на данном языке именовании того, что постигнуто сознанием — есть картина «третьего порядка». И здесь мы не согласимся еще с одним утверждением О.А. Корнилова, который считает, что (протицируем еще раз) «просто ЯКМ не существует, это не инвариант наивного осмысления мира неким коллективным обыденным надъязыковым сознанием человечества, который затем воплощается с небольшими нюансами во всех национальных языках, т.е. во всех НЯКМ. Каждая НЯКМ фиксирует уникальное мировосприятие именно данного языкового сообщества». Естественно, что не существует некоторого общеязыкового инварианта⁷ осмысления действительности⁸, хотя бы потому, что нет и единой общепланетарной человеческой деятельности — кроме, может быть, рождения и смерти, что и представлено во всех языках. В то же время основные виды деятельности в принципе однотипны в силу природной организации мира и человека, поэтому во всех языковых картинах мира есть очень значительная интернациональная именованная составляющая, которая и позволяет людям понимать друг друга при переводе с одного языка на другой (а, как показывает опыт, часто и без этого перевода). Так что национальная языковая картина мира вовсе не уникальна, она прежде всего едина, хотя и содержит уникальные явления, опять же исторически вызванные природной

⁷ Хотя здравый смысл и историческое развитие требует оговорки: пока не существует...

⁸ Что такое «надъязыковое сознание» — нам не ясно. Или неизвестно.

спецификой деятельности того или иного лингвокультурного сообщества.

Таким образом, национальная языковая картина мира уже есть конструкт третьего порядка — вслед за той наднациональной научной картиной мира, которая есть познанное на данный момент национальной научной картиной мира, которая, базирясь на наднациональной, имеет специфику, связанную с материальными условиями деятельности той или иной культурной общности спецификой именованной этой картины в данном языке. И именно эта совокупность суть концептуальная картина мира данной этнолингвокультурной общности — она и внешне-национальна и национальна, она содержит и семиотическую, и семантическую составляющие.

Таким образом, можно построить (причем более точно это построение будет выглядеть именно в обращенном порядке, от реальности общения к теории) следующую картину роли и места концепта:

1. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами — она образует вокруг себя некоторую семантическую сферу, а совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей данного языка, образует семантическое пространство.

2. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именуется определенной связью между явлением действительности, значением и смыслом этого явления. Знак должен содержать — пусть виртуально, т.е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, — и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство.

3. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для

возникновения сфер более высокого порядка — концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именованя их или их частей, а с другой — посредством семиосфер, связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Совокупность концептосфер создает концептуальное пространство.

4. Взаимодействие семантических, семиотических и концептуальных пространств образует национальную языковую картину мира.

Какие бы картины ни открывались перед нашим взором при изучении истории языка, повсюду видны живое движение, твердость и удивительная гибкость, постоянное стремление ввысь и падения, вечная изменчивость, которая никогда еще не позволяла достичь окончательного завершения; все свидетельствует нам о том, что язык является произведением людей и несет на себе отпечаток добродетелей и недостатков нашей натуры.

Я. Гримм

Глава VI. ИМЯ КОНЦЕПТА. ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА

Произнесение слова подобно нажатию
клавиши на клавиатуре представлений.

Л. Витгенштейн

Любое явление действительности — реальное или виртуальное, связанное с конкретным понятием или конкретным чувственным опытом и т.д., для любого действия с ним или над ним (будь то научное исследование или его презентация в процессе общения) должно получить некоторое наименование в языковой системе, быть в той или иной степени сопряжено с отдельной языковой единицей или некоторой совокупностью этих единиц. На данном этапе мы «нечто» сопрягли со словом «концепт». Посмотрим теперь, с какими языковыми единицами сопрягается этот якобы установленный нами «концепт». Обратимся еще раз к работе В.И. Карасика [Карасик, 2002], в которой уже представлен некоторый обобщающий список «концептов», исследованных в работах последних лет:

«Полного списка культурных концептов в лингвистической литературе еще нет, и дискуссионным является вопрос о том, каковы критерии для составления такого списка — концептуария культуры. Ю.С. Степанов (1997) выделяет в качестве культурных концептов “вечное, мир, время, огонь и воду, хлеб, действие, ремесло, слово, веру, любовь, радость, волю, правду и истину, знание, науку, число, счет, письмо,

алфавит, закон, цивилизацию, душу, совесть, мораль, деньги, страх, тоску, грех, грусть, печаль, дом, язык”. Участники конференции “Логический анализ языка. Культурные концепты” (Москва, май 1990 г.) анализируют понятия ‘долг’, ‘милосердие’, ‘свобода’, ‘судьба’, ‘память’, ‘свое и чужое’. Опубликовано серия тематических сборников под редакцией Н.Д.Арутюновой, посвященных концептам ‘судьба’, ‘истина’, ‘время’, ‘пространство’, ‘движение’, ‘образ человека’, ‘этика’... В публикациях волгоградских исследователей рассматриваются культурные концепты ‘честь’ [Слышкин, 1996], ‘состязательность’ [Воронина, 1996], ‘судьба’ [Москвин, 1997], ‘собственность’ [Бабаева, 1997], ‘любовь’ [Вильмс, 1997], ‘труд’ [Гоннова, 1997], ‘старшинство’ [Бунеева, 1998], ‘обман’ [Панченко, 1999], ‘пустота’ [Суродина, 1999], ‘образование’ [Толочко, 1999], ‘красота’ [Мещерякова, 1999], ‘приватность’ [Прохвачева, 2000], ‘вежливость’ [Томахина, 2000], ‘слухи’ [Долгая, 2000], ‘гостеприимство’ [Павлова, 2000], ‘власть’ [Шейгал, 2001], ‘закон’ [Палашевская, 2001], ‘тоска’ [Димитрова, 2001], ‘подвиг’ [Кохташвили, 2001], ‘смерть’ [Грабарова, 2001], ‘пища’ [Злобина, 2001], ‘самоуважение’ [Зеленова, 2001], ‘здоровье’ [Усачева, 2002]. Базовые эмоциональные концепты (‘страх’, ‘радость’, ‘печаль’, ‘гнев’) анализируются в монографии Н.А. Красавского (2001)... Интересны культурные концепты, взятые в качестве наиболее ярких показателей национального характера, в книге нижегородских филологов: русское — ‘соборность’, ‘воля’, ‘удаль’, ‘беспредельность’, ‘тоска’, ‘вера’ [Макшанцева, 2001], английское — ‘дом’, ‘свобода’, ‘приватность’, ‘честная игра’, ‘сдержанность’, ‘джентльменство’, ‘наследие’, ‘юмор’, ‘здравый смысл’ [Цветкова, 2001], немецкое — ‘идеализм’, ‘порядок’ [Зусман, 2001], французское — ‘дух критицизма’, ‘свободолюбие’, ‘республиканские ценности’, ‘любовь’, ‘дух рыцарства’, ‘индивидуализм’, ‘эlegantность’, ‘бережливость’, ‘вкус к комфорту’ [Кирнозе, 2001]» (с. 150—151; библиография — в: Карасик, 2002. — Ю.П.).

Дополним этот список теми концептами, которые мы уже приводили во Введении — ‘душа’, ‘играть’, ‘гулять’, ‘Бог’, ‘воля’, ‘престиж’, ‘жизнь’, ‘душа’, ‘любовь’, ‘профессор’, ‘белорусская шляхта’, ‘государство’, ‘хлеб’, ‘событийность’, ‘причина’.

Таких перечней можно приводить уже множество¹, так как практически нет сборника по лингвистике, когнитивной лингвистике, культурологии, где бы не рассматривался хотя бы один «концепт». Но и этого достаточно. Попробуем на этом материале проанализировать, что же может выступать в качестве имени «концепта».

Если исходить из того, что единственным реальным предъявлением концепта (или некоторых его составляющих элементов) может служить язык, а точнее, некоторая совокупность языковых единиц, соотносимых в своих значениях (напомним еще раз Г.П. Щедровицкого²) с той совокупностью составляющих некоторого элемента картины мира, который мы интуитивно-условно обобщаем в ‘концепт’, то логично предположить, что именно анализ некоторой совокупности этих языковых единиц и предъявит нам совокупность тех значений, которые сопряжены с данным концептом.

¹ См., например: [Кузнецов, 2000]; автор пользовался дискетным вариантом сборника, в котором нет пагинации.

² Конструкции значений и связанные с ними вторичные смыслы создают для процессов понимания (а вместе с тем для элементов первичного смысла) вторую и особую форму существования; вместе с тем они создают новую и особую форму существования для самого знака... Мы получаем возможность сказать, что смыслы и значения — разные компоненты знака, придающие ему вместе с тем разные способы и формы существования, соответственно — в синтагматике и в парадигматике, социальных ситуациях и в культуре, в реализациях и в нормах... Соединение двух указанных выше характеристик конструкций значений: (1) лежат наряду со смыслами и являются другими функциональными компонентами структуры деятельности и знака, (2) выражают и фиксируют отдельные компоненты смыслов, придавая им второе и особое существование — позволяет рассматривать и трактовать связь между значениями и смыслами как совершенно особое отношение конструктивного замещения, или, как мы его называем, имитации... [Щедровицкий, 1973].

Попробуем это сделать на примере «Русского ассоциативно-го тезауруса», в котором отражена ассоциативно-вербальная сеть носителя русского языка (естественно, определенного периода — периода проведения эксперимента), т.е. как раз на наборе тех значений, которые носители этого языка и сопрягают как с действительностью, так и с тем виртуальным объектом, который на базе отражения его в языковых единицах организует языковую картину мира. В качестве примера изберем концепт «дом»³, так как он представлен не только в тезаурусе, но рассматривается как концепт еще в ряде работ.

1. «Ассоциативный тезаурус русского языка»

Книга 2

ДОМ — наш 112; старый 103; деревянный 87; новый 75; родной 64; свой 62; общий 60; небольшой 59; крыша 45; огромный 43; большой 41; высокий 35; детский 29; оставить, строить 28; ваш 24; вернуться, мирный, стена 20; двор, открытый, улица 19; родители 15; деревня, кров, семья 14; близко, восстанавливать, комната, маленький, общественный, отец, полный, приехать, приходиться 13; желтый, запирать, прийти, угол 12; вспоминать, светлый 11; войти, другой, дым, мама, проект 10; входить, кровля, лестница, мой 9; зайти, здесь, иметь, нарядный, невысокий, остаться, приземистый, тот, увидеть, холодный 8; есть, житель, купить, оставаться, приезжать, путь, совместный, тюрьма 7; владелец, город, знакомый, поехать, шумный, это 6; белый, весь, дверь, отдать, похожий, работа, сделать, современный, тихий, уйти, уходить, чистый 5; вдовый, выйти, высочайший, выходить, гость, жить, задний, кресло, магазин, материальный, небогатый, о мамах, одинокий, окно, плохой, следующий, телефон, удобства, уезжать, хороший, цилиндрический 4; буржуазный, видеть, газ, главный, голубой, делать, длинный, древний, земля, искать, кузница, мать, новее, остальной, папа, печь, письмо, показывать, постель, проводить, сбежать, свободный, средний, ставить, стол, суббота, твой, театр, уехать 3; бабушка, в, веселый, вести, видит,

³ Пока назовем его концептом.

вижу, глина, готовый, дети, еда, ехать, зеленый, идти, каждый, каркас, ковер, лучший, место, наихудший, нужный, оказываться, определенный, отдыхать, платить, позвонить, покупать, половина, помогать, последний, постоянный, потерять, прекрасный, привезти, район, ракетный, свиданий, сдавать, сестра, следовать, служба, снимаете, снять, собираться, стоила, стоили, стол, страна, странный, темный, теперь, хрупкий, чахлый, черный, чувствовать, являться 2; бабочка, бедствовать, берег, бесплодный, брат, ванна, везти, великий, вешний, взгляд, видим, видите, видишь, видят, военный, возродить, волос, вор, воскресенье, воссоздавать, год, голова, гора, государство, девочка, девушка, делает, делал, делаю, деревням, дерево, дитя, длиннейший, дорогой, древнейший, единственный, ждать, жена, жизнь, забыть, зеркало, игла, инициативный, иностранный, институт, интересоваться, искусство, их, камень, канал, картина, квадрат, колесо, колхоз, колхозами, колхозов, коридор, который, край, крупный, лев, любить, маму, мастер, матерью, медленный, мерить, молоток, монополия, мост, муж, мыло, мягкий, находиться, некрепкий, нести, низкий, новейший, ночь, нравится, о деревне, о деревнях, о матери, об отцах, обед, обещать, обязанность, овца, один, он, отобрать, первый, песня, песок, письма, платите, площадь, поднять, подойти, подумать, пойти, показать, ползти, полка, помнить, помочь, помощь, попасть, попробовать, попросил, попросить, правительство, предоставлять, преследовать, принимать, приносить, принять, прислать, провести, просит, просите, простой, пуговица, пурга, разный, рассказывать, река, рыба, самый, свидание, семя, сидеть, скорлупа, слово, смотрели, смыться, снимает, снимал, снимать, собраться, советский, современнейший, сострадание, спросить, сторона, стоял, стоять, существовать, такой, тишайший, топливо, трава, тридцать, труда, трудам убежать, убежать, убогий, удрать, улизнуть, учительница, учиться, чай, чаще, широкий, штурмовать, шутка, экономный 1; 2023 + 359

Книга 3

ДОМ — родной 12; большой, мой 4; в деревне, кирпичный, крыша, с мезонином, семья 3; белый, деревня, жилой, красивый, на окраине, строить, тепло, хата 2;

ветхий, ви́лла, вы́сокий, вы́соко, гостеприимный, дача, дверь, дере́во, желтый, жизнь, жилище, жить, за углом, забор, заколоченный, защита, изба, избушка, казенный, калитка, каменный, камень, квартира, клумба, кресло, многоэтажный, мод, на берегу, на улице, облом, огромный, очаг, построенный, построим сами, построить, пуст, пустой, родина, с балконами, стоит, строится, труба, тюрьма, бабушки в деревне, у дороги, убежище, уют, хорошо, хочу, частный, черепица, эстет 1; 104 + 68 + 1 + 52

Книга 4

ДОМ — строить 55; покинуть 31; покидать 23; громадный 21; строение 17; жилище 15; старинный 14; полон 13; здание 12; квартира, пуст 11; закрытый 10; кирпич, частный 9; отдельный 8; быт, пустой, уют 7; адрес, порог, родной, рушить 6; чужой 5; вернуть, дача, коричневый, крайний, крепость, личный, переделать, продать, отдельный, серый, стройка, холодный 4; грязный, корпус, нижайший, обыкновенный, околица, охранять, плоский, поживать, помещение, сарай, стеклянный, халат, храм, чердак, школа 3; бетон, богатый, ворота, вход, гостиница, далекий, доехать, квартал, ком, кривой, летний, малый, мертвый, небоскре́б, неизвестный, ненужный, обойти, объект, обычный, переулок, провода, продавать, пятый, рядом, сделайте, село, спокойный, тепло, теплый, хмурый, хозяйство, целый, цемент, частый, чудесный 2;

автобус, английский, атом, баламут, Бим, ближе, Бог, божий, больше, борщ, будет, бутылка, было, в магазин, варенье, вдали, верь, ветка, вешать, внешность, внутри, воля, горный, городской, гроб, далеко, детство, диван, добежать, доброта, домик, доска, достаток, дрель, дряхлый, дырявый, ее, жалкий, за горизонтом, забор, зал, заходить, звенеть, земной, к нему, канат, ключ, книга, книжная, коляска, комплексный, комфорт, коробка, кошка, кран, красть, кровать, курица, кухня, лен, мал, мебель, мое, московский, музей, мусор, на работу, наземный, наряд, неожиданный, некуда, неповторимый, непохожий, неудобства, НИИ, нищий, нормальный, нужда, обильный, обратно, обстоятельства, общежитие, одинаковый, отдавать, отличный, отчество, палас, перед родиной, переезд, план, плуг, под солнцем, поезд, пожар, покой, пол, поселок, потолок,

приблизиться, привидение, придти, природный, разлука, рама, ослабиться, ремонт, рисовать, родник, родственник, розовый, российский, с лекции, сад, свадьба, сват, свежесть, сверху, синий, сучка, сложный, смех, социалистический, старость, старуха, стоп, стоящий, стул, ступеньки, телевизор, телеграмма, тень, тихо, товар, тон, тоска, традиции, третий, тыл, убирать, укол, уносить, усталость, фигура, форма, хозяин, хозяйственное, чей, чему, чисто, швейная, ящик 1; 625 + 237

Книга 6

ДОМ — построить 71; кирпичный 69; уютный 60; заброшенный 53; собственный 43; строиться 32; каменный 30; сумасшедший 29; разрушен 27; кров 26; пригородный, хата 20; полон, фундамент 19; летающий 17; родной 16; ледяной 15; деревенский 14; сельский, семья, хозяйка 13; крашенный, подъезд, строение 11; изба, тапки 10; помещение, собственность 9; этаж 8; за углом, квадратный, напротив, ничей, прочный, садовый, хижина 7; дачный, имущество, приличный, строитель, убогий 6; забытый, инвалидный, нам только снится, подвал, слева, стоять 5; балка, великолепный, возвышенный, зеркальный, красивый, мрачный, нечистый, порядок, сломали, созидать, старенький 4; беспорядок, возвращаться, восвояси, гнездо, двери, дворец, для двоих, зажигать, капитальный, королевский, лесной, ломать, медвежий, местный, монтаж, покрашенный, некрасивый, отчизна, сгореть, создать, справа, столетний, строительный, теплый, устроить, финский, царский 3; благородный, виднеется, водяной, волчий, гореть, добраться, казарма, красить, крышка, мавзолей, находится, норушка, обязанность, оригинальный, оставаться, отец, открыт, палатка, парламент, печка, приобрести, работа, родители, рыбацкий, скандал, снежный, сырой, убирать, управления, устоявшийся 2; акварельный, американский, бардак, бесценный, ближний, бразильский, бюджета, валить, взвыть, взорваться, возвратиться, воскресение, выгнать, вымерший, гараж, гарем, глиняный, гнилой, гном, голубиная, Горький, дачник, дворик, девичий, денежный, деревня, десятый, дисциплина, Днепр, добираться, дождевой, дурдом, железная дорога, забитый, загнивающий, закоулок, заморский, заплатить, Знаменский, икона, кабак, кабинет, калитка, камин, комод, конструк-

тивный, контора, корявый, космический, крестьянин, крошечный, ленинский, летательный, летящий, лечебный, лифт, людской, магнитный, малый, матери, материальный, матушка, МГУ, мелкий, местность, милицкий, морг, мудрец, наглядный, небеса, невыполнимый, необитаемый, неотесанный, непреодолимый, неприступный, нехватка, Новый год, норка, Нью-Йорк, обитатель, обширный, объявление, ограда, одноразовый, оконный, персональный, песчаный, печенье, Плюшкин, подготовить, позади, полдень, помощник, понятие, порхающий, потеря, потрясающий, почта, приход, проклятый, прораб, прочная, птичий, радостно, разбитый, раздеваться, распался, расставаться, розетка, роскошь, русый, сбоку, святость, секретный, сельсовет, семейный, скамейка, склад, скрипичный, сломанный, СНГ, снится, собачий, собрать, создавать, соседка, сосновый, союзный, съезд, сыро, танцы, топор, трамвайный, трест, трухлявый, уборка, удобный, уличный, установить, ушел, фиолетовый, фирма, фонд, хлеб, хлебный, хозяйственный, хоровой, хороший, христианский, хрустальный, Чернобыль, чистый, шататься, ширина, штора, экстремальный 1; 1150 + 272

Вторая модель возможного вербального представления элементов концептов (на примере концепта «дом») может быть обнаружена в теории лексического фона, которая уже долгие годы разрабатывается Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым (основную библиографию см. в используемой ниже работе: [Верещагин, Костомаров, 2000; 114—115]). Авторы выделяют в слове лексическое понятие и лексический фон, который может быть представлен «непонятными семантическими долями»: они входят в план содержания слова и определяют условия и возможность функционирования слова в коммуникации. Не останавливаясь более подробно на общей теории лексического фона, отметим, что нас в данном случае интересует практический итог исчисления этих семантических долей фона, так как он по своей сути есть проявление тех ассоциативных связей, которые существуют в сознании определенной национально-культурной личности (и шире — личностей определенной лингвокультурной общности) в связи с тем или иным словом и ко-

торые (связи) могут служить показателем возможной вербализации тех или иных национальных концептов. Авторы не называют исследуемое ими явление концептом, однако будем исходить из признания этого понятия концептом многими исследователями.

По мнению авторов, «типичный дом — это совокупность совсем небольшого числа простых «компонентов». Они таковы: 1) крыша, 2) стены, 3) окна и 4) дверь, 5) крыльцо, 6) ступенька-порожек, 7) печная труба» (с. 18—19), и далее принято исчисление фоновых семантических долей первых четырех с прибавлением «порога». Попробуем представить теперь эти исчисленные в работе доли фона в системе, соотносимой с системой РАТ, при этом не будем учитывать их частотность (она не выявлена в работе), а последовательность представим по аналогии с той, которая указана выше. Следует подчеркнуть, что все указанные ниже доли фона относятся именно к лексеме «дом», являются составными частями ее лексического фона (так это обосновали авторы), поэтому нет необходимости представлять отдельно ассоциативно-вербальную сеть РАТ по каждому «компоненту». Причем в работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова и не ставилась цель полного, исчерпывающего исчисления семантических долей фона — в задачу авторов входило прежде всего обоснование идеи этого исчисления и показ техники исчисления; какие-то семантические доли можно обнаружить практически во всем тексте, однако основные (по мнению самих авторов) представлены именно в данном списке.

Дом — крыша, весь дом, кров, защита, криминальная, родительский, родина, обладать, иметь, над головой, жить, делить, место, проживать, совместное, проживание, голова, поехала; стена, защита, мои стены, сидеть, четыре стены, за стеной, каменный, стены помогают, приватность, уши, прочность, биться о стену, лезть, поставить, к стенке, пройти, по стенке, развешивать, побелить, побледнеть, оклеить, обои; окно, закрыть, ставни, забрать, решетка, вовне, смотреть в, выглядывать, прорубить, свет, ходить, влезть, заглянуть, внутрь; дверь,

препятствовать, запереть, мой дом, крепость, отпереть, замкнуть, отомкнуть, закрыть, открыть, приватность, келейно, ломиться, все двери, дать знать, захлопнуть, нос, закрой-ка, с другой стороны, хлопнуть, скрипит, близость, у дверей, в преддверии, смиренность, знать место; порог, пускать, не пускать, обивать, переступить, Бог, чувствительность, не через, у порога, с порога.

К сожалению, не может служить материалом для сопоставления предложенное Ю.С. Степановым описание концепта (константы) «дом» в «Словаре русской культуры», так как в нем рассматривается лишь единичная составляющая всего концепта — «уют» (укромный; крестьянский уют; мещанский уют; уютный интерьер, стремление к уюту, чувство уюта; комфорт) [Степанов, 1997; 694—698]. Любопытно, однако, проследить, наличествуют ли хотя бы эти составляющие в русской ассоциативно-вербальной сети.

А теперь попробуем посмотреть на эту вполне научно фундированную «языковую картину» с научной объективностью. Что прежде всего бросается в глаза?

Во-первых, ее абсолютная реальность — каждый носитель языка в принципе может определить некую логику возникновения данных ассоциативных пар.

Во-вторых, ее абсолютную хаотичность — и принципиальную, и индивидуальную для каждого носителя языка. Есть уровень некоторой достаточно общей ассоциации, есть абсолютно индивидуальные варианты. Но и они — из условий выбора — являются первыми реакциями реципиента, т.е. наиболее существенными и значимыми для него (в силу некоторых личных причин условий его существования и речевого общения). Это значит, что будучи элементами некоторого неупорядоченного хаоса для меня, для него они представляют важную часть его системы, его «языковой картины мира». И так по отношению к любому слову, что всегда четко можно увидеть в ассоциативном словаре: в каждой словарной статье присутствует очень значительная часть индивидуальных реакций, которые для кого-то — первые, наиболее значимые.

В-третьих, есть совпадения по всем представленным трем источникам: практически все составляющие «дома»⁴ по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову, по Ю.С. Степанову входят в ассоциативно-вербальную сеть. Однако расположены они — с точки зрения их частотности — далеко не одинаково.

В-четвертых, собственно ядро, т.е. наиболее устойчивая часть «концепта», крайне незначительно — в прямом словаре показатель частотности **104 + 68 + 1 + 52**:

104 — общее количество реакций на слово-стимул;

68 — число разных реакций;

1 — число отказов от реакции;

52 — число единичных реакций.

При этом наиболее частотная реакция (12) составляет всего около 11,5%⁵, а сумма всех «неединичных» реакций — 50%. Еще один показатель — соотношение частотности реакций и вообще 50% всех полученных реакций⁶:

- по **Книге 2** — Дом: наш 112; старый 103; деревянный 87; новый 75; родной 64; свой 62; общий 60; небольшой 59; крыша 45; огромный 43; большой 41; высокий 35; детский 29; оставить, стоять 28; ваш 24; вернуться, мирный, стена 20; двор, открытый, улица 19;

- по **Книге 3** — включая единичные реакции;

- по **Книге 4** — Дом: строить 55; покинуть 31; покидать 23; громадный 21; строение 17; жилище 15; старинный 14; полон 13; здание 12; квартира, пуст 11; закрытый 10; кирпич, частный 9; отдельный 8; быт,

⁴ За редкими исключениями, которые можно в принципе связать с разницей во времени описания материала: так, столь частотная в наши дни сочетаемость «дом — крыша / криминальный» явно не была частотной в период создания ассоциативного словаря.

⁵ В свое время (см. [Прохоров, 2003; 135—146]) мы анализировали процентные показатели частотности реакций при сплошной выборке — вообще, в статьях словаря практически нет примеров, когда наиболее частотная реакция превышает 50% всех реакций; более того, в 50% вообще всех полученных реакций часто входят уже и единичные реакции.

⁶ Точно 50% указать невозможно, так как в одну частотность могут входить несколько слов, поставленных в алфавитном порядке; поэтому указывается полный список той последней частотности, в которой показатель достигает 50%.

пустой, уют 7; адрес, порог, родной, рушить 6; чужой 5; вернуть, дача, коричневый, крайний, крепость, личный, переделать, продать, раздельный, серый, стройка, холодный 4;

• **по Книге 6** — Дом: построить 71; кирпичный 69; уютный 60; заброшенный 53; собственный 43; строиться 32; каменный 30; сумасшедший 29; разрушен 27; кров 26; пригородный, хата 20; полон, фундамент 19; летающий 17; родной 16; ледяной 15; деревенский 14.

Легко заметить, что «центробежные» параметры концепта «дом» оказываются несравнимо более сильными, чем «центростремительные»: слово «дом» скорее притягивается многими другими единицами, связывает их в единое поле, чем само создает это поле.

Сравним теперь данные показатели по аналогичной схеме с той языковой единицей, которая в *prigod* не рассматривается как концепт, например, с одной из составляющих концепта «дом» — словом «стена».

Книга 1

Стена — белая 63; высокая, каменная 28; дома 24; глухая, дом 20; кирпичная 15; непонимания 14; дверь 11; кирпич, пол 10; непробиваемая 9; бетонная, молчания 8; большая, Китайская 7; голубая, Пинк Флойд, потолок, преграда, толстая 6; препятствие, серая 5; гнилая, желтая, зеленая, камень, крепкая, крепость, стоит 4; Pink Floyd, Берлинская, забор, картина, красная, кривая, непреодолимая, неприступная, окно, холодная 3; высота, доска, здания, кирпичи, краска, крашенная, наклонная, недоверия, непроходимая, обои, отчуждения, плотная, прочная, светлая, сплошная, темная, черная 2;

альбом, Бастилия, башня, бежать, безмолвия, безысходность, Берлин, блок, вал, Вена, вина, ворота, высока, гладкая, глухо, горох, дала, дело, диск, длинная, дыра, железная, забора, заграда, заграждение, запрета, заслон, зеркало, знак стоп, из камня, из кирпича, из солдат, как нам быть, карандаш, кафедральная, квартира, класса, кол, комната, которую ты ломаешь, красивая, красить, Кремль, кругом, лавина, лагерь, ладьей, между, между нами, между ними, мокрая, мотор, мощно, мракобесия, мраморная, мучений, мяч, надвинулась,

начальник, непробиваемая, недостаток, неприятия, непробивная, нерушимая, нет перспективы, нет пути, обклеена, обход, обширная, ограда, она, отвесная, отчаяния, падает, падающая, памяти, панно, Парлержа, пластинка, плита, покосившаяся, пот, предел, преодоление, преткновение, преткновения, пустота, равнодушия, разбита, разрушена, разрушенная, разрушить, расстрелять, рухнула, с дырой, синяя, скала, слеза, сломана, смена, Сталин, стойкая, столовая, стоп, строй, стройка, трудность, тупик, тупость, туф, тюремная, тюрьма, тяжело, угол, ужас, упругая, футбол, холод, церкви, шкаф, штукатурка 1; 539+179 + 3 + 122

Книга 2

СТЕНА — натолкнуться 11; картина, ковер 10; угол 9; дверь 7; сверло 6; крыша 5; наткнуться, спина 4; комната, молоток, полка, сторона 3; висеть, зеркало, подойти, рисунок, штурмовать 2;

белый, встреча, вьюга, гибкий, город, двигать, двойной, желтый, жесткий, жизнь, за, зайти, запирать, застенчивый, здесь, интересный, камень, квадрат, коридор, короткий, лестница, мало, надменный, написать, о пауках, огромный, паук, помощь, попасть, посмотреть, прекрасный, процесс, рожа, рубль, стена, стеснительный, стояла, страна, сыр, тщетный, тюрьма, упорный, упрямый, уходить 1; 132+62

Книга 4

СТЕНА — квадратная 5; афиша, крепость, плакат, преграда, тупик 3; вполтную, портрет, постучать, потолок, серая, тень 2;

барьер, белая, бесполезно, бетон, бить, ближе, в никуда, внизу, время, вымпел, высокая, гвоздь, гранит, гребень, громадный, дрель, живопись, камни, кафель, кирпич, корыто, куб, маска, могила, на свет, напролом, наручники, нахал, обетованная, опустить, пена, плоский, пол, попытка, приятель, прогремел, прочность, радио, рыжая, ряд, слайды, стекло, Степа, строить, стук, ученик, фотография, цемент, часы, шкаф 1; 82 + 62

Книга 6

СТЕНА — бетонная 45; преграда 6; красить, пробить 5; мрамор, надпись, справа 4; карабкаться 3; берлинская стена, в тупик, горох,

каменный, кремль, объявление, поставлена, потолок, предел, прочная, розетка, сверлить, щель 2;

безысходность, биться, бордюр, высота, Германия, глиняный, глухо, гранит, долбить, домашний, за углом, зад, защита, кирпичный, китайский, клоп, крашенный, лабиринт, ломать, маятник, налетел, непреодолимый, неприступный, нерушимый, огненная, ограда, печная, плоская, портрет, прикол, прорыв, расстрел, сбоку, серость, толчок, треснуть, тюремная, широкополая 1; 140 + 59

Собственно ядро, т.е. наиболее устойчивая часть ассоциативных реакций, в прямом словаре **539+179 + 3 + 122**:

539 — общее количество реакций на слово-стимул;

179 — число разных реакций;

3 — число отказов от реакции;

122 — число единичных реакций

При этом наиболее частотная реакция — 63 — также составляет всего около 11,5%, а сумма всех «неединичных» реакций составила около 23%. Еще один показатель — соотношение частотности реакций и вообще 50% всех полученных реакций:

- **Книга 1** — белая 63; высокая, каменная 28; дома 24; глухая, дом 20; кирпичная 15; непонимания 14; дверь 11; кирпич, пол 10; непробиваемая 9; бетонная, молчания 8;

- **Книга 2** — натолкнуться 11; картина, ковер 10; угол 9; дверь 7; сверло 6; крыша 5; наткнуться, спина 4; комната, молоток, полка, сторона 3;

- **Книга 4** — включая единичные реакции;

- **Книга 6** — бетонная 45; преграда 6; красить, пробить 5; мрамор, надпись, справа 4.

Таким образом, из приведенных примеров можно, как нам кажется, сделать интересные выводы:

1. У того слова, которое мы согласились рассматривать как «концепт», прямые реакции, когда оно выступает в качестве стимула, незначительны — 50% всех реакций уже включают единичные реакции; у единицы «неконцепта» именно прямые реакции составляют наиболее частотную часть.

2. Обратные реакции, когда данная единица является не стимулом, а реакцией, — картина противоположная: у «концепта» это наиболее частотные «пары слов», у «неконцепта» они стремятся по убыванию частоты к единичным, ср. 19 — 4 — 14 / 3 — 1 — 4.

Если для уточнения тенденции сравнить аналогичный подход к другому концепту — «смерть», то картина будет следующая. В прямом словаре, где это слово выступает в качестве стимула (Книги 1, 5), 50% всех реакций будут также включать уже и единичные реакции; в тех случаях, когда это слово будет реакцией (Книги 2, 4, 6), 50% реакций соответственно укладываются в частотности 6 — 2 — 3. Если взять одну из частотных реакций к слову «смерть» в качестве стимула, например, «гроб» (частотность 10), то получается следующая картина: в прямой паре «стимул-реакция» половина реакций — до частотности 2. В обратных словарях (Книги 2, 4, 6) наблюдается чрезвычайно интересная картина, не нарушающая — чисто лингвистически! — принципа: в Книге 2 может быть исключена наиболее частотная пара «гроб — горб», так как она основана не на семантическом принципе, а на звукоподражательном, что часто встречается в ассоциативных экспериментах; в этом случае 50% реакций уже включают единичные. В Книге 6 наиболее частотная пара «гроб — цинковый» (50% всех пар!), однако это напрямую связано со временем проведения эксперимента, когда эта ассоциативная связь была наиболее частотной в средствах массовой информации (война в Афганистане). За исключением этой пары в остальные 50% реакций уже включают единичные.

Прделаем теперь второй «ассоциативный эксперимент» — соотнесем набор прямых ассоциаций по словарю с теми основными «связями» слова «дом», которые представлены в списке долей лексического фона в процитированной ранее работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова.

1. Ассоциативный словарь

ДОМ — родной 12; большой, мой 4; в деревне, кирпичный, **крыша**, с мезонином, семья 3; белый, деревня, жилой, красивый, на окраине,

строить, тепло, хата 2; ветхий, ви́лла, высокий, высоко, гостеприимный, дача, **дверь**, дерево, желтый, жизнь, жилище, жить, за углом, забор, заколоченный, **защита**, изба, избушка, казенный, калитка, **каменный**, камень, квартира, клумба, кресло, многоэтажный, мод, на берегу, на улице, облом, огромный, очаг, построенный, построим сами, построить, пуст, пустой, **родина**, с балконами, стоит, строится, труба, тюрьма, бабушки в деревне, у дороги, убежище, уют, хорошо, хочу, частный, черепица, эстет 1; 104 + 68 + 1 + 52

2. Фон слова

ДОМ — **крыша**, весь дом, кров, **защита**, криминальная, родительский, **родина**, обладать, иметь, над головой, жить, делить, место, проживать, совместное, проживание, голова, поехала; стена, мои стены, сидеть, четыре стены, за стеной, **каменный**, стены помогают, приватность, уши, прочность, биться о стену, лезть, поставить, к стенке, пройти, по стенке, развешивать, побелить, побледнеть, оклеить, обои; окно, закрыть, ставни, забрать, решетка, вонне, смотреть в, выглядывать, прорубить, свет, ходить, влезть, заглянуть, внутрь; **дверь**, препятствовать, запереть, мой дом, крепость, отпереть, замкнуть, отомкнуть, закрыть, открыть, приватность, келейно, ломиться, все двери, дать знать, захлопнуть, нос, закрой-ка, с другой стороны, хлопнуть, скрипит, близость, у дверей, в преддверии, смиренность, знать место; порог, пускать, не пускать, обивать, переступить, Бог, чувствительность, не через, у порога, с порога.

Легко заметить, что совпадающих элементов в этих двух списках — минимум. Из этого можно сделать, по крайней мере, несколько выводов.

1. Разные принципы выбора семантических долей приводят к разным спискам: ассоциативный словарь представляет реальную ассоциативно-вербальную сеть носителя языка; выбор семантических долей во многом зависит от «филологического» взгляда автора.

2. Реальные ассоциативные связи во многом отличаются от возможных ассоциативных связей; это еще раз подтверждает «центростремительность» того, что было названо концептом:

практически все основные «пары слов», представленные в фоне слова, присутствуют в парах, где «дом» будет не стимулом, а реакцией.

Вернемся еще раз к приведенным выше наборам ассоциаций. Но уже с другой позиции. Попробуем отметить, насколько в них совпадают те пары, которые обусловлены особенностями национальной языковой / речевой культуры: какие элементы связаны, по крайней мере, с теми устойчивыми конструкциями (фразаологией, прецедентными феноменами и др.), которые — как представляется — должны иметься в сознании носителей языка:

1. Ассоциативный словарь

ДОМ — родной 12; большой, мой 4; в деревне, *кирпичный*, крыша, *с мезонином*, семья 3; белый, деревня, жилой, красивый, на окраине, строить, тепло, *хата* 2; ветхий, *вилла*, высокий, высоко, *гостеприимный*, дача, дверь, дерево, *желтый*, жизнь, жилище, жить, за углом, забор, *заколоченный*, защита, *изба*, *избушка*, *казенный*, калитка, *каменный*, камень, квартира, клумба, кресло, многоэтажный, мод, на берегу, на улице, облом, огромный, очаг, построенный, построим сами, построить, пуст, пустой, родина, с балконами, стоит, строится, труба, *тюрьма*, *бабушки в деревне*, *у дороги*, убежище, уют, хорошо, хочу, частный, черепица, эстет 1; 104 + 68 + 1 + 52

2. Фон слова

ДОМ — крыша, весь дом, кров, защита, *криминальная*, *родительский*, родина, обладать, иметь, *над головой*, жить, делить, место, проживать, совместное, проживание, голова, *поехала*; стена, мои стены, сидеть, *четыре стены*, *за стеной*, *каменный*, *стены помогают*, приватность, уши, прочность, *биться о стену*, *лезть на стену*, *поставить к стенке*, *пройти по стенке*, развешивать, побелить, побледнеть, оклеить, обои; окно, закрыть, ставни, забрать, решетка, вовне, смотреть в, выглядывать, *прорубить*, свет, ходить, влезть, заглянуть, внутрь; дверь, препятствовать, запереть, *мой дом*, *крепость*, отпереть, замкнуть, отомкнуть, закрыть, открыть, приватность, *келейно*, *ломиться*, все двери, дать знать, *захлопнуть*, нос, *закрой-ка*, *с другой стороны*, *хлопнуть*, скрипит, близость, у дверей, в преддверии, смиренность, знать место; по-

рог, пускать, не пускать, обивать, переступить, Бог, чувствительность, не через, у порога, с порога.

Сравним выделенные элементы:

с мезонином, хата, вилла, гостеприимный, дача, желтый, закованный, изба, избушка, казенный, кирпичный, каменный, тюрьма, бабушки в деревне, у дороги — криминальная, родительский, над головой, поехала; четыре стены, за стеной, каменный, стены помогают, уши, биться о стену, лезть на стену, поставить к стенке, пройти по стенке,, прорубить, мой дом, крепость, келейно, ломиться, захлопнуть, нос, с другой стороны, хлопнуть, обивать, переступить, Бог, не через, у порога, с порога.

Легко заметить, что в них мало совпадений. Если же исключить из второго списка те элементы ассоциаций, которые, имея отношение к слову «дом», связаны напрямую с другими единицами, сопряженными с этим словом (дверь, стена, порог и др.), но само это слово не содержится в ассоциативном списке словаря — например, в нем нет слов «порог», «стена», «окно», — то совпадений практически не будет: *с мезонином, хата, вилла, гостеприимный, дача, желтый, закованный, изба, избушка, казенный, тюрьма, бабушки в деревне, у дороги — криминальная, родительский, над головой, поехала; каменный, мой дом, крепость, келейно, ломиться, захлопнуть, нос, с другой стороны, хлопнуть.*

Таким образом, можно предположить, что те конструкты, которые мы именуем «концептами», реально в языке (общении на этом языке) служат «скрепляющим» элементом, который обеспечивает устойчивость соотношения и взаимосвязи семантического и семиотического полей: на основании именно организованного в национальной (языковой) картине мира концептуального поля участники общения — в данных условиях и на данном языке — «единообразно» выделяют и реализуют те значения языковых единиц, которые релевантны в традиционной для их общения модели общения.

В связи с этим мы согласны и не согласны с утверждением С.Г. Воркачева, который пишет:

«Очевидно, можно утверждать, что (лингво / культурный) концепт представляет собой в достаточной мере “фантомное” ментальное образование как в силу свое эвристичности — он принадлежит к инструментарию научного исследования, так и в силу того, что он является своего рода “ментальным артефактом” — рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения все той же “духовной реальности”. “Оставаясь протермином вне контекста конкретной научной парадигмы (теории), он “накрывает” идеальные сущности, общим для которых остается лишь не-материальность” — принадлежность к области субъективного». «Можно допустить, что, подобно множеству в математике, концепт в когнитологии — базовая аксиоматическая категория, неопределяемая и принимаемая интуитивно, гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, сценария, гештальта и др.» [Воркачев, 2004; 50, 42].

Согласны в том, что это действительно некоторая «виртуальная реальность», но не «фантом»: концепт всегда реален и своим проявлением, своим воздействием на организацию семантических и семиотических пространств в общении. Он — принадлежность не конкретной научной парадигмы, а действительно «термин» для, если угодно, метаязыка протокоммуникации, или, как мы уже называли это явление, хаосокосмологии общения (подробнее об этом ниже). Схемы, фреймы, сценарии, гештальты и т.п. — есть формы организации концепта в зависимости от уровня его рассмотрения и угла зрения. Именно это и не снимает проблемы описания и представления содержания и структуры данного феномена.

Естественно, возникает вопрос: а можем ли мы вообще выявить скрытое имя концепта или конвенционально дать ему имя? Очевидно, это связано с пониманием взаимосвязи языка и мышления. Если исходить из того, что мышление может быть лишь вербально, — то безусловно. Этого не исключает наличие некоторых якобы невербальных проявлений эмоций, действий

ли состояний: они также имеют свою семантику и свою семиотику, а значит подлежат упорядочению в концептуальном поле. В то же самое время нет таких явлений, которые, реализуясь в данном человеческом коллективе как элементы его общения, не находили бы своего вербального выражения (пусть в самом приблизительном, описательном и неточном виде — однако эта неточность вполне достаточна для представителя данной лингвокультурной общности, чтобы понять «из слов», о каком явлении идет речь; показательно, что даже при межкультурной коммуникации, когда часто отмечается, что в одной действительности / на одном языке этому «есть название», а в другой / на другом — «нет названия», коммуникация всегда все же происходит). Следовательно, некоторое вербальное именование концепта может быть выявлено.

Другое дело, что его далеко не всегда можно определить единичным словом. Это справедливо отмечает С.А. Борисова: «Между концептивной и семантической сферами языка нет прямого соответствия. Каждому концепту не обязательно соответствует конкретная лексическая единица. Путем комбинаций языковые выражения — “вербальные оболочки концептов” — могут отражать любые концепты и отношения между ними» [Борисова, 2003; 61]. Это связано не только с «широтой» концепта, но и с фактом его именно центробежного «состояния». В зависимости от семантико-семиотических параметров общения в каждом конкретном случае «задействованы» разные элементы концептуального поля, поэтому в каждом конкретном случае этот концепт может и именоваться «посредством» этой его составляющей: это та же голограмма, о которой мы говорили выше. Поэтому трудно согласиться с позицией В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, отмечающих, что «наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые — периферию... Языковая или речевая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта» [Карасик и др., 2001; 77].

Рассматривая общение, мы определили его структуру как трехмерную динамическую пространственную конструкцию,

которая содержит три взаимосвязанных, нерасторжимых и неслиянных, постоянно взаимодействующих составляющих: интровертивную фигуру — текст, экстравертивную фигуру — дискурс и реальную фигуру — действительность ситуации общения. [Прохоров, 2004]. Скрепками фигур коммуникации мы назвали социокультурные стереотипы и прецедентные феномены. Стереотип был в свое время определен нами как социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения [Прохоров, 2003]. Стереотипы рассматривались как одна из скреп коммуникации, отвечающая за устойчивость взаимосвязи интровертивной фигуры коммуникации — текста с фигурами действительности и дискурса. Это не семантические модели и не семиотические модели, а именно достаточно устойчивые единицы концептного характера, так как они связывают семиотические модели — правила построения общения, с семантическими моделями — правилами его вербализации.

Аналогично были рассмотрены и те скрепы, которые ответственны за связи дискурса с двумя другими фигурами, — прецедентные феномены, под которыми мы понимали вербализованный элемент экстравертивной фигуры коммуникации — дискурса, устойчиво эксплицируемые в прагматических целях для экономии коммуникативных усилий и/или маркированности ситуации общения. С учетом того, что коммуникация на определенном языке складывается всегда в определенной фигуре действительности, эти скрепы устойчиво закрепляются в металльно-лингвальном комплексе носителей данного языка. Но прецедентные феномены — не семантические или семиотические модели, а модели более высокого уровня, поскольку тоже служат установлению взаимосвязи и обеспечению взаимосоответствия между элементами семантического пространства и элементами семиотического пространства. Они — представители именно организующего общения концептуального пространства.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с тем соотношением прецедентности и концепта, которое представлено в работах Г.Г. Слышкина:

«Прецедентный текст всегда формирует концепт, т.е. социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. *Любой текст, формирующий концепт, является прецедентным по определению.* Прецедентные тексты функционируют в дискурсе в виде различного рода реминисценций (цитат, аллюзий, упоминаний). Эти реминисценции являются ассоциативными стимулами, оживляющими в сознании носителей языка *концепты прецедентных текстов*» ([Слышкин, 1999; 23]; см. также: [Слышкин, 2000] — курсив наш. — Ю.П.).

Скорее можно утверждать обратное: любая совокупность именовании концепта — невербальным⁷, лексическим способами, использованием устойчивых конструкций и т.п. — образует текст, под которым мы понимаем совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности (см.: [Прохоров, 2004])⁸. Этот текст может быть как угодно широк: в него входят и исторически сло-

⁷ Возможно ли невербальное именование концепта? Нам представляется, что да: например, отдавание чести военнослужащими имеет, на наш взгляд, не только семантическое значение (приветствие) и семиотическое (знак приветствия именно военнослужащими друг друга; прикладывание руки человека к голове не в военном головном уборе свидетельствует о том, что он когда-то имел отношение к армии, и т.п.), но и концептуальное (как минимум, принадлежность к определенному корпоративному пространству; убежденность в ценности этого пространства и в его значимости, и т.п.). Причем все это может выражаться и вербально: от «здравия желаю» и «честь имею» до «к пустой голове руку не прикладывают».

⁸ Все указанное в предыдущей сноске, а также многое другое «знание» носителями определенного языка правил общения военнослужащих и составит в совокупности текст.

жившиеся элементы и элементы, связанные правилами сегодняшнего дня; в нем наличествуют элементы «более широкого» и «более узкого» употребления; в нем есть элементы, относящиеся ко всем типам коммуникативных пространств, в которых личность вступает в общение средствами данного языка (от планетарного до личного пространства). При этом довольно проблематично выделять, что есть ядро, а что периферия: анализ ассоциативных материалов скорее говорит о том, что частотность той или иной реакции больше зависит от текущей значимости для личности в общении того или иного коммуникативного пространства, чем о том, что именно эта языковая единица более значима в общении, чем иная. Таким образом, можно говорить и о том, что не какое-то «имя концепта» выражает его сущность и определяет его, а именно совокупность актуального для данного речевого общения, совокупность семантических и семиотических сфер (здесь и сейчас) позволяет, используя центробежный характер составляющих концепта, объединять остальные элементы для конкретного и реального общения.

Позволим себе такое построение:

— концепт есть некоторая референция⁹, определяющая взаимосвязь, отношения между действительностью ситуации общения и теми семиотическими и семантическими полями, которые на данном языке в данной культуре устойчиво с этой ситуацией соотносятся. Она определяется в лингвистике как «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности». В философии имеется понятие «референтная группа», которое возникло для описания и объяснения того факта, что в своем поведении человек ориентируется на некоторую эталонную группу, которая может выступать как стандарт для самооценки (компаративные референтные группы) и источник его установок, норм и ценностей (нормативные ре-

⁹ Лат. *refero* — отношу, связываю, сопоставляю.

ферентные группы). Все это вполне соотносится с предлагаемым пониманием существа концепта¹⁰;

реализация концепта — это некоторая преференция¹¹, некоторый выбор, предпочтение тех или иных правил, способов и средств организации данного конкретного общения: не случайно об одном и том же можно в различных коммуникативных пространствах сказать в принципе одно и то же, а об одном и том же в одном коммуникативном пространстве можно сказать по-разному с учетом личностных характеристик общающихся.

Что из этого следует? Очевидно, все, что относится к концепту, обладает двумя взаимосвязанными характеристиками: это и некоторое множество существующих понятий и их вербальных именований, исторически сложившихся в правилах общения на данном языке в данных условиях действительности — с одной стороны, и, с другой — детерминированных правил личностного включения индивида в процесс социально, исторически и корпоративно установленных на данный момент правил этого общения. То есть: во-первых, индивид попадает в уже имеющийся набор правил, которые для него (на определенном уровне их постижения) неясны, неопределенны и непостижимы, но они уже существуют. Затем, в процессе социализации, индивид их «строит», приводит в некоторый порядок, начинает осознавать и «следовать» им. Это следование приводит к тому, что он начинает четко представлять себе, в какой ситуации, в каком коммуникативном пространстве те или иные вербальные средства «подходят» для достижения целей общения. Иными словами, уровень его референции, которой он овладел, позволяет находить средства для реализации — лично и си-

¹⁰ Ср. определение в «Словаре иностранных слов»: «Референция [< лат. *referre* — сообщать] — 1. Справка о службе; отзыв; 2. в деловых отношениях — характеристика (отзыв), даваемая лицу или предприятию другим лицом или организацией... пользующимися доверием в деловых кругах...» — т.е. речь, в принципе, идет о значимости «норм и оценок» некоторого представителя нормативной референтной группы для участника некоторого взаимодействия. Одно из значений приставки *ge* — возобновление, или повторность, действия.

¹¹ Лат. *praeferre* — предпочитать; приставка *pra* — впереди.

туативно — его предпочтений. И так происходит в каждый момент общения.

Выше мы говорили о центростремительной специфике тех языковых единиц, которые связаны с данным концептом. Очевидно, что специфика формы выражения концепта не может не соответствовать и его сущности: концепт — это то, что (или на базе чего) происходит, с одной стороны, построение в данных условиях на данном языке всей системы коммуникации, а с другой — то, что разрозненные элементы семиотических и семантических структур (самих по себе — сложных замкнуто-открытых сфер) объединяет в процессе коммуникации, организует, «строит» в некоторую упорядоченную (опять же для данной действительности и средствами данного языка!) логическую определенность.

В других терминах (о которых мы уже говорили) речь идет о том, что «владея хаосом» организации общения, индивид в каждый конкретный его момент строит космос общения.

«Хаос становится как бы всепорождающим и всепоглощающим началом. Его основное свойство — движение. Хаос — это игра разнонаправленных сил. Хаос стихийен, динамичен и лишен образа. Хаос погружен во мглу, безвиден и безлик. В хаосе соединены два аспекта — пространственный и животворящий, место и жизненная потенция. В нем совпали начала и концы. Хаос диалектичен. В нем живут противоречия. В нем действуют несогласованные между собой силы...

В отличие от хаоса, космос внутренне организован, упорядочен, уравновешен и статичен. Хаос безмерен, в космосе царят мера и пропорция. Хаос непрерывен, космос дискретен. Он обладает целостной формой...

Обилие сфер порядка и беспорядка оборачивается обилием их форм, а обилие форм — изобилием соответствующих им слов, причем лексическое пространство оккупировано преимущественно словами беспорядка, отмечающими разные виды отклонений от норм, специфических для каждой сферы» [Арутюнова, 2003; 3; 7].

Возвращаясь к некоторому генерализованному представлению «картины мира», которая является и базой, и организующим элементом любого общения («фигурой действительности»), мы можем сказать, что взаимоотношение хаоса-космоса в данной реальности ситуации общения есть та же неразрывная и неслиянная конструкция, о форме существования которой лингвисты часто говорят в последнее время — научная картина мира все больше соотносится с языковой (кто сказал, что только и обязательно наивной?) картиной этого же (!) мира.

«В данной трактовке становится очевидной голографическая природа (функционирования) языка; каждый знак как бы включает в себе и звук, и слово, и предложение, и текст, в зависимости от масштаба наблюдения. Мы лишь привыкли воспринимать звук как точку, слово как линию, предложение как поверхность и текст как куб. Текст (в традиционном понимании) является как наиболее объемным телом, допускающим многочисленные интерпретации, так и возвращающимся назад, через коллапс, к точке как к самому простому значению, обладающему, однако, бесконечной потенциальностью. Значение “Гамлета”, например, в свернутом виде может существовать лишь как смутное ощущение тревожности, ср. фонетическое значение, т.е. значение звука. В этом смысле основное значение, которое может остаться после прочтения “Гамлета” (и многочисленных его интерпретаций) — это “мурашки по коже”...

...значение, которое постоянно появляется и исчезает в том или ином коммуникативном универсуме, характеризуется различной степенью четкости (расплывчатости), т.е. является в различной степени интегрированным. Данная степень напрямую связана с интегративностью языковой личности, т.е. с тем, насколько целостно (“комфортабельно”) ощущает себя представитель того или иного коммуникативного универсума...

Коммуникативный акт как движение, объединяющее в себе четыре значимых момента, можно рассматривать в терминах соотношения свободы и ограничений... Значение как

точка, существующее еще вне пространства и времени, содержит в себе полную свободу, т.е. обладает тремя степенями свободы. Значение как линия, развернутая во времени, обладает двумя степенями свободы и одной степенью ограничений. Значение как поверхность (плоскость), построенное в пространстве, имеет одну степень свободы и две степени ограничений. Значение как куб, сочетающий в себе пространство и время, предстает в наиболее реальном виде; данное значение является реализованной, т.е. наиболее оформленной свободой и обладает тремя степенями ограничений. Тем самым с каждым новым поворотом значения семиотическая свобода получает все больше ограничений, а генеративность коммуникативных взаимодействий растет; не случайно Ч. Пирс считал символ самым генеративным типом знаков» [Клюканов, 2003; 86—87].

Допустим, что так из хаоса строится космос. Но этот путь и бесконечен, и непрерывен, и «самообращен» — космос не есть нечто построенное и застывшее (в том числе в словах и нашем использовании их в общении), он является «новым хаосом» для построения «нового космоса» в каждой новой ситуации общения. Почему же это возможно? Нам кажется, что вполне строгий и логичный ответ можно найти в рассуждениях отечественного лингвиста, философа, специалиста по кибернетике В.В. Налимова, строившего вероятностную модель языка. Приведем две обширных цитаты из его исследования:

1. «...в 1931 г. Гёделем была опубликована его знаменитая работа “О формально неразрешимых предложениях Principia Mathematicas и родственных системах”, из которой следовала несостоятельность упомянутых попыток Гильберта и его школы.

Речь здесь идет о некоторых определенным образом устроенных логических системах. В них аксиомы рассматриваются как некоторые строки символов, а правила вывода — как способы получения строк из строк...

Из результатов Гёделя следует, что обычно используемые непротиворечивые логические системы, на языке которых выражается арифметика, неполны. Существуют истинные утверждения, выразимые на языке этих систем, которые в таких системах доказать нельзя. Далее, невозможно, оказывается, доказать непротиворечивость формализованной логико-арифметической системы средствами, которые были бы выразимы в этой же системе. Из этих результатов следует также, что никакое строго фиксированное расширение аксиом этой системы не может сделать ее полной — всегда найдутся новые истины, выразимые ее средствами, но не выводимые из нее.

Основываясь на теореме Гёделя, можно сделать ряд высказываний общеметодологического или, если хотите, гносеологического характера... Общий вывод, следующий из теоремы Гёделя — вывод, имеющий громадный философский смысл, — может быть сформулирован так: *мышление человека богаче его дедуктивной формы...*

Мы не знаем, в чем в действительности состоит «процедура» мышления человека. Но мы хорошо знаем, что на *уровне коммуникации*, при общении друг с другом люди широко используют формальную логику. В нашей повседневной речи, не говоря уже о языке науки, мы легко можем проследить логическую структуру, об этом мы уже немного говорили выше. И здесь немедленно возникает вопрос: в чем же тайна нашего языка? Почему логическая форма коммуникации не подавляет каких-то, может быть, и не понятых нами, но, несомненно, значительно более богатых форм мышления человека? Как преодолевается гёделевская трудность в нашем языке?

Концепция полиморфизма является ответом на эти вопросы. Нечеткие и неотчетливые по своему смыслу слова с неровными краями областей их значений, неясность разграничительных линий между понятиями, их многообразие и пестрота — все это создает возможность для нарушения строго дедуктивных форм мышления, при этом такое нарушение происходит в вежливой форме, не вызывающей раз-

дражения у собеседника. Рассуждения человека должны быть, с одной стороны, достаточно логичными, т.е. они должны базироваться на дедуктивной логике, с другой стороны, они должны быть построены так, чтобы допускались логические переходы типа индуктивных выводов и правдоподобных заключений, не укладывающихся в строгую логику системы постулатов и правил вывода (иначе система будет тавтологической). Полиморфизм языка — это один из способов допущения “нестрогости” логики при «внешнем» сохранении видимости дедуктивной строгости: он позволяет вводить в нашу систему суждений ту «рассогласованность, без которой она была бы неполна. Последнее относится даже к высказываниям на языке математики — напомним здесь еще раз утверждение, вытекающее из теоремы Гёделя: “Если (формальная) арифметика непротиворечива, то она неполна”. Вероятно, та же мысль образно выражена в словах: “четкость и чрезмерная строгость языка ведет к интеллектуальным судорогам”... [Геллнер Э. Слова и вещи. М.: Иностранная литература, 1962]. Полиморфизм языка позволяет сделать *нашу систему коммуникаций негёделевской* [Налимов В.В., Мультченко З.М. К вопросу о логико-лингвистическом анализе языка науки // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972].

И в то же время мы понимаем, что внутренняя рассогласованность суждений, создаваемая полиморфизмом языка, не должна заходить слишком далеко, иначе возникнет ситуация психиатрической больницы. Граница допустимой нестрогости устанавливается как-то сама собой. Ниже мы покажем, что наш обыденный язык занимает некое промежуточное положение на той семантической шкале, на одном конце которой находится жесткий язык с четко обусловленными значениями символов, а на другом — мягкие языки с совершенно произвольной связью знака с означаемым. И на этой шкале наш обыденный язык не занимает строго фиксированного положения — он охватывает широкую область. Не нужно закрывать глаза и на то, что за многозначность языка людям приходится дорого платить. Часто возникают совсем

нелепые споры из-за различного толкования значения одного и того же слова, хотя, впрочем, это, может быть, и есть необходимая составная часть творческой деятельности людей — та ее часть, которую мы не умеем запрограммировать, пытаюсь создать искусственный интеллект. Нам представляется, что построить интересную систему мыслитель может, только используя необычным образом обычные слова...» ([Налимов, 1979; 71—73]; все выд. автора. — Ю.П.).

2. «Развиваемая нами вероятностная модель языка опирается на утверждение о том, что наш язык должен быть пригоден для выражения непрерывно развивающихся и усложняющихся знаний о мире. При этом, однако, нет необходимости высказывать какие-либо беспрекословные суждения о механизме мышления. Например, можно допустить существование некоторой “иерархии” уровней мышления: 1) образного “дологического” мышления..; 2) логического мышления; 3) мышления, “надстраивающегося” над логическим и воплощающего человеческие свойства интуиции и творчества; механизм интуиции и творчества пока далеко не понят. В различные моменты люди могут находиться на разных уровнях иерархии мышления. Однако коммуникация, особенно научная, ведется преимущественно на логическом уровне. Дедуктивная логика — это в большей степени средство коммуникации, чем средство мышления. Задача логики — развитие тех идей, которые в сжатом и потому не вполне понятном виде уже содержатся в исходных посылах. Это особенно хорошо проявляется в языке математики, где дедуктивная структура построения суждений легче всего прослеживается...

В силу своей строгой дедуктивности математический язык позволяет детально описать уже полученные интеллектуальные ценности; но он не позволяет получить что-либо новое. Итак, не чистые дедукции, а смелые индукции и оригинальные представления являются источником великого прогресса в науке.

Если логика — это средство коммуникации, то полиморфизм языка — это, скорее, преодоление трудностей в логи-

чески построенной системе коммуникаций, а не в самой системе мышления. Вероятностная модель языка — просто одно из возможных разъяснений того, как эта трудность преодолевается.

Хочется обратить внимание на некоторую параллель между развитием физики и языкознания. Представление об атомарном смысле слов, идущее, может быть, еще от Лейбница (или еще раньше — от Каббалы), получило свое серьезное подкрепление у Фреге, Рассела и раннего Витгенштейна как раз в то время, когда, казалось бы, окончательно укрепилось представление о четко локализуемом в пространстве и времени атомарном строении материи. Сейчас развитие квантовой механики ввело представление о размытом характере субатомарных частиц. Вот как пытается совсем кратко суммировать это представление физик Ф. Капра в своей работе, посвященной сопоставлению идей современной физики с древневосточным миропониманием.

Одно из основных представлений квантовой теории заключается в признании того, что вероятность является фундаментальным свойством атомарно проявляющейся реальности и управляет всеми процессами, включая само существование материи. Субатомные частицы не существуют безусловно в определенных местах, а скорее, обладают, по выражению Гейзенберга (1963), “тенденцией к существованию”. На уровне атомов события не случаются с безусловностью в определенное время, а скорее, имеют “тенденцию происходить”. Генри Стапп (1971) подчеркивал, что эти тенденции или вероятности не есть вероятности “вещей”, а скорее, вероятности “взаимосвязей” [Налимов, 1979; 108—110].

Нам кажется принципиально важным учет в любом лингвистическом исследовании тех элементов общей логики построения человеческого мышления и человеческого знания, принципы которой достаточно фундаментально разработаны специалистами других наук. И понятие «вероятности» в полной мере соотносимо с объектом данного исследования. Мы пытались — вслед за многими исследователями, по воспитанной в нас «лин-

гвистической логике», выделить «нечто конкретное» и поместить его в аналогичное «нечто». Но концепт, как следует из логики нашего рассуждения, действительно есть именно «тенденция к существованию», что вовсе не делает его абсолютно виртуальным, или абсолютно непознаваемым, или абсолютно не именуемым — ведь вероятность не уничтожает логики реального общения. Концепт — это, действительно, не вероятность вещей, а вероятность взаимосвязей. И именно это позволяет удерживать «разбегание» семантических и семиотических пространств до полного хаоса, а наоборот: его центростремительные силы позволяют удерживать их и взаимосвязывать, создавая при этом каждый раз заново из хаоса понятий, значений, смыслов и символов космос реального понимания.

Так может ли концепт быть именован конкретной языковой единицей? И да, и нет. В каких-то ситуациях общения (вспомним еще раз — как деятельности!) он может во всей своей полноте быть сопряженным с отдельным словом — «счастье», «смерть». Иногда некоторые параметры общего содержания концепта лучше всего могут быть выражены (здесь и сейчас! вспомним единичные ассоциации, которые у кого-то — первые) некоторой совокупностью единиц. И именно здесь и проявляется прежде всего потребность в прецедентных высказываниях данной культуры, позволяющих и культурно детерминировать участников общения, и опираться на некоторое присущее данной культуре единство в понимании как этой совокупности единиц, так и концепта в целом — «счастливые часов не наблюдают», «на миру и смерть красна». Он может иметь «невербальное имя» — «белый цвет», как цвет невесты у русских, и «белый цвет», как цвет вдовы на Востоке. Он может именоваться именем собственным — Иван Сусанин и Гамлет.

Но, с другой стороны, концепт не есть «слово» — концепт есть совокупность разноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенного элемента картины мира, детерминированного целым рядом параметров, о которых говорилось выше и именованных данным языком. Поэтому нам представляется более точным говорить, например, не о концепте «счастье» или концепте «смерть», а о концепте счастья и концепте

смерти, устойчиво реализуемых в общении представителей тех или иных культур (что, естественно, не отрицает наличия в них общечеловеческих составляющих)¹².

Таким образом, вопрос «имени концепта» или возможности присвоить концепту имя с целью зафиксировать его место в структуре концептуального поля или использовать это имя как символ и знак в процессе общения не может иметь, на наш взгляд, однозначного ответа.

Не вдаваясь в более подробный разбор и критику того положения, что язык есть организм, я замечу только, что организм, подобно и неорганическим веществам, есть нечто осязаемое, напоминающее собой известное пространство, а с другой стороны — питающееся, размножающееся и т.д. Организм всегда весь налицо, он существует непрерывно со времени своего рождения до начала его разложения, называемого смертью. Язык как целое существует только *in potentia*. Слова не тела и не члены тела: они появляются как комплексы знаменательных звуков, как знаменательные со звучаия только тогда, когда человек говорит, а как представления знаменательного со звучаия они существуют в мозге, в уме человека только тогда, когда он ими думает.

И.А. Бодуэн де Куртене

¹² Как нам кажется, наиболее последовательно это осознается в работах С.Г. Воркачева (см.: [Воркачев 1995; 2002; 2004; Воркачев и др., 2002 и др.]).

Магистраль

Мы должны время от времени отдыхать от самих себя и научиться смотреть на себя со стороны — со всех сторон, — как будто бы из зала, уметь смеяться над собой и плакать; мы должны видеть и того героя, и того глупого шута, которые поселились в нашей жажде познания.

Ф. Ницше. Веселая наука

Магистраль — модель построения конечного текста (например, 15-го сонета в венке сонетов), который составлен из строк каждого текста. Попробуем по этому принципу еще раз собрать воедино все те выводы, которые были сделаны в наших рассуждениях в каждой главе.

Глава I:

1. Концепт есть нечто, неразделимо соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака.

2. Концепт есть нечто, объединяющее на разных уровнях людей с точки зрения их отношения к действительности и способов общения в ней.

3. Концепт есть нечто виртуальное и реальное одновременно, при этом обе его составляющие и всеобщие, и национально-культурно детерминированы.

Глава II:

1. Концепт есть некоторое представление некоторого знания (пред-знания) в его обобщенном виде.

2. Это обобщенное знание в ходе реальной человеческой деятельности как бы «отчуждается» от своего источника и начинает само функционировать как база для создания, развертывания и обоснования новых знаний.

3. Концепт не имеет четко фиксированной структуры и четко фиксированного способа его представления.

4. Концепт реален и виртуален, стабилен и динамичен, имеет ядро и периферию.

5. Концепт — это и миф, и символ, и знак. Концепт — это совокупность мифа, символа и знака. Концепт — это и совокупность неконечного числа мифов, неконечного числа символов и неконечного числа знаков.

Глава III:

1. Концепт есть некая устойчивая / неустойчивая совокупность некоторого виртуального набора именованных, отношений, оценок и т.п. явлений действительности.

2. Этот набор есть совокупность устойчивых / неустойчивых дискурсов как неких симулякров — знаков подобия именованного этого концепта в предыдущих аналогичных дискурсах.

3. «Текст концепта» не может быть явлен единицами языка (любой их совокупностью), а лишь предъявлен отнесенной к нему совокупностью дискурсов, организованных симулякрами.

4. Содержание и структура концепта «проявляет» себя реализуемыми в вербальном общении устойчивыми дискурсивными стереотипами и реминисценциями к предыдущим дискурсивным практикам.

Глава IV:

1. Концепт есть некоторое виртуальное «замещение» реальной картины мира существования человека некоторой совокупностью символов, знаков, т.е. некоторой вторичной картиной, сложившейся в ходе познания мира с целью упорядочения, упрощения и приспособления для существования в первичной картине.

2. Последовательность этого замещения определяется целым рядом факторов, среди которых основным является собственно деятельность человека в данных условиях. На базе этой деятельности создается вторичное — «замещение замещения» — построение некоторой модели отношения к условиям общения.

3. Специфика семиотических моделей хранения, трансляции и реализации человеческого бытия конвенционально номини-

руется — «именование отражения отражения» для обеспечения устойчивого вербального человеческого общения в данном этнолингвокультурном сообществе.

Глава V:

1. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами — она образует вокруг себя некоторую семантическую сферу, а совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей данного языка образует семантическое пространство.

2. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именуется определенной связью между явлением действительности, значением и смыслом этого явления. Знак должен содержать — пусть виртуально, т.е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, — и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство.

3. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения сфер более высокого порядка — концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именования их или их частей, а с другой — посредством семиосфер связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Совокупность концептосфер создает концептуальное пространство.

4. Взаимодействие семантических, семиотических и концептуальных пространств образует национальную языковую картину мира.

Глава VI:

1. Концепт есть некоторая референция, определяющая взаимосвязь, отношения между действительностью ситуации обще-

ния и теми семиотическими и семантическими полями, которые на данном языке в данной культуре устойчиво с этой ситуацией соотносятся.

2. Реальная реализация концепта — это некоторая преференция, некоторый выбор, некоторое предпочтение тех или иных правил, способов и средств организации данного конкретного общения.

3. Концепт есть именно «тенденция к существованию», что вовсе не делает его абсолютно виртуальным, или абсолютно непознаваемым, или абсолютно не именуемым — ведь вероятность не уничтожает логики реального общения. Концепт — это не вероятность вещей, а вероятность взаимосвязей — именно это позволяет удерживать «разбегание» семантических и семиотических пространств до полного хаоса, а наоборот: его, концепта, центростремительные силы позволяют удерживать их и взаимосвязывать, создавая при этом каждый раз заново из хаоса понятий, значений, смыслов и символов космос реального понимания.

4. Концепт не есть «имяслово» — концепт есть совокупность разноуровневых элементов, объединенных для обозначения определенного элемента картины мира, детерминированного целым рядом параметров и по-разному именованных данным языком.

Но, как нам кажется, во всех этих заключениях нет еще одной составляющей, которая была отмечена во многих работах. Вспомним приведенные выше (да еще раз простят филологи) формулы. Концепт должен помещаться где-то там: «вторично именованное», которое конвенционально обеспечивает вербальное человеческое общение в данной части отражения мироустройства $V_{1+n+2+3}$. Но он — явление уже четвертого порядка (напомним: национальная языковая картина мира уже есть конструкт третьего порядка — вслед за той наднациональной научной картиной мира, которая есть познанная действительность на данный момент; национальной научной картиной мира, которая, базируясь на наднациональной, имеет специфику, связанную с материальными условиями деятельности той или иной

культурной общности и уровнем описания семиотических и семантических пространств, обеспечивающих общение данного сообщества). Его четвертое измерение есть оценочность¹: именно она («И один в поле воин» — «Один в поле не воин») создает национально-специфическое (по сравнению с также существующей в том же лингвокультурном сообществе вселенской картиной мира) деятельностное, вербальное, психологическое и т.д. отношение к элементам картины мира, закрепленное средствами данного языка и транслируемое — именно через язык, языковые формулы — для сохранения порядка бытия. При этом четвертое измерение никоим образом не нарушает трехмерности всего мироустройства: оценочность — явление другого порядка. Она может быть связана и с каждым элементом конструкта $V_{1+n+2+3}$, и иметь отношение к нему в целом.

Напомним еще раз, как нам кажется, чрезвычайно важную составляющую понимания концепта: его элементы не существуют безусловно в определенных местах, а скорее обладают «тенденцией к существованию». На уровне общения элементы общения не являются безусловностью в определенное время, а скорее имеют «тенденцию происходить». Эти тенденции или вероятности не есть вероятности «вещей», а скорее вероятности «взаимосвязей».

Отсеяв повторы и перифразы, можно выделить, как нам представляется, главное:

1. Концепт действительно есть симулякр — не реальность, а ее отражение; не простое отражение, а отражение третьего порядка — он отражает не картину мира, а здесь и сейчас именованное представление о некотором элементе картины мира.

2. Концепт есть некоторая совокупность отношений к элементам картины мира.

3. Концепт и всеобщ, и национально и личностно специфичен, что находит свое отражение в выборе языковых средств его реализации.

¹ Об «оценочности» как об одном из основных свойств концепта, в принципе, пишут почти все исследователи.

Теперь осталось самое главное и, казалось бы, простое: объединить все эти составляющие в нечто, которое и станет определением нашего понимания термина концепт. Именно наше-го, так как все остальные (или, по крайней мере, многие из остальных) уже были приведены. Иначе зачем все вышесказанное?² Попробуем:

Концепт — сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении.

Перечитав все это, автор сам почувствовал некоторую незавершенность своих рассуждений. Хотя, по его мнению, этому есть, по крайней мере, три объективных причины:

Во-первых (и это, безусловно — во-первых!), собственные интеллектуальные возможности автора...

Во-вторых, специфика самого объекта исследования — это, вне всякого сомнения (используя конструкцию В.В. Красных), и «виртуальная реальность», и «реальная виртуальность». В этом нет ничего научно-противоестественного: ни с точки зрения нашего постоянного приближения к научной картине мира (по крайней мере, когнитивной, а концепт — безусловная ее составляющая), ни с точки зрения связи научной и языковой картин мира (а концепт выражен только в языке), ни с точки зрения наших возможностей описания легко конструируемого виртуального: чем выше «уровень» метаязыка описания, тем он абстрактнее, виртуальнее — и по отношению и к объекту, и к языку...

К этому можно добавить и еще одно рассуждение из книги М.Р. Проскурякова и Л.Д. Бугаевой «Русская ментальность и текст в терминах самоорганизации». Эта работа безусловно интересна и действительно по некоторым подходам близка нам,

² Тут, правда, автору вспоминается прецедентная конструкция (по Г.Г. Слышкину, тоже концепт): «Частное определение...»

хотя и отличается в принципиальном понимании некоторых сторон роли и места текста в коммуникации. Мы с удовольствием приведем несколько цитат из этой книги:

«Современное философское знание также постулирует бистабильность и даже мультистабильность концептуальных структур: “В концепте всегда есть составляющие, которыми он и определяется. Следовательно, в нем имеется шифр. Концепт — это множественность, хотя не всякая множественность концептуальна. Не бывает концепта с одной лишь составляющей... Всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т.д.” (*Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина М., 1998. С. 26). Структура познавательных и художественных концептов определяется доминирующими в данных темпомирах (временных планах) познавательными моделями, которые могут быть разными для писателя и читателя, интерпретирующего текст...»

«Множественность и противоречивость концептуальной картины мира современной науки в сочетании с принципом исследовательского самоограничения принимаются за онтологическую основу познания в синергетике — учении о взаимодействии и самоорганизации. Междисциплинарные исследования, использующие методы синергетики, позволяют по-новому оценить результаты открытий как в рамках естественно-научного знания, так и в науках о человеке, обществе, поскольку синергетика “ищет общие принципы эволюции мира” (*Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С. 63)... «[Термин *синергетика* введен Г. Хакеном, чтобы отметить ключевую роль коллектива и сотрудничества в науке. «Синергетика — это не новая наука, но новое объединяющее направление в науке. Цель синергетики — выделение общих идей, общих методов и общих закономерностей процессов самоорганизации в самых разных областях естественнонаучного, технического и гуманитарного знания» (*Климонтович Ю.Л.* Динамический и статистический хаос: Критерии степени упоря-

доченности в процессах самоорганизации // Самоорганизация в науке: опыт философского осмысления. М., 1991. С. 99)].

«Объекты, традиционно изучаемые в рамках цикла гуманитарных дисциплин, например, язык, мышление, понимание, смысл, концепт, в терминах синергетики представляют собой открытые системы, существующие в нелинейной и неравновесной среде, обладающие иерархическими уровнями структурной организации».

Интересно, что в этой работе авторы также обращаются к анализу концепта «дом», отмечая, что «концепт *дом* обладает не устойчивой, а динамичной структурой, которая терминологически определяется скорее как *узнавание дома, познание*. В деятельностном аспекте манифестация концепта *дом* выражена в том, что свои последующие исследования в области гностицизма, концептов алхимии Юнг свяжет с познанием “нижних этажей” своего сознания, которое в ряде метафор он сопоставляет с *домом*, а также в том, что он своими руками в течение нескольких лет будет строить *свой дом*, придавая каждому этапу строительства психологический смысл, лингвистически эксплицированный в ряде научных текстов». Очевидно, таково сегодня состояние филологической науки, что к рассмотрению ее наиболее актуальных проблем различные авторы приходят по-разному «в пространстве», но «сходно» во времени...

В-третьих, логика любого исследования подразумевает отсутствие в конце жирной точки — иначе развитие науки уже давно бы остановилось... А чем кормиться следующим поколениям исследователей?!

Будем считать это «в-третьих» самым главным концептом, к которому и следует приходить в завершение любого научного размышления.

Библиография

- Айзенберг М.* Вместо предисловия // Личное ДЕЛО №___: Литературно-художественный альманах. М.: Союзтеатр, 1991. С. 5—18.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 351—354.
- Арутюнова Н.Д.* Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993.
- Арутюнова Н.Д.* О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 3—10.
- Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267—279.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.
- Берестнев Г.* Особенности концептуального абсурда у Д.А. Пригова // Балтийский филологический курьер. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 2000. № 1. С. 87—96.
- Берестнев Г.* «В культуре возникла потребность нового, искреннего высказывания...»: Беседа с Д.А.Приговым // Балтийский филологический курьер. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 2003. № 3. С. 114—117.
- Борисова С.А.* Пространство — Человек — Текст. Ульяновск: УлГУ, 2003.
- Булатова А.П.* Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 34—49.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.

- Вдовиченко А.В.* Хаос в лингвистическом материале как проблема метода. Актуализация вербального феномена // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 248—255.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление // Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 316—651.
- Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 308—315.
- Воркачев С.Г.* Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // НДВШ ФН, 1995. № 3. С. 56—66.
- Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 01. № 1. С. 64—72.
- Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
- Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.* Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межкультурной коммуникации. СПб., 2002. С. 145—148.
- Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- Воркачев С.Г.* Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 6—15.
- Габдуллина С.Р.* Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (сопоставительный аспект). Автореф. дис. ... к-та филол. наук. М., 2004.

- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А.* Когнитивные аспекты лексической системы языка (на материале функционально-семантической сферы «жить»). Уфа, 1998.
- Грузберг Л.А.* Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003.
- Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. М., 2001. № 1 (7). С. 35—46.
- Долбина И.А.* Художественный концепт *брат* и его языковая репрезентация в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Автореф. дис. ... к-та.филол.наук. Томск, 2004.
- Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
- Жинкин Н.И.* Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Язык — речь — творчество. (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998. С. 8—36
- Залевская А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 36—44.
- Залевская А.А.* Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. научн. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 5—18.
- Зиновьева Е.И.* Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка» // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. Сборник статей. СПб.: Политехника, 2003. С. 16—21.
- Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.

- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3—16.
- Карасик В.И.* Субкатегориальный кластер темпоральности: (К характеристике языковых концептов) // Концепты. Архангельск, 1997. Вып. 2. С. 154—173.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75—80.
- Караулов Ю.Н.* Языковое сознание, языковая картина мира, менталитет // Вавилонская башня—2: Слово. Текст. Культура. Ежегодные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. 2002—2003 «Евразия на перекрестке языков и культур». М.: 2003. С. 17—28.
- Клюканов И.Э.* К вопросу о развитии значения // Материалы международной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков. Ч. I: Сборник научных трудов. Тверь: ТВГУ, 2003. С. 78—90.
- Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
- Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. СПб.: Политехника, 2003.
- Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
- Косарев А.Ф.* Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Кравченко А.В.* Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания. 1999, № 6. С. 3—12.

- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: Гнозис, 2001.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
- Красс Н.А.* Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Красухин К.Г.* О загадке слова (слово как узел лингвофилософских проблем) // АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара. Вып. 2. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 377—397.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М. 1997.
- Кузнецов А.М.* Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания. М.: 2000. С. 8—22.
- Лебедько М.Г.* Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
- Ли В.С.* О языковой концептуализации мира и концептуальном анализе // Язык образования и образование языка: Материалы международной научной конференции. Великий Новгород, 2000. С. 184—185.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3—9.
- Лосев А.В.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.

- Лыткина И.В.* Обучение студентов потреблению прецедентных текстов. Авторф. дис. ... к-та филол.наук. М., 2003.
- Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск. 1997. Вып. 1.
- Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика М.: Флинта; Наука, 2003.
- Миллер Л.В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. № 4. 2000. С. 39—45.
- Мишланова С.Л., Пермякова Т.Н.* Современная концептосфера: направления и перспективы // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. Пермь, 2004. С. 351—364.
- Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Язык, мышление и сознание и vice versa // Русский язык за рубежом, 1994. № 1. С. 63—70.
- Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
- Мыркин В.Я.* Понятие vs концепт; текст vs дискурс; языковая картина мира vs речевая картина мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Международной научной конференции. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 46—47.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. Изд. 2-е. М.: Наука, 1979.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
- Нерознак В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 81.
- Новая философская энциклопедия. Т. 2 М.: Мысль, 2001.
- Панченко Н.Н.* Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков). Авторф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

- Попова З.Д., Стернин И.А.* Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2002. С. 4—8.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж. 1999.
- Прокураков М.Р.* Концепт из хаоса // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов: Вып. 12. Секция стилистики русского языка. Ч. I. СПб., 1988. С. 13—22.
- Прокураков М., Бугаева Л.* Русская ментальность и текст в терминах самоорганизации. http://www.fixed.ru/prikling/rusmen/index_rz1/
- Прохоренко Ю.И.* Социальная реальность как гипертекст // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Международной научной конференции. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 23—26.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Икар, 1997. Изд. 3-е: М.: УРСС, 2003.
- Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс. РКИ. М., 2003.
- Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта, 2004.
- Раппопорт Н.В.* Лингвокультурологический концепт «французская национальная личность» (на материале афористики). Автореф. дис. ... к-та филол. наук. Уфа, 1999.
- Румянцева И.М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: ПЕР СЭ; Логос, 2004.
- Рябова Н.К.* «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 72—78.
- Савельева Л.В.* К проблеме адекватности перевода русских этнокультурных концептов // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. VI. СПб.: Сударыня, 2003. С. 44—51.
- Сазонова Т.Ю.* Различные подходы к проблеме концепта // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 2000.

- Сафарян Р.Д.* Концептосфера русского языка: сложности в обучении. Русистика в СНГ: Сборник. СПб.: Златоуст, 2002. С. 158—171.
- Селиверстова О.Н.* Когнитивная и концептуальная лингвистика // Язык и культура. Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Слышкин Г.Г.* Гендерная концептосфера современного русского анекдота: Гендер как интрига познания. Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С.
- Слышкин Г.Г.* Концепты прецедентных текстов: классификация по степени опосредованности восприятия // Языковая личность: проблема лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 73—79.
- Слышкин Г.Г.* Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград. 1999. С. 18—26.
- Слышкин Г.Г.* Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. научн. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 62—68.
- Слышкин Г.Г.* От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. 2000.
- Смыкунова Н.В.* Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному. Автореф. дис. ... к-та пед. наук. М., 2003.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Стернин И.А., Быкова Г.В.* Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 55—67.
- Султанов А.Х.* Слово как вещь, явленная в смысле / Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики 2001: Сборник статей. М.: Азбуковник, 2001. С. 277—293.

- Токарев Г.В.* Лингвокультурологическое осмысление отношений концептов «труд» и «календарь» // Язык образования и образование языка: Материалы международной научной конференции. Великий Новгород, 2000. С. 307—308.
- Фесенко Т.А.* Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Москва, 1999.
- Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
- Хаймс Д.Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике: Вып. VII: Социолингвистика. М., 1975.
- Хаззагеров Г.* Персоносфера русской культуры // Новый мир, 2002, № 7. С. 134—145.
- Хамитова Г.А.* Культурная концептосфера в языке и принципы ее вычленения // Хабарши вестник: Филология сериясы № 2 (74) Серия филологическая. Алматы: Казак университеті, 2004. С. 68—71.
- Харитончик З.А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 87—94.
- Худяков А.А.* Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 97—103.
- Черемисина Н.В.* Языковые картины мира: типология, формирование, взаимодействие // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. 12—14 мая 1995 г. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995. С. 15—16.
- Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.; 1997.
- Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1996. № 6. С. 20—41.

- Чернобров А.А.* Теория имени: язык — философия— культура. Философские и логико-методологические основы теории номинации. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999.
- Швец Н.О.* Концептуальные пространства в трактовке П. Гэрденфорса // Психолингвистические исследования: слово и текст: Сб. научн. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 115—124.
- Щедровицкий Г.П.* Структура знака: смыслы и значения // Проблемы лексикологии: Сб. статей. Минск, 1973. С. 225—238.
- Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М.: Стройиздат, 1975.
- Юрков Е.Е.* К вопросу о базовых понятиях лингвокультурологии // Русский язык как иностранный в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспектах: Научно-методические материалы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

Мы должны время от времени отдыхать от самих себя и научиться смотреть на себя со стороны — со всех сторон, — как будто бы из зала, уметь смеяться над собой и плакать; мы должны видеть и того героя, и того глупого шута, которые поселились в нашей жажде познания.

Ф. Ницше

Оглавление

1. Предвведение. Концептуальное	4
2. Введение	6
3. Поствведение. Научное	11
Глава I. Что есть предмет рассмотрения?	13
Глава II. Миф. Символ. Концепт	30
Глава III. Концепт VS Концептуализм	47
Глава IV. Quo Vadis?	65
Глава V. Сферы, пространства и прочая филология: уточнение терминов	89
Глава VI. Имя концепта. Формы представления концепта	121
Магистраль	154
Библиография	162

Учебное издание

Прохоров Юрий Евгеньевич

В ПОИСКАХ КОНЦЕПТА

Учебное пособие

Подписано в печать 30.06.2016.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru